A close-up photograph of a marble bust of a man with a thick, curly beard and hair. He has a prominent, pointed horn or crest on his forehead. The sculpture is highly detailed, showing the texture of the stone and the individual curls of the hair and beard. The background is a plain, light-colored wall.

Александр Менъ

Магизм
и единобожие

В поисках Пути, Истины и Жизни

Александр Мень

**В поисках Пути, Истины и Жизни.
Т. 2: Магизм и единобожие:
Религиозный путь человечества
до эпохи великих учителей**

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня»

2009

УДК 2
ББК 86.3

Мень А.

В поисках Пути, Истины и Жизни. Т. 2: Магизм и единобожие:
Религиозный путь человечества до эпохи великих учителей /

А. Мень — «Гуманитарно-благотворительный фонд имени
Александра Менья», 2009 — (В поисках Пути, Истины и Жизни)

ISBN 978-5-903612-17-8

Что было раньше: язычество или вера в Единого Бога? Почему во все времена были связаны между собой нравственность и Единобожие? Какими путями выходит человечество из рабства Магизма к свободному Богопознанию? – На эти и многие другие злободневные и вечные вопросы отвечает предлагаемая книга. Грандиозная панорама первобытных религий еще раз убеждает, что у истоков материального крушения всегда стоит духовное обнищание. Издательство благодарит Юликова А. М. за художественное оформление обложки.

УДК 2
ББК 86.3

ISBN 978-5-903612-17-8

© Мень А., 2009
© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья, 2009

Содержание

Введение	6
Часть I	11
Глава первая	11
Глава вторая	19
Глава третья	26
Глава четвертая	37
Часть II	45
Глава пятая	45
Глава шестая	53
Глава седьмая	60
Часть III	74
Глава восьмая	74
Глава девятая	82
Глава десятая	91
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Протоиерей Александр Мень В поисках Пути, Истины и Жизни. Том 2: Магизм и единобожие: Религиозный путь человечества до эпохи великих учителей

Создали два града, две любви: град земной – любовь к себе до презрения к Богу,

град же Небесный – любовь к Богу до презрения к себе.

Блж. Августин «О граде Божием»

Сюжет обложки предложен автором

Редакционная коллегия:

Роза Адамяни, Наталия Вторушина, Наталья Григоренко, Павел Мень

Введение

Бог, сотворивший мир... от одной крови произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли... дабы они искали Бога, не ощутив ли Его, и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем, и движемся, и существуем.

Апостол Павел (Деяния 17, 24)

В предыдущей книге, где речь шла о сущности и происхождении религии, слово «религия» употреблялось в единственном числе. Теперь же нам предстоит встретиться с удивительным многообразием религиозного мира человека. Африканские боги-предки и пантеистическое божество Ксенофана, чувственные культы Сирии и брахманский аскетизм, радения шаманов и эллинистические мистерии, демоны Вавилона и иранский Бог света, сонмы языческих божеств и суровый монотеизм Ветхого Завета. Кажется, что между ними общего? Не исключают ли они друг друга? Если бросить даже беглый взгляд на эту пеструю картину верований, то легко может показаться, что ни о какой единой «религии» говорить невозможно.

И, тем не менее, в мировом религиозном спектре можно усмотреть и некое существенное единство. Оно определяется самой природой религии, которая опирается на живой опыт веры. Вера же есть, прежде всего, состояние духа, рожденное переживанием реальности Высшего. В ней пробуждается особого рода интуитивное знание, совершается нечто подобное встрече, звучит таинственный призыв. Человек отвечает на этот призыв: религиозные учения с их метафизикой и с их этикой и являются такими ответами. В них не только осмысливается мистическое видение веры, но и делается попытка установить «обратную связь» с той сокровенной Сущностью, которая коснулась человека своим веянием. В самом же чувстве присутствия Божественного большинство религий обнаруживают внутреннюю общность.

Но если это так и если едина Реальность, к которой приобщается человек в религиозном опыте, то встает вопрос: как объяснить возникновение столь многих «ответов»? Почему опыт истолковывается столь различно?

В первом ответе на этот вопрос есть ссылка на несомненное сходство многих верований. «Разнообразие религий, – говорят его сторонники, – явление периферическое, поверхностное. На самом же деле по существу есть лишь одна истинная религия, разлитая всюду под разными формами». Такое решение как будто бы кладет конец нетерпимости и узости, помогая везде находить духовные сокровища. Наиболее последовательно придерживались этой точки зрения индийские мыслители: Рамакришна, Вивекананда, Радхакришнан¹. Но и Европе она не осталась чужда; мы находим ее у многих деистов и теософов, к ней приближались Лессинг и Новалис, Эмерсон и Толстой.

Несмотря на известную привлекательность подобного подхода к религиям, нетрудно убедиться, что он неизбежно приводит к их обезличиванию и к выхолащиванию живого богатства конкретных вероучений. Кроме того, стирание границ, вольно или невольно, ведет к замалчиванию важных противоречий в религиях. Ведь такие учения, как, например, буддизм и христианство, сходны скорее в чертах второстепенных, в главном же они едва ли не противоположны.

Сторонники второго взгляда, считающие себя строгими последователями Библии, впадают в другую крайность. Они признают, что есть лишь единственное Откровение, данное Израилю и от избранного народа перешедшее к сверх-Израилю, т. е. Церкви. Все, что лежит за пределами этого духовного потока, объявляется либо чисто человеческими домыслами, либо суевериями. Нельзя отрицать, что этот взгляд, действительно, получает некоторое обоснование в Библии. Суровая исключительность, свойственная ей местами, была отзвуком напряженных духовных битв, когда Израиль отстаивал свою веру перед лицом наступавшего язычества и

христиане бросили вызов античному миру. С особой страстностью этот радикализм проповедовали Тертуллиан и некоторые другие раннехристианские писатели. В наши дни его возродил известный протестантский богослов Карл Барг². Тем не менее, было бы неверным отождествлять это порождение кризисных эпох с целостным духом библейского учения.

Священное Писание, взятое в полном своем объеме, открывает возможность более широкого понимания религиозной истории мира. Ветхий Завет признавал возможность Откровения, даруемого язычникам. Достаточно напомнить имена Мелхиседека, Валаама, Иова³. Характерно, что последний еврейский мыслитель времен независимой Иудеи – Филон – высоко ставил античную религиозную философию⁴. В Новом Завете, как мы увидим ниже, апостол Павел недвусмысленно указывал на возможность хотя бы частичного богопознания у язычников.

Отцы и учителя Церкви разделяли эту мысль, так же, как и отношение Филона к античной философии. Св. Юстин Мученик, Афинагор, свв. Феофил и Климент Александрийские, Минуций Феликс и другие христианские писатели воспринимали идеи Платона, Пифагора, Аристотеля и стоиков как наследие, естественно принадлежащее Церкви⁵.

Если от далекого прошлого мы обратимся к временам более поздним, то убедимся, что эта тенденция в христианстве не только не угасла, но постоянно возрастает. В частности, в православном сознании она проявляется довольно ярко. Так, преподобный Серафим Саровский в своей беседе с Мотовиловым говорил: «Как и в еврейском священном любовном Богу народе, и в язычниках, неведущих Господа, все-таки сохранилось ведение Божие»⁶. А известный русский проповедник XIX века святитель

Иннокентий Херсонский сравнивал представителей разных религий с обитателями разных поясов земли. «Христианство, – писал он, – по отношению к прочим религиям есть то же, что свет полдневный у людей, живущих под экватором, по отношению к свету солнечному у обитателей других частей земного шара. Свет один и тот же; различие только в степени»⁷.

Эту же аналогию с солнечным светом в применении к религиям использовал и Вл. Соловьев. Для него история верований была постепенным раскрытием истины людям. «Религиозный прогресс, – писал он, – не может состоять в том, чтобы чистая ложь сменилась чистой истиной, ибо в таком случае эта последняя являлась бы разом и целиком без перехода, без прогресса – и при этом возникал бы вопрос: почему это внезапное явление истины имело место в данный момент, а не во всякий другой?»⁸.

В XX столетии русская религиозная мысль осталась верной этой точке зрения. Говоря об основателях дохристианских религий, русский богослов А. Туберовский писал: «Они находятся под преимущественным мистическим воздействием; их религиозный опыт не умещается в традиционно народные рамки... В своих наиболее глубоких переживаниях они достигали поразительной интуиции»⁹. Еще более определенно высказывается Н. Бердяев. «Не только демоны, – говорит он, – открывали себя языческим народам и терзали их, но открывался им Божественный свет, открывалось Божество в природе и в родовой народной жизни. Лишь еврейскому народу дано было непосредственное предвосхищение Христа и прямое движение к Нему. Но у всех народов было пророческое предчувствие и предвидение, что должно быть искупление и спасение мира»¹⁰. С разными оттенками эту мысль развивали о. С. Булгаков и С. Франк, о. П. Флоренский и Н. Арсеньев, о. В. Зеньковский и о. А. Ельчанинов и многие другие.

Здесь существует полное единомыслие между православными и католическими богословами. Такой, например, известный ученый, как кардинал Ж. Даниелу, писал, что в дохристианских культах, учениях и мистике мы должны признать «выражение откровения Бога, взывающего к каждой человеческой душе посредством космоса, совести и духа»¹¹. В Западной Церкви общепризнанный характер это утверждение получило посредством постановления II Ватикан-

ского Собора. Декларация Собора, касающаяся нехристианских верований, гласит: «Католическая Церковь не отвергает ничего, что истинно и свято в этих религиях»¹².

Такое третье, подлинно христианское решение проблемы, которое преодолевает как теософское обезличивание религий, так и неоправданную узость псевдобиблеизма. Оно ведет не только к признанию ценного ядра в древних учениях, но и к осмыслению религиозных поисков человечества в свете истории спасения. Центральное положение Христа в духовной динамике мира делает ее *путем*, пусть зигзагообразным и неровным, но тем не менее устремленным к свету Богочеловека.

* * *

Начало христианскому пониманию религиозной истории было положено апостолом Павлом¹³. Он утверждал, что отпадение человека от Бога повергло его во мрак идолопоклонства, но что это, однако, не остановило среди людей *поисков неведомого Божества*. Апостол указывал на *двойственный* характер религиозного процесса в истории. С одной стороны, в нем обнаруживаются деградация и затмение истины, но с другой – виден путь восхождения.

Первоначальное непосредственное ощущение единого Бога ослабевало, оттесняемое язычеством. Эта нисходящая линия есть результат ложного самоутверждения человека, составшего против Творца. Стремление к автономии, запечатленное в библейском сказании о Древе познания, раскрывается апостолом как корень Грехопадения. Желание «быть как Бог» отдалило человека от источника жизни и поработило его демонам и стихиям. Оно не только породило многобожие, но и вскормило магию, магическое мирозерцание.

Магизм усматривал во Вселенной некие неизменные законы и силы, овладение которыми якобы сулило человеку благоденствие. Он был более всего заинтересован теми внешними выгодами, которые люди могут извлечь, подчиняя себе видимый и невидимый мир. Подлинная религиозная жажда была чужда магизму, ставившему на место молитвы, веры и любви волхование, заклятие, принуждение. В этом проявлялась его глубинная связь с Грехопадением, с притязаниями человека утвердить свою волю выше воли Божественной.

Но стихия магизма не смогла окончательно захлестнуть человека, ибо грех не угасил искры Божией, вложенной в него. Поэтому уже в древнейших культурах мы сталкиваемся с первыми попытками сбросить власть магии и обрести утраченного Бога. Символом этой тоски по Небу апостол Павел избрал жертвенник «неведомому Богу», увиденный им в Афинах. Такое телеологическое понимание религиозной истории позволяет различать в ней иерархию ценностей и своего рода *этапы*, подготавливавшие мир к принятию Благой Вести. Отцы Церкви придавали большое значение этому предварению Евангелия в дохристианском мире. «Философия, – говорил Климент Александрийский, – была таким же детоводителем эллинов ко Христу, каким закон был для иудеев»¹⁴.

Самым большим достижением древних мистиков и философов явилось их возвращение, пусть и неполное, к *единобожию*, которое вновь возрождалось после веков безраздельного господства язычества.

Таким образом, в религиозно-историческом процессе обнаруживаются два противоположных пути: путь от Бога и путь к Богу. И если упадок и магический политеизм суть плоды замутненного грехом сознания, то в богоискании осуществляется «великий факт исторического откровения, действие спасающего Бога, Божественный план воспитания человека, возможность духовного роста человечества и его поступательного движения к высшим ступеням»¹⁵.

Борьба магизма с единобожием не ограничивается Древним миром. В ней проявляется извечное противостояние двух полярных сил религиозной жизни. Анри Бергсон в своей заме-

чательной книге «Les deux sources de la morale et de la Religion» (1932) называет эти два начала «статической» религией и религией «динамической». В терминологии Н. Бердяева это «объективированная», «социоморфная» религия и религия Духа¹⁶. М. Тареев определил магический тип верований как состояние «религиозной вражды», которое преодолевается раскрытием «религии богосыновства»¹⁷.

Этой духовной борьбе и поискам посвящена настоящая книга. В ней мы проследим, как ручеек единобожия пробивался через преграды язычества и магии, познакомимся с духовной историей классического Востока, Индии и Греции. Но в центре картины будет израильская религия, и это не случайно.

Откровение Ветхого Завета уникально, даже если смотреть на него просто как на одну из древних религий. Только здесь звучит голос единого, надмирного и одновременно всеобъемлющего и личного Бога. Если предвосхищение Евангелия можно найти у многих философов и учителей, то единственными Его предтечами в прямом смысле слова были пророки Израиля. Огненный рубеж отделяет естественное, интуитивное богопознание от библейской теофании, от самоявления Бога в Ветхом Завете, от завершенного Богочеловеком Завета Нового. «Христианство и иудейство, – как верно замечает Ж. Даниелу, – не являются следствием имманентной эволюции религиозного гения человечества, лишь сравнительно высокоразвитым ее проявлением. Они представляют собой вторжение в историю трансцендентного Бога, который вводит человека в сферу, прежде для него закрытую. В этом смысле можно, вслед за Гвардини, противопоставить Откровение и религию. Библия – результат Божественного Откровения, данного людям всех религий»¹⁸.

Однако было бы ошибкой мыслить Откровение в виде некоего одностороннего воздействия на человека. Церковь всегда усматривала в нем богочеловеческую тайну, ибо оно есть преломление Небесного света в духе сынов земли. В самой Библии мы находим пример органического соединения Божественного и человеческого. В ней отражен долгий путь раскрытия полноты Слова Божия, процесс постепенного очищения и просветления несовершенной природы человека. Поэтому так важно исследование исторической и литературной формы Библии, которому служит *критическая библейская наука*.

* * *

До возникновения критической библеистики толкователи Писания исходили либо из буквального его понимания, либо из аллегорического. Буквальное нередко приводило к соблазнам, недоразумениям и ошибкам. Аллегорическое же оставляло слишком много простора для произвольных догадок. Библейская наука помогла преодолеть эти крайности. Литературная критика текста священных книг и сравнение их с памятниками Востока способствовали как уточнению прямого смысла Библии, так и пониманию ее духовного провозвестия.

Начало критической библеистике было положено католическими и протестантскими богословами, а также внеконфессиональными религиозными мыслителями. В настоящее время ее выводы и методы получили полное признание в западном богословии. Православные библеисты в силу исторических причин дольше других стояли в стороне от новых школ, но, в конце концов, необходимость библейской критики была признана и многими выдающимися представителями православной мысли. Среди них С. Трубецкой, Вл. Соловьев, о. С. Булгаков, Б. Тураев, о. А. Ельчанинов, Н. Бердяев, В. Веллас, Н. Арсеньев и др. Особенно нужно отметить выступление известного богослова, историка и церковно-общественного деятеля А. Карташева, который выпустил специальную книгу о ветхозаветной критике. В ней он призвал православных богословов оставить устаревшие концепции и пользоваться критическим методом в изучении Священного Писания. «Тут, – подчеркивал он, – миссионерский долг и подвиг веры

и церкви»¹⁹. По проложенному им пути идет в своих работах ректор Православного института в Париже о. А. Князев.

Итак, в целом современные богословы не усматривают в совершенствовании методов литературно-критического анализа Библии посягательства на ее духовный авторитет. Уже одно это должно заставить задуматься апологетов отживших представлений, которые еще нередки, особенно среди православных и протестантов. Думается, что наш религиозный долг гораздо больше заключается в поисках истины, нежели в том, чтобы любой ценой сохранить старые представления.

Библейская критика помогает более полно восстановить картину ветхозаветной истории, устраняет бесчисленные затруднения, с которыми сталкивалось богословие в докритический период, и поэтому она играет и будет в будущем играть важную роль в общехристианском сознании.

* * *

Предлагаемая книга не есть узкоспециальный труд, и менее всего это учебное пособие. Она, как и остальные части цикла, была задумана скорее в духе повести или даже поэмы. Однако читатель не найдет здесь ничего такого, что не опиралось бы на первоисточники и на выводы современных исследований.

Для того чтобы рассеять недоумения, связанные с библейской критикой, в конце книги дан ряд приложений, посвященных основным проблемам изучения Библии. При цитировании Священного Писания в основу был положен синодальный перевод, но для уяснения смысла некоторые места (особенно поэтические) были переведены автором заново по критическому изданию Ветхого Завета²⁰.

Мне бы хотелось, чтобы эта книга не была воспринята просто как повесть о далеком прошлом. Как бы ни изменялся мир, есть проблемы, которые всегда будут волновать людей. Поиски, ошибки и духовные прозрения человечества не могут оставить нас равнодушными, особенно сейчас, в эпоху кризисов, разочарований и новых жестоких заблуждений. Сегодня для многих наступает время сделать внутренний выбор. И высшей наградой для автора было бы сознание того, что встреча с далекими предшественниками хотя бы в чем-то помогла нашим современникам в их поисках Пути, Истины и Жизни.

Часть I Доисторический мир

Глава первая Начало религии. Богиня-мать

*Земля-Владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.*

Вл. Соловьев

Кто не замечал той удивительной перемены, которая происходит в природе при наступлении ночи?

Эта перемена особенно чувствуется в летнем лесу. Днем его оглушает многоголосое щебетанье птиц; легкий ветер, раздвигая ветви берез, открывает безоблачную синеву; солнечные блики проскальзывают сквозь зеленый сумрак листьев, играют среди мха. Поляны напоминают уголки тихого и величественного храма. Яркие пятна бабочек и цветов, стрекотание кузнечиков, аромат медуницы – все это сливается в радостную симфонию жизни, которая захватывает каждого и невольно заставляет дышать полной грудью...

Совсем иначе выглядит тот же лес ночью. Деревья приобретают зловещие и фантастические очертания, голоса ночных птиц похожи на жалобные стоны, каждый шорох пугает и заставляет настораживаться, все проникнуто тайной угрозой и враждебностью, а мертвенный свет луны придает порой этой картине оттенок, близкий к видению бреда или кошмара. Природа, такая гармоничная и дружелюбная при свете солнца, внезапно как бы поднимается против человека, готовая мстить, уподобляясь древнему чудовищу, с которого сняты чары заклятия.

Этот контраст мог бы стать символом той перемены, которая произошла в мироощущении наших далеких предков на заре человечества. Врата мировой тайны закрылись перед ними, их стало покидать ясновидение и духовная власть над царством природы. Они очутились одни в огромном враждебном мировом лесу, обреченные на тяжелую борьбу и испытания.

Не только свой хлеб человек стал добывать «в поте лица», но и духовные богатства ему пришлось завоевывать напряженными усилиями многих поколений. Перед ним лежала скорбная дорога исторического развития, на которой ему предстояло падать и вставать, ошибаться и приближаться к истине, искать и преодолевать преграды.

Величие и красота истории человеческих поисков утраченного Бога заключаются в том, что человек всегда испытывает неудовлетворенность, никогда (пусть и бессознательно) не забывает той «райской страны», которую покинул. Тогда, когда он впервые осознал себя в мире, он «говорил с Богом лицом к лицу». Теперь эта непосредственность общения нарушилась. Духовная катастрофа воздвигла стену между людьми и Небом. Но человек не утратил своего богоподобия, не утратил способности хотя бы в слабой степени познавать Бога. На ранних этапах в первобытном богопознании еще ясно жило ощущение единого Бога. Мы уже видели, что у многих примитивных племен, сохранивших быт своих далеких предков, сохра-

нились следы первоначального единобожия²¹. Даже у народов, вступивших на путь развития цивилизации, мы сможем обнаружить следы этой древнейшей веры.

Но каков бы ни был культ, каковы бы ни были формы богопочитания – это не было уже первоначальное лицемерие Единого. Религия – т. е. восстановление связи между человеком и Богом – начинается в истории человечества после Грехопадения. «Пафос религии, – говорит о. С. Булгаков, – есть пафос расстояния, и вопль ее – вопль богооставленности»²². То, что едино, нет нужды связывать, связь возникает как результат стремления преодолеть разрыв. Человек каменного века, как и человек наших дней, остро чувствует тяжесть великого разрыва. А на протяжении веков он порой увеличивался и пропасть углублялась.

Происходило это не потому, что Бог покидал человека, а потому, что человек удалялся от Бога. Правда, уже с самых первых шагов мы находим выражение чувства вины перед Богом и желание ее искупить. Библия не случайно в начале всякого проявления религиозного чувства, т. е. культа, ставит *жертвоприношение*²³. В нем отразилось пусть смутное, но сильное стремление человека загладить свой грех и восстановить единство с Богом. Жертвуя Незримому часть своей пищи, которая добывалась с таким трудом, люди как бы заявляли о своей готовности следовать велениям Высшей воли.

Но обрести прежнюю гармонию было труднее, чем потерять ее. Поэтому мы видим, как люди в своей повседневной жизни все больше и больше уделяют внимание природному миру. Духовные силы, которые связаны со стихиями, начинают казаться им более близкими, более нужными помощниками в жизни. Ведь от них зависит успех охоты, они властители очага и рода.

Постепенно Бог в сознании первобытного человека начинает отступать на задний план, становится далеким и безличным. Характерно, что у большинства племен, даже сохранивших следы древнего единобожия, мы почти не видим культа высшего Божества. О Нем знают, что Оно существует, но Оно бесконечно удалено от мира, от жизни людей и кажется безразличным к их судьбам²⁴.

У некоторых народов образ Бога еще больше расплывается и сохраняется лишь в виде смутного представления о некоей мировой духовной силе. Она безлична, ибо человек уже утратил *личный* контакт с ней. К этой силе, в сущности, невозможно обращаться с молитвой, хотя в какой-то степени она все же влияет на жизнь.

Так, индейцы-алконкины под именем Маниту почитают не столько личного Бога, сколько надмирную силу²⁵. Представления о ней мы встречаем и у жителей Малайи. Эта сила носит определенно сверхъестественный характер. Ее называют *Мана*²⁶. У папуасов, по свидетельству Миклухо-Маклая, эта таинственная стихия именуется *Оним*.

По воззрениям австралийских аборигенов, существует некая «Вангарр – вечная, неопределенная, безликая сила, которая проявила себя во дни создания и продолжает оказывать благотворное влияние на жизнь по сей день»²⁷. Эскимосы называют эту сверхъестественную энергию – *Хила*²⁸. У африканских народов мы также находим понятие о Мана. У обитателей Западного Судана ее имя – *Ньяма*, у пигмеев – *Мегбе*, у зулусов – *Умойя*, у угандийцев – *Жок*, у северных конголезцев – *Элма*. Некоторые ученые даже считали, что этот культ – характерная особенность всех африканских религий²⁹. Весьма интересно и глубоко по смыслу представление о Высшем начале у североамериканских индейцев. «Религиозная вера дакотов, – пишет один исследователь, – не в божествах как таковых, она в таинственном непознаваемом Нечто, которого они суть воплощения... Каждый будет поклоняться некоторым из этих божеств и пренебрегать другими, но величайшим объектом поклонения, каков бы ни был его проводник, является Таку Вакан, который сверхъестественен и таинственен. Ни один термин не может выразить полного смысла дакотского слова “Вакан”. Оно охватывает полноту Тайны, скрытую

власть и божественность»³⁰. Эта сила, которая у ирокезов называется *Оренда*, у юленгоров – *Вангарр*, пронизывает собой всю природу³¹. Она объединяет в духовном единстве людей, животных, растения, камни. Она тождественна с идеей Маны у полинезийцев.

Сила эта распределяется в мире неравномерно, люди могут обладать ею в большей или в меньшей степени. Тот человек, которого сопровождает удача, который отличается ловкостью и красотой, – тот имеет «много Маны». Она может передаваться от одного предмета к другому, человек может стать причастен к ней посредством прикосновения и посвящения³².

Наряду с этим процессом обезличивания Высшего единства, превращения его в неопределенную силу все большую и большую роль в первобытном мировоззрении начинает играть всеобщая стихия природы, или Душа мира.

Вл. Соловьев в своем исследовании о мифологии дал блестящий анализ этого выделения из Божественного единства *Богини-Матери*. Она начинает рисоваться как общая родительница всех живущих, как супруга Божественного Отца³³.

В противоположность далекому Богу, утратившему черты личного существа, это женское божество вполне конкретно и неустанно печется о нуждах людей. Она владычица леса и моря, посылающая удачу в охоте и дающая изобилие. В этом веровании нашло свое воплощение острое чувство мистичности природы, одухотворенности всего мироздания.

Археология дает нам поразительные свидетельства всеобщего распространения культа Богини-Матери в эпоху каменного века. На огромном пространстве от Пиренеев до Сибири и по сей день находят женские фигурки, вырезанные из камня или кости. Все эти изображения, древнейшее из которых найдено в Австрии, условно называют «венерами». Всех их объединяет одна важная черта. Руки, ноги, лицо – едва намечены. Главное, что привлекает первобытного художника, – это органы деторождения и кормления. Выдвигалось предположение, что древние женщины, как женщины некоторых современных примитивных племен, имели в действительности такие огромные груди и отвислые животы. Но если признать, что в «венерах» отразилось лишь стремление к реализму, то остается предположить, что у первобытных женщин не было лица и были крошечные руки.

«Порою, – писал *о. П. Флоренский* о «венерах», – подчеркивание особенностей женского организма превосходит пределы даже шаржировки, и статуэтка изображает уже женский безголовый торс, в котором особенно выделены бедра и груди. Наконец, последний предел упрощения – статуэтка, представляющая одни только груди, – чистая деятельность рождения и вскармливания без малейшего намека на мышление. Это – древнейшее воплощение идеи “вечной женственности”»³⁴.

Статуэтка, изображающая женское божество.
Каменный век. Виллендорф, Австрия

Разгадка необычайных черт в фигурках «венер» кроется в том, что они были, как думают большинство исследователей, *культовыми* изображениями. Это не что иное, как идолы или амулеты Богини-Матери.

Изображения «венер» обильны и в исторических слоях. Они найдены и в доарийской Индии, и в доизраильской Палестине, и в Финикии, и в Шумере. Сходство их сразу бросается в глаза³⁵. Создается впечатление, что культ Матери носил почти универсальный характер.

Это подтверждает и этнография. У народов, сохранивших пережитки отдаленных неолитических времен, почти повсеместно находим культ всеобщей Матери.

У маори она именуется *Пэна*, Мать-земля, супруга Бога Небесного³⁶. У эвенков Подкаменной Тунгуски – *Бугады Энинитын*. Она мыслится хозяйкой Вселенной и одновременно матерью зверей и людей. Кетское женское божество *Томам* (<ам — дословно «мать») функционально подобно эвенкийской *Бугады Энинитын*^{*1}. Другое название эвенкийской богини – *Бугады Мушун*^{*%}.

В Индии она известна под именами *Шакти* и *Пракрити*. В одном древнем индийском тексте она прямо связывается с ростом и рождением. А на одной печати из Хараппы (доарийского периода) можно рассмотреть изображение женщины, из лона которой поднимается растение³⁹.

В Передней Азии и Африке великая Богиня-Мать почиталась почти у *всех* культурных народов периода начала письменности. «Та, которая рождает плоды земли» – египетская *Исида*, малоазиатская *Кибела*, чья скорбь несет умирание растительности, ее двойник в Элладе – *Деметра*, карфагенская *Танит*, сидонская *Астарт*, *Артемида Эфесская*, изображавшаяся с десятком грудей, как бы готовая накормить весь мир, – все это лишь перевоплощения древней Матери мира. В языческой Руси слово «Мать-земля» имело не просто метафорическое значение. Оно обозначало душу природы, богиню, супругу «Хозяина неба».

Иранский символ плодородия

Богиня-Мать правит всеми природными процессами. Это она заставляет оживать семя, погруженное в землю; она вселяет любовь в людей и животных, ей поют песни в дни весеннего ухода за птицами. По ее мановению распускаются цветы и наливаются плоды. Ее радость – это радость всего живущего; ее глаза смотрят на нас с небесной лазури, ее рука нежно ласкает листву, она пронесется над миром в дуновении весеннего ветра.

Имеем ли мы право считать эту веру древних лишь плодом невежества и заблуждений? Не свидетельствует ли она о том, что душа природы была ближе и понятней людям, которые обладали более сильной интуицией, чем мы? Да впрочем, и в более поздние времена в религии и философии идея души мира не умерла. Она продолжала жить и в мировоззрении греков, и в мистической философии новой Европы. Она звучит горячим убеждением в известных словах Тютчева:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик;
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

* * *

Теперь становится понятным тот факт, что в глубокой древности жреческие функции принадлежали преимущественно женщинам. Так, у северных индейцев заклинания совершались женщинами. У некоторых индейцев существует сказание о том, что «обряды плодородия» были учреждены женщинами. По одному ирокезскому преданию, первая женщина, основательница земледелия, умирая, завещала протаскать свое тело по земле, и там, где оно касалось почвы, вырастал обильный урожай. Шаманок и жриц знают наиболее примитивные культуры⁴⁰. Там, где это явление уже исчезло, можно найти его следы. Так, у чукчей и других северных народов шаман-мужчина одевался в женскую одежду⁴¹. А таинственные фрески с о. Крит сви-

детельствуют о том, что в особо священные моменты мужчина должен был облачаться в женский костюм⁴².

Да и кто, как не женщина – живое воплощение мировой Матери, должна держать в руках тайны культа? Не носит ли она в своем теле тайну рождения? Главенство женщин в религии было у галлов, древних германцев и многих других народов. Культ плодородия, который стоял у истоков религии Диониса, также возглавлялся жрицами. А римские весталки в древности имели гораздо большее значение, чем впоследствии. Вспомним, что важнейший греческий оракул в Дельфах основывался на прорицаниях жрицы.

Многочисленные народные поверья о колдуньях, ворожеях и ведьмах есть лишь отголосок тех древних времен, когда жертвоприношение, заклятия и магия были в руках у женщин.

Вполне естественно, что при таком важном культовом значении женщин они оказывались в роли вождей и руководителей племени. Как отзвук этих времен можно рассматривать власть Великой жрицы на о. Крит. Хотя в настоящее время ученые не пришли к единому мнению относительно происхождения *матриархата*, тем не менее ясно, что он был свойствен большинству древних племен.

Матриархальные верования проливают свет на те изображения каменного века, где женщина ставится рядом с бизоном, оленем или другим промысловым зверем. Это магические символы, связанные с заклинаниями, которые произносили женщины перед охотой. Если судить по наскальным рельефам Лосселя, то можно предполагать, что существовали особые охотничьи обряды, совершаемые хором женщин⁴³.

Материалистические авторы пытаются дать свое объяснение матриархату. С одной стороны, они готовы выводить его из «производственных отношений», а с другой – ссылаются на групповой брак, известный у некоторых отсталых племен, при котором трудно установить, кто отец ребенка. При групповом браке линия родства велась по матери. Но так как групповой брак современных отсталых племен довольно сложное и, в сущности, позднее явление, то высказывалось предположение о первоначальном промискуитете, т. е. беспорядочных половых отношениях в первобытном обществе⁴⁴.

На это можно возразить, что, во-первых, от родства по материнской линии до главенства женщины в племени еще очень далеко, а во-вторых – гипотеза о первоначальном промискуитете, в сущности, ничем не доказана.

Если хотят видеть здесь «наследие животных предков», то не следует забывать, что у многих животных и в частности у антропоидов мы находим зачатки семьи (с главенством самца). Даже такие далекие от человека существа, как копытные, хищники или некоторые виды птиц, на периоды спаривания и воспитания детенышей образуют пары, которые часто приобретают постоянный характер.

Когда думают, что любовь двоих – это какое-то высшее достижение цивилизованного человека, то глубоко ошибаются. Близкое знакомство с бытом отсталых народов заставило признать у них те же чувства, что и у нас. Для примера приведем одну австралийскую легенду. «Жили в далекие времена юноша и девушка. Они очень любили друг друга. Когда юноша достиг совершеннолетия, его внезапно оторвали от дома и от девушки: он должен был пройти обряды посвящения, продолжающиеся год или больше. Разлука сильно подействовала на девушку. Она смутно представляла себе те болезненные испытания, которые ждали ее возлюбленного, и боялась за него. Когда началось посвящение и всем женщинам приказали удалиться, девушка, нарушив самый суровый закон аборигенов, под покровом темноты пробралась к священному месту. Поздно вечером один из стариков увел юношу в сторону от стоянки. Там они устроились на ночь. Но парень не мог спать – очень болели свежие раны. При виде страданий своего возлюбленного девушке захотелось увести его от стариков и уйти с ним куда-нибудь далеко-далеко, где бы они могли жить спокойно и счастливо. Подобравшись поближе к костру,

она, чтобы привлечь внимание юноши, стала подражать крикам зверей. Когда юноша заметил ее, девушка велела ему следовать за собой. Но не успели они очутиться вместе, как проснулся страж и начал разжигать костер. Зная, что их обоих ожидает смерть, если их поймают, девушка обвила руками юношу и полетела с ним на небо»⁴⁵. Эти австралийские Ромео и Джульетта достаточно ярко показывают, что человеческое сердце всегда и всюду живет по своим законам. Путешественники очень часто с удивлением отмечали, что отношения мужчин и женщин у самых диких племен удивительно похожи на те, которые имеют место у нас. Об этом свидетельствует, например, английский исследователь Адриен Кауэлл, побывавший среди туземцев непроходимых лесов Южной Америки⁴⁶. Эти наблюдения не дают нам права считать, что первобытный мужчина обращался со своей женой хуже, чем его потомки. Скорее наоборот – подчиненное положение женщины есть результат более позднего этапа, периода патриархата.

Моногамный брак был обнаружен у пигмеев Конго и у диких туземцев Малакки, у одного из наиболее примитивных племен Колумбии и у народа ведда – обитателей Цейлона, у папуасов Доре, у туземцев Канарских островов и многих австралийских племен⁴⁷.

Разумеется, при этом достаточно развито и чувство верности, и чувство ревности. А. Кауэлл в беседах с туземцами убедился, что и у них есть измены и свои Отелло. «Ведь муж убьет, если узнает», – говорил один из туземцев, рассказывая о своих похождениях⁴⁸.

* * *

Исследования этнографов показали, что полигамия и полиандрия в целом были вторичными явлениями, которые обязаны своим возникновением особым, специфическим условиям жизни того или иного народа, того или иного племени. И даже в случаях узаконенной полигамии всегда выделяется «главная» или «старшая» жена, в чем легко усмотреть отзвук изначальной моногамии.

«Оказались слабыми все аргументы, – говорит *В. Вундт*, – при помощи которых старались из существующего положения первобытных народов вывести первоначальное состояние человечества в виде орды, обходившейся без брака и семьи. Скорее и при групповом браке, который ценится как важнейшая часть этого доказательства, и при более простых формах полигамии факты везде указывают на *моногамию* как на основу развития этих образований»⁴⁹.

Пусть естественная моногамия сохранилась не везде и не всегда, пусть история человеческой семьи сложна и запутанна, ясно одно: поскольку групповой брак не был изначальным и всеобщим, он и не мог послужить основой для возникновения матриархальных представлений.

Не в производственных отношениях и хозяйстве и не в особенностях первобытного брака следует усматривать корень матриархата. Возрастание роли женщины в доисторическом обществе было, несомненно, связано с расцветом культа Богини-Матери и ведущей ролью шаманок и жриц.

Эту связь на примере доисторической Греции с удивительным проникновением в дух верований проследил Вяч. Иванов. «Чем в отдаленнейшую восходим мы древность, – писал он, – тем величавее рисуется нам образ вещуньи коренных изначальных тайн бытия, владычицы над прозябающей из их темного лона жизнью, придверницы рождений и похорон, родительницы, восприемницы, кормилицы младенца, плакальщицы и умастительницы умершего.

... Эпоха наибольшей чуткости к подсознательному и верности темной, отрицающей индивидуализацию Земле была эпохой владычества матерей... Всякое исследование истории женских божеств, под каким бы именем ни таилась Многоимянная... наводит нас на следы первоначального феминизма, женского единобожия. Все женские божественные лики

суть разновидность единой богини, и эта богиня – женское начало мира, один пол, возведенный в абсолют»⁵⁰.

И подобно тому, как родоначальница племени была его общей матерью, так и первобытный культ Богини-Матери породил все последующие формы язычества.

Глава вторая

В мире демонов и духов

Все полно богов.
Фалес Милетский

Богиня-Мать – всеобщая прародительница. Из ее лона вышли растения, животные, люди. Поэтому в мышлении первобытного человека живет чувство *родства*, которое связывает все живые существа. Для охотников каменного века зубры и медведи, орлы и бобры – это такие же дети природы, как и они сами. Даже опасные звери, даже объекты промысла представлялись им таковыми. Следы этого чувства мы находим у многих примитивных народов.

Когда эвенки охотятся на медведя, они окружают его берлогу, произнося формулы «угороров», и когда медведь убит, долго извиняются перед ним и уверяют, что они не виноваты в его гибели⁵¹. У северных народов есть обычай, по которому после раздела туши тюленя какую-нибудь часть ее бросают в воду со словами: «Тюлень ушел в море!» Черепа убитых зверей приносят в дом и всячески ублажают их, как дорогих «гостей». Охотники танцуют вокруг и поют: «Не мы вас убили, нет, нет! Камни скатились с горы и убили вас»⁵².

Идея братства человека и животного нашла свое выражение в широко распространенных мифах, согласно которым предки людей имели смешанные человеко-звериные черты. Индейцы верят, что эти существа могли легко менять свой облик. В подобных легендах прочно установилось понятие «животные-люди»⁵³.

Первобытный рисунок, изображающий человекозверя

По верованиям австралийцев, эти получеловеческие предки бродили по всей стране урабунна, совершая священные обряды, а впоследствии некоторые из них превратились в мужчин и женщин.

В этом мифе звучит как бы смутная догадка об общности происхождения животных и людей⁵⁴.

Звероподобные духи обитают на земле и поныне. «Старик по имени Покатегемун, – рассказывает один этнограф, – в особом видении встретил своего покровителя. Покровитель имел человеческий образ и дал ему свое благословение. Только уже уходя, это существо вдруг закричало: “Кванк, кванк, кванк!” Тогда Покатегемун заметил, что это, в сущности, утка и что даже тело ее наполовину белое, наполовину черное». Такие превращения весьма часты в рассказах шаманов и духовидцев.

В пещерах – местах обитания первобытных людей – обнаружено много странных рисунков. Они изображают невероятных чудовищ с ногами людей и мордами коз, с оленьими рогами и человеческим туловищем. Некоторые полагали, что это портреты загримированных колдунов. Но даже если согласиться с таким толкованием, то легко догадаться, что сам этот необычный костюм заклинателя ведет свое происхождение от мифа о человекозвзвях.

Кроме того, некоторые рисунки дают настолько фантастическое переплетение звериных и человеческих признаков, что трудно предполагать здесь какую-либо маскировку. Очевидно, вера в зооморфных предков восходит еще к пещерным жителям⁵⁵.

Эта вера оказала огромное влияние на общественный уклад древних людей. Она объясняет возникновение такого своеобразного явления, как *тотемизм*⁵⁶. Тотем – это, как правило, животное, которое считается предком и покровителем данного племени. Тотемизм характерен почти для всех австралийских племен⁵⁷. В его основе лежит вера в то, что люди кровно связаны с миром животных, а данное племя – с определенным видом животного⁵⁸. Одна из важных черт тотемизма – это его связь с ощущением коллективности. Семья, племя сознают себя чем-то единым в самом глубоком смысле слова. Обостренный индивидуализм – детище цивилизации. Первобытный человек еще не утерял ключ к тайне *единства* человечества. Залогом этого единства является общий тотемический предок и дух-покровитель рода⁵⁹. Когда ребенок становится членом общины, то «в момент его посвящения открывается эта великая коллективная сила. Он отказывается от своей индивидуальности, чтобы стать членом этой общины... которая сопричастна... духу и отождествляется с животным миром через свой тотем»⁶⁰.

Тотемными покровителями у австралийцев являются обычно кенгуру, опоссум, ящерица, летучая мышь и пр. Члены тотемической общины не имеют права употреблять мясо «своих» зверей в пищу. Хотя в исключительных случаях это допускается как часть ритуала⁶¹.

Некоторые ученые выдвигали гипотезу, что тотемы – это не что иное, как объекты охоты племени или животные, внушающие особый страх⁶². Но это не соответствует действительности. Животные-тотемы – совсем не обязательно опасны и ценны для промысла. С. Токарев совершенно справедливо отмечает, что «нельзя видеть основу тотемизма в этой “хозяйственной” его стороне»⁶³.

Источник тотемизма – вера в духовное единство с природой. Он имел широкое распространение в различных частях света. Следы его обнаруживаются не только у примитивных племен Азии, Африки и Америки, но и у цивилизованных исторических народов. Запрет на убийство коровы в Индии, табу на свиней у израильтян и мусульман – отдаленные отголоски седой старины, когда эти животные были священными тотемами.

Кроме коллективного родового тотема, существовали и тотемы индивидуальные. Связь человека с избранным духом-покровителем, которую мы находим в религии африканцев, эскимосов, индейцев, не менее древняя, чем групповой тотемизм⁶⁴.

Постепенно групповые тотемы стали утрачивать свой звероподобный характер, превращаясь в духов-патронов племени или народа.

* * *

Было бы неправильно считать тотемизм какой-то особой нормой религии. Он лишь проявление особого мироощущения, когда вся природа предстает перед человеком одушевленной. Сила *Малы* пронизывает ее повсюду, видимый мир есть тело невидимой Божественной силы. Именно этот анимизм есть религиозная основа тотемизма⁶⁵.

Что же поддерживало это мироощущение в первобытном человеке? Страх – отвечают нам. Человек боялся ядовитых змей, хищных зверей, поэтому боялся темноты. Крики ночных птиц он относил за счет лесных духов. Но такое объяснение естественно в устах человека городской цивилизации. Наивно было бы думать, что люди, веками охотившиеся в лесах и тундрах, так плохо знали их жизнь, что легко принимали филина за лешего, а обезьяну за злого духа.

Всякий охотник чувствует себя в лесу как дома. Каждый след, каждый звук знакомы ему. Из поколения в поколение передавался опыт охотников. Их сведения о природе до сих пор во многом оставляют позади знания европейских ученых. И поэтому считать, что просто страх внушал древним людям веру в духовные существа, по крайней мере неосторожно.

Исследователь, который изучал дикое племя кубу (Суматра), спросил одного из них:

– Ходил ли ты когда-нибудь по лесу?

– Да, часто.

– Слышал ли там стоны и вздохи?

– Да.

– Что же ты думал?

– Что трещит дерево.

– Не слышал ли ты криков?

– Да.

– Что же ты подумал?

– Что кричит зверь.

– А если ты не знаешь, какой зверь кричит?

– Я знаю все звериные голоса...

– Значит, ночью в лесу ты ничего не боишься?

– Ничего.

– И ты никогда не встречал там ничего неизвестного, что могло бы тебя испугать?

– Нет, я знаю все...⁶⁶

Такие вопросы можно было бы задать охотникам многих уголков земного шара, и результат был бы тот же.

Правда, в жизни первобытных людей страх имеет место. Но это реальный страх. Страх голода, неудачи в охоте, встречи с опасными животными. Разумеется, в суровых условиях Арктики или тропиков причин реального страха больше, чем в странах с умеренным климатом. И тем не менее мы не видим, чтобы обитатели этих стран были менее религиозны, чем эскимосы или африканцы. Следовательно, корни веры в духовный мир нужно искать в чем-то другом.

* * *

Эдуард Тэйлор считал, что «древние дикари-философы, вероятно, прежде всего сделали само собой напрашивающееся заключение, что у каждого человека есть жизнь и есть призраки»⁶⁷. И этот «анимизм» они перенесли на природу. Но мы уже видели, что «философствующий дикарь» – это миф. Исследования мышления современных примитивных племен показали, что не рефлексия и не «философия» руководят первобытными людьми, а ирраци-

ональная интуиция. Они видят мир «полным духов» не потому, что размышляли о нем, а потому, что *ощутили* мистическую тайну в природе.

И если мы обратимся к религии «дикарей» в ее конкретных проявлениях, то, по словам Л. Леви-Брюля, убедимся, что их вера в сверхъестественный мир не выступает как «заключение, сделанное путем рассуждения». Духовный мир для них «реален и даже более глубоко реален, чем мир общедоступного и обыденного опыта. Этот второй мир тоже является объектом опыта, но опыта сверхъестественного, имеющего, значит, высшую ценность. Одним словом, согласно Вирцу, как и согласно Тэйлору, существование сверхчувственной реальности “умозаключается”. Мне же, напротив, кажется, что она является непосредственно данной. Там, где ему видится деятельность разума и мыслительных способностей, я констатирую то, что он сам в нескольких местах называет чувством, другими словами, опыт»⁶⁸.

Первобытный человек видел повсюду сокрытую одушевленность: и в стволах деревьев, и в лесных животных, и в беге облаков. Для него взаимодействие вещей в мире – это не только взаимодействие видимого, но в то же время – и более всего – взаимодействие невидимого. В журчащем ручье, в пламени костра обитали духи, враждебные или добрые, а иногда и нейтральные. Стихии не казались ему чем-то бездушным. Невидимый мир не составлял для него какого-то изолированного плана бытия. Он был тут же, рядом, он подразумевался во всем. «Для первобытного мышления, – пишет Леви-Брюль, – не существует двух миров, соприкасающихся друг с другом, отличных, но вместе с тем связанных, более или менее проникающих друг в друга. Для первобытного мышления существует только один мир. Всякая действительность мистична, как и всякое действие, следовательно, мистичным является и всякое восприятие»⁶⁹. Духи оказываются гениями-покровителями каждого клочка земли, имея в своей власти все явления природы, совершающиеся в данном месте, и все события в жизни людей, живущих в их пределах. Число их бесконечно. Они наполняют весь мир, и нет в природе силы или предмета, начиная от моря до комка земли на поле, которые бы не имели своего божества. Они охраняют холмы, рощи, реки, ключи, тропинки и хижины. Им известно каждое действие человека, все нужды и интересы местности, находящейся под их властью⁷⁰.

Таким образом, не просто страх перед природой или неведение относительно голосов животных и птиц становятся источником веры в одухотворенность мира. Если такой страх и появлялся, то он был скорее *результатом* чувства этой одухотворенности. Не просто зверь, гора или дерево являлись причиной мистического страха человека, а то, *как* он воспринимал их.

* * *

Животные, которым гиляки оказывают поклонение, – пишет Л. Штернберг, – не самостоятельные боги, даже не боги вообще, это лишь подчиненные настоящим божеств, хозяев той или иной стихии, тех или иных животных... Боги эти живут в лесах, горах, на дне морей и ведут такую же жизнь, как и сами гиляки. В каждой стихии распоряжается один из этих богов, “ыхь” – хозяин. Вот эти-то хозяева и посылают гиляку по сезонам все, что ему нужно: соболей, медведей, лососей, тюленей»⁷¹.

Само собой разумеется, что эти души стихий, эта таинственная Вселенная гораздо больше заботила и интересовала доисторического охотника, чем далекое и туманное Божество. Вступить в дружественный союз с духами леса, приобрести невидимых помощников и покровителей – вот что было жизненно важно.

Характерен такой случай. Один эскимос, приближаясь к ловушке, услышал тревожный крик ворона. Он насторожился и не стал двигаться дальше. Это спасло ему жизнь. К ловушке подошел гигантский медведь, который растерзал попавшегося в нее ворона. После того как

зверь удалился, охотник подобрал останки птицы и, зашив их в мешочек, превратил в амулет. Он был уверен, что дух ворона стал его защитником⁷².

Конечно, во всем этом немало бессмыслицы и невежества, но глубинная основа первобытного мироощущения заслуживает самого серьезного подхода и отношения. Если мы утратили способность видеть скрытую жизнь природы, то это еще не означает неправоту наших предков, а говорит лишь об ослаблении в нас древней интуиции.

Особое отношение было у первобытных людей к душам умерших. Если даже в наш скептический век оккультные феномены вызывают все меньше и меньше насмешек, то легко представить себе, какое впечатление могли произвести они на людей доисторических времен. Они убеждались, что иные духи умерших превращаются в бродячие тени, которые вселяют ужас. Для того чтобы предотвратить это, применялись самые разнообразные меры предосторожности. Тела покойников связывали, над ними произносили заклятия, а если это не помогало, их извлекали из земли и пронзали копьями, чтобы они перестали тревожить живых⁷³.

Сейчас трудно установить, как понимали древние люди отношение душ умерших к стихийным духам. Скорее всего, они в какой-то степени отождествлялись. Полагали, что после смерти душа становится членом таинственного синклита окружающей человека природы⁷⁴. Даже и сейчас в нас подсознательно живет чувство, что умершие обретают какое-то высшее знание и могущество. Смерть накладывает отпечаток величия даже на ничтожных людей. И естественно, что души прародителей, великих вождей и шаманов древности оказывались объектами особого поклонения. Они становились высшими покровителями рода наряду с тотемным предком, порой вытесняя его.

* * *

Какое же можно дать определение этой «религии духов»? Заключалась ли она в поклонении силам природы или в поклонении душам умерших? Правильнее будет сказать, что ни один из этих элементов не занимал в ней господствующего положения. Религия современных примитивных народов содержит в себе в равной степени и то, и другое. Поэтому наиболее точным будет здесь определение Вл. Соловьева, данное в его исследовании о первобытном язычестве. Эту веру, в которой природа признавалась оживотворенной, в которой чтили тотемных покровителей и предков, в которой был и культ умерших, он назвал *смутным пандемонизмом*¹⁵. Этот пандемонизм отодвигает на задний план не только Божество, но и саму Богиню-Мать. Торжествует принцип плюрализма, согласно которому все и всюду имеет свое особое духовное начало.

Это воззрение распространяется буквально на весь видимый мир. По представлению австралийских аборигенов, «вся та часть вселенной, которая представляет интерес для человека, объясняется существованием различных душ: эти последние время от времени принимают облик человека или биологических видов в явлении природы: они появляются перед людьми во сне и в видениях, как в воплощенном, так и в бесформенном состоянии. Это значит, что между духами и определенной формой их воплощения нет прочной связи. Духи могут символизироваться как предметами, сделанными рукой человека, так и естественными видами»⁷⁶.

Здесь – корни того странного, на первый взгляд, верования, которое получило в науке название *фетишизма*. Фетиши, т. е. священные предметы, сопровождают всю жизнь первобытного человека⁷⁷. Это может быть и камень, и зуб животного, и даже череп родственника. В них обитают духи, и человек, обладающий фетишем, заручается их поддержкой. Как и тотемизм, вера в фетиши не есть какая-то особая религия, как думали некоторые исследователи. «Ясно, – говорит В. Шмидт, – что фетишизм сам по себе нигде не существует, и поэтому нет никаких этнологических оснований помещать его в качестве самостоятельной ступени в самом

начале религии»⁷⁸. Многие ученые сомневаются в правомерности даже самого термина «фетишизм»⁷⁹.

То, что неодушевленному предмету придается сакральное значение, вытекает из общей веры в одушевленность мира, в то, что *Мана* может распределяться в мире неравномерно, что один предмет может иметь больше силы, а другой – меньше.

Очень часто фетишизм связан с верой в тотемы; священными предметами оказываются эмблемы духа-покровителя. В Австралии такими родовыми святынями являются *чуринги*. Это обычные каменные или деревянные дощечки, расписанные символическими знаками⁸⁰.

Чуринги хранятся в особых местах, сокрытых от непосвященных. Время от времени старейшины осматривают их. На фотографиях, которые удалось снять некоторым исследователям, мы видим бородатых вождей, которые с глубокой серьезностью и с выражением сознания значительности момента созерцают чуринги. Еще бы! Ведь в этих дощечках заключены тайные силы, которые управляют племенем и охраняют его. Чуринга – это живое существо. «Это совсем не кусок дерева или камня, это нечто совсем иное. Чуринга интимно связана с предком, она испытывает чувства, подобно нам: эти чувства или эмоции можно успокаивать, поглаживая чурингу рукой, т. е. таким же путем, каким успокаивают волнения живых людей»⁸¹.

Иногда какой-нибудь фетиш приобретает значение талисмана. Он противопоставляет силе – силу, вредоносному влиянию – свое, защитное. Вера в значение таких *амулетов* проходит через все века человеческой истории. Найденные в одной ориньякской стоянке хвосты мамонтов и лапки песцов, очевидно, имели такое «охранительное» значение⁸². Амулеты защищают человека от воздействия злых духов, от опасности и неудачи. Путешественников, побывавших у африканского племени тома, поразило обилие этих сакральных знаков. «В каждой деревне, – рассказывают они – мы видим ритуальные предметы, которые до сих пор не замечали. На могилах предков лежат кресты из бревен, просверленные посередине и нанизанные на длинный стержень, словно наложенные один на другой турникеты. На площадках стоят колышки, около них кучкой положены кольца. На хижинах по стенам прикреплены пучки лиан-вьюнков. Под крышами висят гирлянды гибких лиан. Все эти талисманы защищают селение или семью от огня, от смерти, от болезней»⁸³.

Охотники имеют свои особые амулеты, женщины – свои, дети – свои. Иногда выбор фетиша оказывается совершенно случайным. Один туземец рассказывал, что, спасаясь от врага, он споткнулся о камень; он взял его с собой и с тех пор почитал как фетиш. Известный русский путешественник С. Крашенинников рассказывает о том, как некий коряк приобрел себе фетиш-жену. Он нашел на реке камень, и когда взял его в руки, «то камень на него как будто человек дунул». Он испугался и бросил камень. После этого он заболел и, решив, что болезнь связана с его поступком, стал искать камень. Скоро он нашел его, но на другом месте. Он взял камень себе в дом, сделал ему платье и считал своей женой⁸⁴.

Иногда человек убеждается, что фетиш бесполезен. Тогда обманувшему его предмету приходится претерпеть наказание. Его бьют, истязают или просто выбрасывают⁸⁵.

Постепенно фетиши приобретают человекоподобный облик. На них грубо намечают черты человека – предка или духа. Такие фигурки особенно характерны для африканских народов. Это прототипы будущих идолов.

У северных индейцев мы видим превращение тотемного знака сначала в идола, а затем в геральдический символ племени. В лесах Америки до сих пор стоят эти изумительные по красоте изваяния. Тотемные столбы индейцев являются подлинными шедеврами мирового искусства. Их фантастические узоры, причудливо переплетаясь, создают жуткие и манящие образы родовых духов. Человеческие маски громоздятся на звериные тела, крылья птиц соседствуют с извивающимися хвостами легендарных чудовищ. И все это играет яркими красками⁸⁶.

В развитом язычестве божество или демон уже не отождествляются с самим изображением. Считают, что оно лишь носит в себе часть силы первообраза. Но элемент фетишизации сохраняется долго, и еще в древневосточных и античных культах мы находим следы того представления, что бог обитает *внутри* своего кумира.

Тотемный столб. *Северная Америка*

Но мы крайне обеднили бы понятие о первобытной религии, если бы стали утверждать, что попытка установить контакт с духовным миром ограничивалась талисманами, фетишами или тотемными изображениями.

Существовал и мистический путь общения с духами, который и составляет главный непреходящий интерес в первобытной религии.

«Стихийному пандемонизму религиозного мировоззрения, – пишет Вл. Соловьев, – соответствует так называемое шаманство в области религиозного культа»⁸⁷. Нужно думать, что с течением веков духовная интуиция у первобытных людей ослабевала. И поэтому из их среды стали выделяться люди, обладающие особой мистической и оккультной одаренностью. На них была возложена миссия посредников между человеческим родом и окружающим его миром демонов и духов.

Глава третья

Доисторические мистики

Все было ясно для первых людей, тайны природы не были так скрыты от них, как от нас.

Яков Бёме

Всякая религия складывается из *трех* основных элементов: мировоззрения, жизненных нормативов и мистического чувства, которое находит внешнее выражение в культе. Первый элемент обращен к интеллекту человека, второй – к его волевым устремлениям, а третий – к его эмоциональной сфере и интуиции. Причем этот последний является основополагающим. Поэтому-то культ, в какую бы он форму ни облекался, играет в религии такую важную роль. «Внутреннее содержание культа, – пишет один французский психолог, – составляет непрерывное общение с Божеством с помощью осязательных средств; без культа можно знать о существовании Бога или богов, знать их приказания, но только посредством культа можно беседовать с Божеством»⁸⁸.

Разумеется, под словом «культ» мы здесь должны понимать нечто очень широкое. Даже в тех религиях, где внешние их выражения сведены к минимуму, все же какой-то «культ» существует. Человеку свойственно связывать свои внутренние переживания с какими-то действиями, во что-то их облекать. Отсюда и слово «обряд» (от «облечь», «обрядить»). В общении между собой люди никогда не могут избежать хотя бы самой простой формы обряда. Обряд помогает не только человеческим контактам, но и нашей устремленности к Высшему.

В этой главе мы рассмотрим доисторический культ в его главных формах, рассмотрим те пути, по которым душа наших далеких предков поднималась к невидимому миру.

Метафизическая катастрофа, которая оторвала человечество от полноты непосредственного созерцания Бога, привела к оскудению духовной интуиции. Поэтому, стремясь обрести утраченное, люди стали искать способы вернуться к прежнему состоянию. Одним из таких способов стало искусственное вызывание *экстаза* при помощи плясок, ритмичной музыки, массовых радений. Это была попытка как бы приступом овладеть крепостью духа.

В восторженном опьянении, которое вызывали коллективные ритуалы, люди кружились в такт ударам первобытных барабанов; все обыденное переставало существовать, казалось, что душа летит далеко и освобождается от гнетущих пут. По существу, это была попытка механическим путем обрести духовную свободу и могущество. Но в этой попытке, при всей ее надрывности, трогательна та сила неутомимой жажды высшего, которая не давала человеку погрязнуть в беспросветном, полуживотном состоянии. Пожалуй, и эпидемия исступленных танцев в наши дни тоже есть, пусть уродливое, отражение духовной неудовлетворенности и стремления вырваться за пределы обыденности.

Массовые радения принадлежат глубочайшей древности, и у нынешних примитивных народов от них остались лишь некоторые следы⁸⁹.

У большинства же «диких» народов мы застаем уже следующую стадию развития – *шаманизм*. Здесь на первое место выступают избранники, те, кто пытается проложить путь к сверхчеловеческим силам. Ясновидцы, мистики, прорицатели хранят и совершенствуют «архаическую технику экстаза». На этом этапе духовной истории утверждается вера в то, что высшими тайнами «обладают люди, исключительно одаренные по своей организации, являющиеся посредниками между своими соплеменниками и этими загадочными силами»⁹⁰.

Хотя слово «шаман» сибирского происхождения, оно прилагается обычно как обобщающая категория ко всем духовидцам и экстатикам, какое бы местное название они ни носили⁹¹.

Сейчас невозможно установить, где впервые зародился шаманизм. Очевидно, он возник независимо у разных народов. Зачатки его восходят, вероятно, к очень ранним временам, и постепенно он становится явлением повсеместным. Мы находим его у примитивных тасманийцев и у кубу, в Меланезии и в Северной Америке, на Огненной Земле и у африканцев, в Сибири и у народов Алтая⁹². В последнее время это интереснейшее явление доисторической религии исчезает быстрее других живых следов прошлого. Шаманы Северо-Восточной Азии вынуждены были отступить перед натиском бурных общественных и политических изменений в Сибири, окоюму негритосов и их африканские собратья почти вымерли под влиянием европейской цивилизации. Колонисты, как правило, грубо попирали древние священные традиции туземных культур. Нередки были случаи, когда решительные методы некоторых миссионеров прошлого (особенно протестантских) приводили к быстрому и бесследному исчезновению шаманизма. Однако среди многих туземных народов шаманы и заклинатели еще существуют и пользуются прежним влиянием. Сведения о них, а также данные об уже исчезнувших шаманах дают возможность в какой-то степени восстановить картину этой древней попытки проникнуть за завесу бытия.

Существует немало гипотез о возникновении и характере шаманства. Одни считают его древнейшей религией, другие связывают с магией, третьи видят в нем очень позднее явление религиозной истории. Выдвигается предположение, что шаманизм обязан своим возникновением психическим болезням. Истерия и эпилептические припадки больных людей вызывали суеверное благоговение, и таким образом шаманизм якобы оказывается своеобразным «культуром сумасшествия»⁹³. Но такая трактовка является односторонней. Не подлежит сомнению, что в шаманизме действительно было много патологических элементов, но одним этим объяснить его универсальное распространение и влияние на культуру невозможно. Туземцы действительно боятся душевнобольных, но, как правило, они их не «почитают», а убивают. Не говоря о том, что они становятся опасны, в них видят одержимых демонами и стараются от них избавиться⁹⁴. Кроме того, если бы речь шла только о заболеваниях, то теряла бы всякий смысл «архаическая техника экстаза», не нужны были бы те методы, которыми человек вызывает в себе состояние сосредоточения, транса и каталепсии. Теперь установлено, что современные люди, обладающие телепатическими способностями, и индийские йоги могут произвольно вызывать в себе эти особые состояния, и при этом психика их вполне нормальна.

* * *

Был ли шаманизм особой религией? Против этого свидетельствует тот факт, что шаманы часто существуют наряду с развитой религией и жречеством⁹⁵. Шаманизм известен и параллельно с тотемическими представлениями, и с первобытным монотеизмом, и с религией Богини-Матери и продолжает существовать в историческую эпоху наряду с самыми различными религиями Запада и Востока⁹⁶. Поэтому В. Харузина справедливо утверждает, что «шаманство не есть стадия религиозной мысли; оно не есть религиозная система, предполагающая комплекс религиозных представлений. Шаманство есть только одно *проявление* религиозных верований народа, нередко уже очень сложных, покоящихся иногда на политеистических воззрениях»⁹⁷.

В шаманстве сохраняется, в качестве пережитка, представление о всеобщем Божественном Отце, но главным образом его мистическое восприятие обращено к Великой Матери, Душе мира и к многообразным низшим духовным существам. Это те силы, существование которых очевидно для ясновидческого зрения, о которых постоянно говорят Я. Бёме, Э. Сведенборг, Р. Штайнер, оккультисты и мистики.

Ритуальная маска шамана. *Африка*

Субъективная эмоциональная сторона шаманизма нередко характеризуется ощущением великой космической радости причастия к мировой Душе, которое мы позднее находим в греческом дионисизме. Объективно за религиозным опытом шамана стоят, скорее всего, скрытые носители одухотворенности мироздания из сферы трансфизического бытия⁹⁸.

О том, что мироощущение и мистика шаманизма не есть плод лишь болезни и заблуждений, красноречиво свидетельствует его практическая значимость в жизни туземных народов на протяжении веков.

* * *

Экстатические состояния транса делают шамана медиумом и ясновидцем, к нему прибегают и для разрешения различных житейских вопросов. Он безошибочно указывает, где найти в тайге пропавшего оленя, куда нужно отправиться для того, чтобы иметь успех в охоте.

Для того чтобы показать роль шамана в жизни первобытного общества, приведем факт, имевший место в Центральной Африке и сообщенный одним молодым врачом, жившим в тропиках и близко наблюдавшим быт «дикарей»⁹⁹.

В племени гола было совершено несколько убийств, виновника которых обнаружить не удалось. Когда были исчерпаны все обычные методы розыска, вождь племени Бойма-Куи обратился к так называемому «Большому таинству Прута». Все жители деревни сошлись на поляне перед хижиной собраний, куда привели женщину-заклинательницу. «Ее небольшая голова с почти мужскими чертами сидела на жилистой шее. Большие пронзительные глаза были запряжаны в глубокие глазницы. Расставив ноги, она опустила перед собой наклонно к земле длинный прут. Направо и налево от нее присели на корточках две другие женщины. Перед ней молча и неподвижно застыли четверо мужчин и одна женщина – родственники убитого. По знаку Бойма-Куи одна из сидящих женщин начала медленно и ритмично постукивать маленькой палочкой по пруту колдуньи. Мертвая тишина на площади производила непривычное для этих мест тягостное впечатление. Негритянка непрерывно смотрела на свой прут, зажатый в неподвижно вытянутых руках. Темп ударов палочкой по пруту все усиливался. Руки и тело

колдуньи как бы окостенели. Она закатила глаза и начала в такт бить прутом по земле. Дикие судороги свели сильное тело женщины, она упала на бок и покатила по земле, продолжая бить прутом в тяжелом гипнотическом трансе. Окружающие в страхе отпрянули назад... Словно ожидавшая этого момента ведьма полупрыжком настигла сидевшую рядом с четырьмя мужчинами женщину и, словно обезумев от жестокости, начала наносить ей неистовые удары прутом, пока бедная жертва с криком не упала на землю, а мужчины, как от змеи, не отскочили от нее в сторону». Это странное «следствие», несмотря на всю его дикость в глазах европейца, привело, однако, к положительному результату. Обвиненная призналась, и благодаря ей удалось разоблачить и других участников преступления.

В этом эпизоде легко увидеть проявление телепатических способностей заклинателя. Разумеется, как и в любом подобном явлении, в шаманизме было немало шарлатанства и фокусничества. Но ведь подобные обманы имели место и в парапсихологии. Они не могут служить опровержением действительных способностей шамана.

Об удивительных психических силах шаманов было написано много. Самые непредубежденные исследователи приводят многочисленные личные наблюдения из этой области. Вот что рассказывает этнограф В. Богораз – убежденный позитивист – о своей встрече с шаманом на одном из островов Аляски¹⁰⁰:

«Шаманство на острове пришло в упадок, так как американцы смотрят на него неодобрительно. В сущности, остался один шаман, Ассунарак, потомок старого шаманского рода, глубокий старик. После многих отнекиваний он показал мне несколько образчиков своего искусства...

Он предложил мне набросить на его голые плечи концы большого красного американского одеяла. Руки шамана были скрещены на груди, но одеяло каким-то чудом прильнуло к его спине.

“Держи крепче!” – приказал он, нагнулся и пополз из внутреннего помещения. Я крепко держал одеяло за два свободных конца. Одеяло натянулось и потянуло меня за собой. Я уперся ногами в нижнюю поперечину, скрепляющую остов шатра. И вот, о диво, весь шатер начал вставать дыбом. Справа и слева блеснула луна. Я упорствовал. Весь шатер перекосялся. Груда посуды, лежавшая в углу на шкарах, со звоном рассыпалась. Наконец, и ушат с тающим снегом и водой опрокинулся и пролился. Тогда, утраченный, я выпустил концы одеяла. Старик немедленно уполз из шатра, как змея, и крикнул мне оттуда с торжеством: “А что, одеяло-то – мое!..”»

Это гипнотическое воздействие особенно проявляется во время медиумических сеансов шамана, называемых в Сибири *камланием*. «Многие, – пишет один исследователь, – утверждали всерьез, что видели и ощущали наяву все, о чем говорил шаман». «Шаман, находясь во время камлания в особом истерическом трансе, и в самом деле может совершать необычные действия, которые человек в нормальном состоянии проделать не в силах»¹⁰¹.

Ненцы (самоеды) нередко присутствуют при «таинственном действии кудесника, напоминающем спиритические сеансы. Заклинатель велит присутствующим связать ему руки и ноги, закрыть ставни и призывает подвластных духов. В темной юрте слышатся всевозможные голоса и звуки. Когда весь шум оканчивается, отворяется дверь юрты – и шаман входит со двора, не связанный ни по рукам, ни по ногам»¹⁰².

* * *

Кроме явлений телепатии и внушения в шаманской практике имеют место и феномены телекинеза. Об одном странном случае подобного рода сообщает американский биолог Ф. Моуэт, долго живший среди вымирающего эскимосского племени ихалюмтов.

«Как-то осенью после полудня, – пишет он, – на второй год моего пребывания в стране Барренс, мы с Энди спокойно сидели в хижине у Залива Ветров, пили чай и болтали. Внезапно наша хижина сильно затряслась – примерно так же, как трясет в зубах крысу злая собака. Мы вскочили и выбежали за дверь, уверенные, что произошло землетрясение. Однако на берегу реки ничего подозрительного мы не заметили. Небольшое стадо оленей мирно отдыхало на противоположном берегу. Сентябрьский день был тих и навевал дремоту. Сбитые с толку и несколько обеспокоенные, мы вернулись к прерванному чаепитию. Едва мы уселись, как хижина снова затряслась. Жестяные кружки упали со стола, заткнутые за стропила распялки с шумом полетели на пол. Встревоженные не на шутку, мы опять выскочили из хижины и опять не обнаружили ничего, что бы объяснило неожиданное сотрясение хижины». Изумленные путешественники побежали к палаткам эскимосов, но те ничего не знали и ничего не заметили. А один из них посоветовал сходить к шаману Какуми. “Тут недалеко за холмом живет Какуми, – сказал он. – Может быть, он знает, что случилось. Похоже, это дело рук дьявола”».

«Я направился к жилищу Какуми, – продолжает Моуэт, – и, когда спросил его, тот ответил сразу же, словно ожидал моего прихода и знал, что я приду. “Это был Апопа, – объяснил он, – озорник Апопа. Он пролетел здесь, и я заметил, как задрожал воздух, и понял, что он совсем близко...”»¹⁰³

В другом месте Моуэт рассказывал, как эскимос Утек вылечил его «наговоренной водой». Однажды у путешественника начались сильные рези. Тогда Утек после длительных колебаний смущенно попросил Моуэта испытать его «средство». Не желая обидеть эскимоса, тот согласился. Утек налил чистую воду в жестяную кружку и стал петь заклинания. «Он очень хотел помочь мне, но в то же время его мучил страх подвергнуть насмешкам и себя, и свои убеждения». Действие воды оказалось мгновенным¹⁰⁴.

Много необычайных фактов сообщают этнографы о таинственных способностях туземцев. Так, жители островов Фиджи во время священного танца без всякого вреда ходят по камням, раскаленным добела¹⁰⁵. У бушменов пустыни Калахари известно убийство при помощи одного внушения¹⁰⁶. П. Гэсо, рассказывая о своей жизни среди африканского племени тома, приводит такой случай. Когда он со своими товарищами отдыхал в хижине, их поразили необычные звуки. Их слышали все трое. Рядом с ними спал шаман Вуане. «Вдруг царапающие звуки возобновляются с еще большей настойчивостью. С пронзительным скрипом открывается дверь. На пороге стоит Вуане в коротком бубу, в коротких штанах и с непокрытой головой. Но ведь он – у моих ног, на своей циновке. Он лежит на боку, повернувшись ко мне спиной. Я вижу его бритый затылок. Между нами на земле стоит лампа, горящая тускло, как ночник. Я не смею пошевелиться и, затаив дыхание, смотрю на Вуане. Он какое-то мгновение колеблется, наклоняется, проходит под гамаками Тони и Верилья и медленно укладывается в самого себя. Вся эта сцена разыгрывается за несколько секунд». Трое французов оказались очевидцами странного явления. «Нельзя найти никакого разумного объяснения этой коллективной галлюцинации, – говорит далее Гэсо. – Верилья, единственный из всех нас разбирающийся в спиритизме, оказался в это время единственным, кто безмятежно спал. Он находит это сверхъестественное приключение почти банальным»¹⁰⁷. Действительно, перед нами характерный случай феномена, известного как «произвольный выход в астрал».

«Обычно, – пишет А. Элькин, – знахари являются одновременно и медиумами. Этого, конечно, и следовало ожидать, ибо самая важная часть их подготовки состоит в испытаниях, во время которых они якобы видят души умерших людей и других духов»¹⁰⁸. Если даже среди европейцев, в значительной степени утративших древние способности человека, известны многообразные парапсихические явления, то тем более вероятно встретить их у туземцев. Именно эти способности, в связи с верой в духовный мир, и составляют реальную основу шаманизма.

Эдуард Тэйлор с наивным высокомерием человека XIX века спрашивал: «Не обладают ли индийский знахарь, татарский некромант, шотландский духовидец и бостонский медиум одинаковой верой и знанием, которые, может быть, в высшей степени истинны и важны, но которые тем не менее отброшены великим умственным движением двух последних столетий как не имеющие никакой цены? Но в таком случае не есть ли то, чем мы обычно хвалимся и что называем новым просвещением, – не есть ли это на самом деле упадок знаний?»¹⁰⁹. И он уверен, что ответ будет отрицательным. Между тем его убежденность в высшей и абсолютной ценности «нового просвещения» есть лишь плод его собственной веры в прогресс, веры, которая теперь уже не кажется столь незыблемой. Конечно, у «дикаря» нет паровой машины, нет тем более атомного двигателя, но являются ли эти достижения «нового просвещения» результатом духовного прогресса? Не терял ли человек вместе с цивилизацией многие свои древние духовные способности? Идея регресса казалась Тэйлору немыслимой, но мы теперь хорошо знаем, что рост материальной цивилизации вовсе не обязательно способствует духовному росту и тем более не является условием для него. Цивилизация как бы говорит устами Великого инквизитора: «Мы дадим вам хлеб и возьмем вашу свободу».

Разумеется, сам по себе рост материальной цивилизации не есть зло. Он становится злом, когда вытесняет духовные ценности. А этот соблазн человек почти никогда не в силах преодолеть. Одним словом, я здесь не защищаю первобытного образа жизни, а только хочу сказать, что наличие ракет и холодильников не дает права «цивилизованному» человеку считать себя духовно выше всех тех, кто был лишен благ технического века.

* * *

То, что доисторические медиумы и шаманы оказывались носителями необычайных дарований и сил, создавало им прочный авторитет в народе. Ведь не нужно забывать, что шаманизм нередко служил житейским целям. Если бы эвенкам или индейцам слишком часто приходилось разочаровываться в реальном могуществе и духовной силе шаманов, то шаманство давно бы исчезло. Между тем еще в XIX и XX веках оно было настолько жизнеспособно, что оказывало энергичное сопротивление напору буддизма, христианства и коммунизма¹¹⁰.

Следует заметить, что неудача для шамана – настоящая трагедия. Она не только роняет авторитет, но приводит часто к его полному падению или даже изгнанию. Он считается ответственным за неудачу, и его обвиняют в злонамеренности¹¹¹.

Особенно это относится к тем шаманам, которые берутся лечить людей. Далеко не все шаманы занимаются этим, хотя нередко один человек совмещает в своем лице и прорицателя, и медиума, и врача-знахаря. Не нужно, впрочем, думать, что шаманское «лечение» – чистое суеверие. Очень часто оно дает удивительные результаты. Так, этнограф Ч. Маунтфорд описывает случай, когда австралийский шаман путем внушения вылечил женщину¹¹². «В Ирракала, – рассказывает об Австралии У. Чеслинг, – разразилась эпидемия дизентерии. Я с отчаяния решил напоить обитателей стойбища (их было около двухсот) касторкой, велел сжечь их шалаши и разбить новое стойбище на противоположном берегу ручья». Больше за лекарством никто не пришел. «Оказалось, что маррнгит-заклинатель “изгнал духа болезни”»¹¹³. Эта процедура описывается во многих исследованиях и имеет общие черты у всех народов. Она сводится к тому, что заклинатель поет гимны и делает вид, что высасывает болезнь. И здесь проявляется могущественная сила внушения¹¹⁴. Впрочем, нередко шаманы отказываются лечить физические недуги. Так, в Якутии специальными «шаманскими болезнями» считают нервные. Именно их в первую очередь берутся излечивать заклинатели¹¹⁵.

В антирелигиозной литературе очень часто приходится сталкиваться с утверждением, что шаманы «грабили и разоряли народ», что они бессовестно эксплуатировали невежественных людей и обирали их как только можно. А между тем в шаманской древней присяге есть такие слова: «Если позовут тебя вместе богатый и бедный, то иди сперва к бедному и не требуй много за труды»¹¹⁶. Такой благородный принцип сделал бы честь любому современному медику. Напомним, что шаманы, применяя свои способы лечения, никогда не отрицали значения европейских лекарств.

* * *

Как человек становится шаманом? Им может стать не каждый. У северных народов существует поверье, что тотемические духи-предки избирают себе в качестве медиумов либо потомков шаманов, либо особо полюбившихся им людей. Таким образом, решение стать шаманом исходит в первую очередь не от человека. Сами духи призывают его на служение. К. Расмуссен так рассказывает о мистическом призвании его друга шамана Игьюгарьюка: «В молодости Игьюгарьюка часто посещали сновидения. Странные существа говорили с ним во сне, и когда он пробуждался, сновидения стояли перед ним, как живые». Тогда сородичи поняли, что он одарен особой восприимчивостью к воздействиям нездешних сил, и было решено, что он призван стать шаманом¹¹⁷. Будущий заклинатель всеми силами противился своему мистическому дару, тщетно пытаясь освободиться от него. У большинства медиумов-шаманов подобное сопротивление приводит к ужасным галлюцинациям, припадкам, и тягостное состояние длится до тех пор, пока избранный не изъявит согласия на общение с духами. В противном случае дело кончается тяжким заболеванием. «Я бы умер, если бы не сделался шаманом», – говорил один гиляк. А якутский шаман, который под влиянием миссионера перестал вызывать духов, жаловался русскому исследователю: «Это нам даром не проходит; наши господа (духи) сердятся всякий раз на нас, и плохо нам впоследствии достается, мы не можем оставить этого, не можем не шаманить»¹¹⁸.

Готовясь к своему служению, будущий шаман удаляется далеко от стойбища. Его оставляют надолго в пещере или в шалаше одного без пищи и питья. В эти дни он должен сосредоточиться на мысли о Великом духе и своем духе-покровителе. «Истинную мудрость, – говорил шаман Игьюгарьюк, – можно приобрести лишь вдали от людей в великом уединении, и постигается она лишь путем страданий. Только нужда и страдания могут открыть уму человека то, что скрыто от других»¹¹⁹. Через несколько дней посвященному дают немного пищи, а потом испытание снова продолжается.

«Игьюгарьюк рассказывал: за эти тридцать дней он натерпелся такого холода и голода, так истомился, что временами “Умирал ненадолго”. Но он все время думал о Великом духе, стараясь гнать от себя мысли о людях и повседневных событиях. И лишь под конец явился к нему дух-пособник в образе женщины. Явилась она, когда он спал, и ему чудилось, что она носится над ним... Затем пост повторился»¹²⁰.

Совершенно также происходит посвящение в шаманы и у других народов. У австралийцев, например, «ирунштариния», дух-покровитель, являясь избраннику, вынимает внутренние органы у посвящаемого и заменяет другими. Человек чувствует полное перерождение всего своего тела и духа¹²¹. Невольно вспоминается библейский пророк, воспетый Пушкиным, который пережил такое же перерождение. Здесь речь идет не о метафоре, а о подлинном потрясении, которое испытывает все существо человека. Таким образом, применяя определенные искусственные приемы шаман достигает того, что к нему возвращается крупница древнего ясновидения. Но это ясновидение не проникает дальше низшего мира стихийных духов.

* * *

Шаманы всего мира, от Огненной Земли до Гренландии и от Чукотки до Австралии, связывают свое служение духовному миру с особыми обрядами. В момент призывания невидимых сил заклинатель должен отрешиться от своей повседневной жизни, иметь определенную символическую одежду, головные украшения, жезл или бубен. Последний играет более важную роль, чем думают некоторые исследователи. Не случайно во многих странах его считают обязательным атрибутом шамана. Изготовление его связано с особым ритуалом, части его имеют символическое значение. Североамериканские индейцы на бубнах рисуют красной краской тотемических предков-животных; эвенки делают изображения духов. Бубен – это не просто музыкальный инструмент. Он выполняет роль своеобразного медиумического орудия, привлекающего духов¹²².

Вызывание духов, *камлание*, происходит чаще всего в особых, специально для этого оборудованных помещениях. Но иногда оно совершается на открытом воздухе. Во время камлания шаман прибегает к музыке как к средству, которое заставляет сердце человека трепетать и биться в унисон с незримыми стихийными силами. Эта музыка нередко производит огромное впечатление даже на европейца. Так, по свидетельству Гэсо, звуки священной мелодии племени тома, которую не должны слышать непосвященные, – это «какие-то вздохи допотопных чудовищ, нечеловеческая музыка первых веков существования Земли, рождающая в душе невыразимую тоску»¹²³.

В пении сибирских шаманов порой звучат слова не известного никому языка, который непонятен и самому шаману. Иногда гимн превращается в призывание и заклятие¹²⁴.

Придите, придите,
Духи волшебства,
Если вы не придете,
То я сам к вам отправлюсь...

Музыка камлания, рассказывает один очевидец, «вначале нежная, неуловимая и произвольная, как шум приближающейся бури, она растет и крепнет; по ней зигзагами, точно молнии, пробегают дикие окрики: каркают вороны, смеются гагары, жалуются чайки, посвистывают кулики, соколы да орлы. Все те, кто летает высоко над землей, ближе к небу, видимо, обеспокоены ожидаемым появлением, наполняя юрту своим жалобным криком. Музыка растет и достигает апогея, удары по барабану, частые, сильные, сливаются в один непрерывный, все возрастающий гул: колокольчики, погремушки, бубенчики гремят и звенят не устывая; это уже не буря, а целый водопад звуков, готовый потопить сознание присутствующих»¹²⁵.

Камлание часто сопровождается танцем, который заканчивается тем, что шаман приходит в состояние транса. Вот как описывает это явление И. Бьерре, наблюдавший его в пустыне Калахари¹²⁶:

«Бушмены не поклоняются луне, но ее фантастический свет вызывает в них сильную потребность обратиться к Великому духу. В пустыне, где безлунные ночи гнетут человека, луна на редкость сильно влияет на его ум. Физическая сила ее притяжения, заставляющая многие миллиарды тонн воды перекачиваться по земной поверхности в приливах и отливах, трогает и чувствительную душу первобытного человека, который под ее неотразимым таинственным влиянием танцует и поет о своих мечтах. В эти ночи полной луны, когда пустыня купается в призрачном серебристом свете, а воздух подрагивает в такт монотонной песне и топоту ног, я сам чувствовал на себе чары луны. Ритмическая песня без слов звучала часами. Как беско-

нечно бегущие волны, она парализовала ум. Казалось, человек покинул свое брренное тело, и ему чудятся фантастические видения, время прекратило свой бег. В песне слышались страстные желания и печаль, она проникала куда-то в подсознание и пробуждала все это пережитое и давно забытое. Песня доносилась издалека, как будто из древних кочевий Африки...

Затем началось нечто совсем необычное. Цонома и Кейгей завьли и зарычали по-звериному... Цонома побежал, издавая пронзительные вопли. В свете луны было видно, как он бегаёт вокруг поселения. Вдруг, громко взвизгнув, он метнулся между сидящими на корточках женщинами, побежал босыми ногами по тлеющим углям костра... Он стонал, дрожал и, наконец, свалился без чувств».

Каталептическое состояние, которое охватывает шамана, он сам толкует мистически. Он утверждает, что во время транса он поднимается или опускается в запредельные сферы и беседует с духами. Он возвращается оттуда, окруженный сонмом загадочных существ, которые наполняют его жилище. Приходя в себя, заклинатель поет древние песни, в которых выражается радость слияния с силами бытия, с миром духов. Это чувство передается всем присутствующим. «Когда она пела, – говорили об одной эскимосской шаманке, – то себя не помнила от радости, и все в жилище тоже, так как их души освобождались от всего, что их давило. Они поднимали руки и отбрасывали прочь всякую злобу и ложь»¹²⁷. Но далеко не всегда возвращение бывает столь мирным.

«Пробуждение шамана от транса, – говорит Ф. Моуэт, – происходит иной раз чрезвычайно бурно. Он вскакивает на ноги, одержимый совершенно необъяснимой физической силой. В этот момент полдюжины человек не могли удержать его; он может прорваться сквозь стенку палатки и исчезнуть в темноте, а затем вернуться окровавленным и в последней степени изнеможенным. Шаману, выходящему из транса, случается нанести себе телесное повреждение, которое было бы роковым для обыкновенного человека. Однако у шамана такие раны всегда заживают»¹²⁸.

Транс фиджийского шамана сопровождается стонами, вздутием вен. «Прорицатель с вращающимися выпученными глазами, бледным лицом, с посинелыми губами, обливаясь потом, с видом совершенно бешеного человека высказывает совершенно неестественным голосом волю божества»¹²⁹.

Эта одержимость часто сопровождается нервными припадками или некоторыми видами истерии, но от этого далеко до вывода, что всякий транс доисторических мистиков – только патология. Не являются ли нередко болезненные процессы в душе стимулом для проявления некоторых высших способностей человека? Следует с большой осторожностью судить о шаманизме, ибо в нем, как и в других родственных явлениях, патология нередко соседствует с гениальностью и подлинным созерцанием незримого.

Шаманизму изначально была присуща двойственность. С одной стороны, «доисторические мистики» были предтечами носителей свободного религиозного вдохновения исторических времен. Все пророки, харизматики, все духовно-творческие зачинатели нового психологически, субъективно принадлежали тому потоку религиозной жизни, который начинается с экстатиков каменного века. То, что веками воспитывалось в мистике Индии, что нашло завершение в орфизме и неоплатонизме, имеет корень в этой высшей одухотворенной стороне шаманизма. Семитское пророчество, бывшее естественной почвой, на которой вырос библейский профетизм, также коренится в нем¹³⁰.

Шаманизм сопротивлялся угасанию духовных сил в человеке, тренировал его «внутреннее зрение», совершенствовал методы экстаза и созерцания. Таинственный невидимый мир открывался в нем не только через «предание» и миф, но был «дан в непосредственном опыте»¹³¹.

С шаманами в мир вступают первые религиозные вожди. «Роль индивидуальных качеств, – отмечает известный этнограф В. Харузина, – чрезвычайно сильна в шаманстве»¹³². А следовательно, здесь мы имеем дело с начальной стадией личного религиозного чувства и призвания. Духовидцы были живыми свидетелями иной реальности, которая обычно недоступна человеку. Один путешественник так описывает эвенкийского шамана из Туруханского края: «Он имел, при восприимчивости и впечатлительности своей натуры, пылкое воображение, веру в духов и таинственное с ними общение; мирозерцание его было исключительное... Бледный, истомленный, с острым пронизательным взглядом, человек этот производил странное впечатление»¹³³.

К. Расмуссен не напрасно называл шаманов «искателями правды». Они были носителями наиболее заветных верований и духовных ценностей своего народа. Они нередко были и его наставниками в добре. А. Элькин свидетельствует, что после «посвящения» знахари-ясновидцы «остаются под глубоким впечатлением своих духовных преимуществ» и это укрепляет в них чувство нравственной ответственности. «В Восточной Австралии, – говорит ученый, – знахаря называют кураджи, что означает мудрец. Среди знахарей могут попасться и шарлатаны, как это отмечали первые исследователи, но то же самое можно сказать о любой профессии. Однако тот, кто прошел через обрядовые и духовные испытания, пережив смерть и “возвращение к жизни”, должен руководствоваться в своем поведении высокими идеалами»¹³⁴.

Эта этика прорицателей тесно связана и с их ролью целителей. Исследователь загадочного племени айну (Дальний Восток) писал: «Постоянное стремление облегчить страдания своих ближних развивает в айнских шаманах более высокий строй мыслей и альтруистические чувства. Разговор с шаманом всегда представляет интерес, так как он обладает живой фантазией, которая часто уносит его за пределы повседневной жизни. Он часто доступнее... чувству сострадания к чужим горестям»¹³⁵.

Кристофер Даусон особенно подчеркивает большую религиозно-социальную роль шаманства в истории. Уважение, которым окружен провидец, по его мнению, есть первое проявление победы духа над силой. Он подчеркивает, что институт шаманства открывал пути для духовно одаренных личностей. «В Северной Америке, – говорит Даусон, – шаман часто и пророк, возглавляющий свой народ во время социальных кризисов... Все великие племенные движения в Северной Америке можно вывести из учения неких пророков, которые притязали на своего рода мессианское откровение. Такова была проповедь Текумсе и его брата “пророка” – людей благородного характера и возвышенного образа мыслей»¹³⁶.

Однако в шаманизме есть и другая струя, которая в первобытных культурах проявлялась очень сильно. Она обнаруживает разлом и раздвоение в мистическом сознании. Не случайно шаманизм называли «черной верой». То, что мы знаем о шаманах различных стран и о характере их откровений, позволяет сделать вывод, что их «сверхъестественный опыт» (если оставить в стороне обман и патологию) был, очевидно, чаще всего опытом *окультным*. Темные демонические силы овладевали человеком и через него оказывали пагубное влияние на религию и культуру. В шаманизме очень распространены явления, которые были известны в европейском темном оккультизме. Нередко шаманский культ выливался прямо в преклонение перед злыми силами и демонами. Этому не приходится удивляться. Люди боялись злых духов и старались привлечь их на свою сторону. Зло обладало даже своеобразным очарованием, что было причиной многих страшных страниц религиозной истории древности. Кровавые ритуальные оргии в джунглях Африки, человеческие жертвоприношения в Мексике, ритуальный каннибализм – все это трудно признать результатом врожденной жестокости. Эти чудовищные извращения коренились в глубинах мистического зла, которое встает на пути человеческих исканий как соблазн и испытание. Каннибализм, по словам Г. Честертона, «не первобытный и даже не зверский, т. е. звериный обычай. Каннибализм искусственен и даже изыскан, как

истинное “искусство для искусства”. Люди едят людей совсем не потому, что не видят здесь ничего плохого. Они прекрасно знают, что это ужасно, и поэтому едят»¹³⁷.

Между прочим, думается, что старинные легенды о девушках, которых отдают в жертву дракону, не есть сплошной вымысел. Как полагают, даже в наши дни в некоторых изолированных озерах сохранились гигантские представители чудовищного царства рептилий прошлого.

Возможно, подобные редкие пресмыкающиеся были известны и в древности. Их окружали суеверным страхом и приносили им в жертву людей до тех пор, пока какой-нибудь смельчак не убивал ящера. Отсюда – сказания о рыцарях-избавителях.

На демонические черты первобытных шаманских культов указывает одно любопытное якутское сказание, согласно которому первый Великий шаман был противником Бога¹³⁸. Через весь шаманский мистицизм настойчиво проходит мысль о том, что духовный мир нужно подчинить человеку, заставить его служить себе. Эскимосские шаманы, например, в дни своей подготовки ждут духа-покровителя, чтобы вступить с ним в схватку и покорить его¹³⁹. Камлание часто есть *приказ* духам явиться на зов повелителя¹⁴⁰. Здесь происходит *извращение религиозного инстинкта*, человек вновь и вновь стремится утвердить свою власть и волю над Высшим. Для этого он ищет и, как ему кажется, находит верные способы и пути. Так зарождается *магия*, о которой речь будет в следующей главе.

Итак, шаманизм – не простое суеверие, а одна из древних попыток человека прорваться к потерянному Эдему. Но чаще всего эти попытки приводили его на скользкий путь оккультизма, и, стремясь овладеть миром низших духов, он сам оказывался в их власти.

Глава четвертая

Магическое мирозерцание

*Весь мир подвластен богам,
боги подвластны заклинаниям,
заклинания – брахманам.
Наши боги – брахманы.*

Индийская поговорка

В двадцатых годах нашего столетия известный французский исследователь пещер Норберт Кастере сделал интересное открытие. Спустившись в один труднодоступный грот, он обнаружил в нем фигурки медведя, лошади, тигров, вылепленные из глины. Вокруг на стенах были высечены контуры мамонтов, оленей и других доисторических животных. На полу валялись обломки кремниевое оружия и были видны следы ног. Так впервые за много тысяч лет люди оказались в жилище или святилище своих далеких предков.

Особенно привлекло внимание исследователей то обстоятельство, что у некоторых статуэток были отрублены головы. На глиняных фигурах виднелись следы многочисленных ударов. Медведь, например, был весь испещрен ударами стрел и дротиков¹⁴¹. Для чего первобытный художник так уродовал свои великолепные произведения? Просто с досады? Или это была игра?

Нет, перед исследователями оказалось еще одно древнее свидетельство о первобытных магических обрядах.

Когда мы говорим слово «магия», оно невольно ассоциируется у нас с чем-то таинственным, мистическим. Кажется, что магия непременно принадлежит сфере «сверхъестественного». Но так происходит потому, что мы связываем магию с представлениями, сильно отличающимися от воззрений первобытного человека. Как мы видели, для него резкой границы между сверхъестественным и естественным не существовало. Мир был един, и силы видимые неразрывно переплетались в нем с невидимыми.

Пожалуй, дикари были кое в чем мудрее нас. В самом деле, многие из нас до сих пор считают, что если утром взошло солнце – это естественно, а если оказывается, что возможно установить контакт с сознанием умершего человека, – это уже нечто сверхъестественное. Между тем в полном смысле слова сверхъестественным в мире ничего назвать нельзя. Одному плану бытия свойственны одни законы, другому – другие. Физики показали нам, что микромир сильно отличается от макромира и мегамира. Легко предположить, что и другие измерения Вселенной, трансфизические и духовные, будут иметь свои особые черты. Когда столкновение этих планов становится явным, происходит то, что называют чудом. Но оно не сверхъестественно в подлинном смысле слова. Сверхъестественно лишь то Высшее Начало, которое действительно стоит *над* естеством, над творением. Не случайно поэтому *Августин* писал, что чудеса противоречат не природе, а известной нам природе.

Впрочем, не об этом сейчас речь. Нас интересует в древней магии не столько соотношение планов бытия и законов мира, сколько субъективные, внутренние мотивы, которые руководили доисторическим магом.

По определению одного отечественного автора, «магией называются различные действия, цель которых – *повлиять* воображаемым сверхъестественным путем на окружающий мир»¹⁴². В этом определении верно одно: магия действительно имеет целью повлиять на окружающий мир. Но отнюдь не всегда решающую роль играют в ней «сверхъестественные» способы. С того самого момента, как человека озарил свет сознания, он уловил наличие в мире причинных связей. И это же осмысление природной казуальности он применил в магии.

«Анализируя принципы мышления, лежащие в основе магии, – говорит Д. Фрэзер, – мы обнаруживаем, что они сводятся к двум: первый принцип гласит, что сходное происходит от сходного, что следствие подобно своей причине; согласно второму принципу, предметы, которые однажды находились в длительном контакте или общении между собой, продолжают действовать друг на друга тогда, когда это общение прекратилось»¹⁴³.

Мы должны отметить, что эти принципы не носили какого-то мистического характера, а относились, по мнению «дикарей», к обычной природной сфере, хотя в то же время они видели ее пронизанной сверхприродными существами.

Главной задачей магии было использовать открытые человеком закономерности для своих повседневных нужд и целей.

* * *

Жизнь первобытного человека неразрывно связана с охотой. Поэтому прежде всего магические операции относились к ней. Так называемая «промысловая магия» сохранилась и у современных отсталых народов. Папуасы Новой Гвинеи при охоте на морского зверя помещают в острие гарпуна маленькое жалящее насекомое для того, чтобы его свойства придали остроту гарпуну. Колумбийские индейцы в те дни, когда долго нет рыбы, изготавливают чучело рыбы и бросают в реку. Считается, что это действие должно привести косяки к их берегам¹⁴⁴.

Широко известен ритуал североамериканских индейцев, обычно предшествовавший охоте на бизонов. Этот ритуал состоит в пляске, которую исполняют охотники, вооруженные копьями и луками и одетые в шкуру бизона. Пляска-пантомима изображает охоту. Когда один из танцующих устает, он делает знак, и в него пускают притупленную стрелу. Индейцы убеждены, что эта церемония должна привлечь бизона и охота будет удачной¹⁴⁵.

Совершенно очевидно, что эти представления играли большую роль и в жизни пещерных жителей. Именно о таких магических действиях и свидетельствуют пронзенные стрелами статуи в пещерах, рисунки быков и лошадей, усеянные стрелами. О них же молчаливо повествует меченная стрелами фигурка львицы, найденная во Франции. Очевидно, перед началом охоты первобытные люди совершали такие же обряды, как позднейшие «дикари». Они метали копья в изображения зверей, рисовали на них стрелы, чертили магические знаки. Они, также как австралийцы или индейцы, думали, что существует некая связь между изображением зверя и самим зверем¹⁴⁶.

В Средней Азии в ущелье Зараут-Сай до сих пор еще можно видеть доисторические рисунки, напоминающие индейский «бизоний танец». Там видны фигуры людей, одетых в длинные плащи; они танцуют вокруг быка, на которого направлены стрелы. Очевидно, эти рисунки имели магическое значение и должны были помогать охотникам¹⁴⁷.

То, что эти магические приемы были тесно связаны с обыкновенной охотничьей практикой, доказывает их сходство с некоторыми хитростями и приемами первобытных звероловов. В частности, маскировка использовалась индейцами для того, чтобы ближе подкрасться к животным. То же самое проделывали африканцы при охоте на страусов. Замечая, что эта маскировка дает хорошие результаты, люди стали считать, что и сама по себе она может принести охотничий успех¹⁴⁸.

* * *

С переходом к земледелию человек стал искать эффективных способов увеличить урожай или предотвратить падеж скота. Например, у меланезийцев до сих пор сохранилось обык-

новение зарывать при посадке ямса особые камни, по форме напоминающие клубни ямса. Полагают, что это действие способствует росту ямса¹⁴⁹. У австралийцев известна церемония «интихиума», которая должна в начале сезона дождей содействовать размножению священных растений и животных¹⁵⁰. Существовали заговоры и заклятья, которые якобы служили для уничтожения вредителей. Многочисленные обряды скотоводов всех стран также носят ярко выраженный магический характер¹⁵¹.

Широко распространено представление о том, что человек при помощи известных действий может повлиять на атмосферу. Так, знахарь из Центральной Африки предполагает, что выливая особым образом на землю кувшин воды, он может вызвать дождь, а австралийцы думают достичь тех же результатов, создавая при помощи перьев шум, подобный шуму дождя; точно так же индейцы ожидают дождя от сделанного ими макета тучи. Известны «средства» для вызывания засухи и для прекращения солнечного затмения.

У индейцев навахо перед зимним солнцеворотом совершают особый магический обряд. «Люди верят, что солнце устало, и пытаются оживить его силы, зажигая магические костры. Такие церемонии поражают своей внушительной красотой...

Участники церемонии появляются при этом празднично раскрашенными в белый цвет в честь солнца, с ниспадающими до плеч распущенными волосами. Этим актеров называют «странствующими солнцами». В руках они держат изукрашенные перьями танцевальные палочки, танцуют они сомкнутой вереницей вокруг огня и стараются подпрыгнуть к огню как можно ближе... При этом они подражают движению солнца, двигаясь с востока на запад и обратно»¹⁵².

* * *

Но не только животные, растения и природа вообще являются объектом магических операций. Очень часто они направлены на человека. Существуют бесчисленные виды «приворотных зелий» и амулетов, которые должны склонить к любви холодные сердца. Индейцы, например, употребляют «снадобье» из волос девушки, которую хотят «околдовать»¹⁵³.

Магия заменяет и медицину, опять-таки исходя из воображаемой связи сходных между собой явлений. Характерен в этом отношении обряд *кувада*, известный у разных народов. Он заключается в том, что во время родов муж одевается в женское платье, ложится в постель и инсценирует роды¹⁵⁴. Это должно было доказать его кровную связь с новорожденным и в то же время содействовать роженице.

По закону «сопричастия» совершают вредоносные магические обряды над обрезками ногтей, волосами, одеждой тех людей, которым хотят причинить вред. По закону «подобия» лепят фигурки врагов и совершают над ними «убийство» или наговор. Это непременно должно оказать воздействие на намеченную жертву¹⁵⁵.

Австралийцы особенно боятся так называемого «нацеливания» костью. «Для этого острую кость, вырезанную в виде маленького дротика, нацеливают в далекого врага и с произнесением проклятий бросают в его сторону»¹⁵⁶.

«Самым удивительным во всем этом, – пишет Ю. Липе, – является то, что человек, чувствующий себя жертвой подобного рода колдовских чар, часто действительно умирает, потому что он сам верит в силу их действия, как и те, кто его околдовывает... Подобный случай я сам наблюдал у индейцев оджибве, у которых знахарь на расстоянии “загубил” врага при помощи магического заклинания»¹⁵⁷.

В этой «вредоносной» магии есть и элементы оккультизма, и элементы внушения, и просто суеверия. Но опять-таки нам важна не сама магия, а субъективные побуждения, с которыми к ней прибегают.

Вышеприведенные примеры достаточно ясно характеризуют эту субъективную сторону магизма. Его главный нерв – использование сил, все равно, природных или сверхприродных, в повседневных целях и личных нуждах.

* * *

Магия была основана на заблуждении. Но это заблуждение не являлось абсолютным. Было правильно понято наличие в мире закономерностей и причинных связей, хотя реальное знание этих законов отсутствовало или находилось в зачатке.

Ритуальный танец в Африке

Фрэзер очень близок к истине в своей характеристике сущности магии. «Когда магия является в своей чистой и неизменной форме, – пишет он, – она предполагает, что в природе явления должны следовать одно за другим неизбежно и неизменно, не нуждаясь во вмешательстве личного или духовного агента. Итак, ее основоположения тождественны с основоположениями современной науки»¹⁵⁸.

Здесь он лишь повторяет Тэйлора, который указывает на значение таких заблуждений, как астрология и алхимия, для развития естествознания. Цель науки – *заставить* природу служить человеку. Такова же и цель магии. Фрэзер даже считал, что магия предшествовала религии, что первоначально человек прибегал к магическим приемам как к более или менее необходимым действиям в своем труде и жизни. И лишь тогда, когда он постепенно понял, что не властен покорить облака или зверя, он стал обращаться к более могущественным существам – духам¹⁵⁹. Но в первобытном мире мы не встречаем «чистой» магии. Она всегда, по словам В. Копперса, «является сорняком, паразитирующим на теле религии у всех народов мира»¹⁶⁰. Человеку мало верить в Единую силу. Он хочет подчинить эту *Manu* себе, овладеть ею. Вспомним и шаманов, которые превращают духов в своих слуг¹⁶¹.

Вильгельм Шмидт совершенно справедливо считает, что в магизме нужно видеть «самое резкое противоречие религии»¹⁶². Это можно пояснить на примере «любовной магии». Когда индеец видит, что он не способен завоевать любовь девушки, он колдует над ее волосами, стремясь вызвать у нее вожелание. Этим он фактически не добивается любви, а только удовлетворяет свои грубые инстинкты. Точно так же и первобытного дикаря духи интересуют только

с *утилитарной* точки зрения, он стремится извлечь из них максимум пользы. Он нуждается не в них, а в их дарах. И ему кажется, что путем магии он оказывается способным приказывать им, быть их господином и повелителем.

В магизме скрыто присутствует та духовная тенденция, которая коренится в перво-родном грехе человечества: поставить себя в центре мироздания и заставить служить себе его силы.

Именно поэтому магизм явно *посторонен*. Высшим благом для него являются блага земные. Предел желаний мага – процветание здесь, на земле. И если в магическое мирозерцание и входит вера в бессмертие, то она носит исключительно грубочувственный характер.

* * *

Маг очень часто противостоит священнику. Это и понятно. Внутренняя направленность магизма противоположна религии. Жрец – прежде всего посредник между людьми и духовным миром. Он обращается к Божеству с молитвой. Для мага же радости мистического богообщения – пустой звук. Он ищет только достижения могущества на охоте, в земледелии, в борьбе с врагами. И даже тогда, когда магия стала переплетаться с религией, этот антагонизм оставался.

«Гордое самодовольство мага, – пишет Д. Фрэзер, – его надменное обращение с высшими силами, его бесстыдное притязание на влияние, подобное их влиянию, не могло не возмущать благоговейного жреца, смиренно распростертого перед божеским величием, который смотрел на эти притязания как на кощунственную и богохульническую узурпацию преимуществ, принадлежащих одному Богу»¹⁶³.

Этот конфликт мага и жреца усугублялся, по мнению Фрэзера, еще и тем, что маги очень часто захватывали главенствующее положение в племени. Власть над стихиями, которой якобы обладали заклинатели, окружала их ореолом могущества и суеверного почитания. Их стали считать воплощением высших сил, и таким образом магизм явился источником древней власти. «Ни одна общественная группа не извлекла из этой веры в возможность воплощения божества в человеческую форму столько выгоды, сколько группа царей», – говорит Фрэзер¹⁶⁴. И действительно, в истории мы видим непрерывную нить этой сакрально-магической власти, которая становится незыблемым законом общества. Это и микенские цари-колдуны, и спартанские властители, и египетские фараоны, и римские императоры, и византийские василевсы, и, наконец, некоторые авторитарные вожди позднейших времен. Цари-маги всегда пытались подчинить своей власти все сферы жизни подданных, но неизменно наталкивались на сопротивление религии. Поэтому они всячески стремились приспособить ее к своим целям. И порой это им неплохо удавалось.

Незыблемость земной власти магизм обосновывал своей верой в то, что все происходящее на земле соответствует неизменному строю некоего Верховного порядка. Неизменно совершают свой путь солнце, луна и звезды, неизменно опадает листва, приходит сезон дождей. Все эти видимые движения мира отражают недвижимое царство Судьбы. Но человек, как часть этого порядка, обязан постоянно поддерживать его через магию.

Таким образом, функция колдуна-властителя представлялась космической необходимостью¹⁶⁵. Маг был неразрывно связан с тем мировым лоном, которое обнимало собой все существующее и определяло бытие вещей. Это лоно Судьбы было не чем иным, как Великой матерью первых культов. Мы увидим в дальнейшем, что образ ее будет неотвязно преследовать человечество, претерпевая удивительные трансформации. Она воплотится во вселенском Океане, рождающем богов, обернется Роком и Необходимостью. Мало того, что само язычество вышло из этого поклонения *Матери*, ему прямо или косвенно будут обязаны своим суще-

ствованием и пессимистический дуализм, и греческий фатализм, и даже материалистическая философия.

* * *

Как мы уже говорили, магия всегда существовала параллельно с различными религиозными системами и отравляла их своим *обрядовым детерминизмом*.

Магизм привносил в религию слепую, почти маниакальную веру во всемогущество ритуалов и заклятий. На духовную сферу переносилась мертвенная причинность, возникало отношение к Высшему Началу, лишённое всякого живого религиозного чувства и мистической жажды. Отсюда такие странные, на первый взгляд, явления, как избиение идола, если он не выполнял требований просящего. Насколько такое «потребительское» отношение живуче, свидетельствует хотя бы то, что даже у христианских народов бывали случаи, когда статуи святых «наказывали» за то, что они не слышали просьб народа. Религиозный магизм убежден, что высшую силу можно *заставить* подчиниться. Нужно лишь найти ключ, слово, действие – и все будет в руках человека.

Многоголовый Варуна

Так постепенно складывалось магическое мирозерцание, замыкавшее всю Вселенную в причинную цепь следствий, в которой огромную роль играли обряды. Если не будут совершаться ритуалы, то может не взойти солнце, не прийти весна. Крепло убеждение, что церемонии – это нечто необходимое для демонов и богов. Чтобы заманить их, заставить прийти на помощь, умиловить, прибегали к самым крайним мерам: приносили в жертву людей, и не только пленных, но и соотечественников, близких, детей.

* * *

Человек есть прежде всего личностное существо. Самосознающая личность, способная в своем мышлении охватить весь мир, не растворяясь в нем, есть вершина тварного бытия. Именно возрастание личностного начала было условием для движения человечества вперед. Но магизм затормозил «исполнение времен» на многие тысячелетия. Он извратил и самую религиозность человека, его отношение к Богу, его отношение к природе и себе подобным.

Магизм ждет от Неба только даров, природу (включая незримые силы) он хочет поработить, в человеческом обществе он воцаряет насилие. В коллективе, подчиненном воле царя-

мага, личность должна раствориться среди племенного целого, ибо властителю легче управлять «массой», нежели личностями.

Властитель и коллективное сознание – вот две преграды для духовного возрастания человека. Племя и власть становятся над духом. Человек сливается с родом, он не имеет своей жизни, не смеет иметь своего суждения, не смеет сомневаться, он подпадает под гипноз «коллективных представлений». Эти представления, по словам Леви-Брюля, передаются в социальной группе из поколения в поколение, «они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них, сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т. д. в отношении своих объектов. Они не зависят в своем бытии от отдельной личности».¹⁶⁶

Агни, бог огня

Народы, не дерзнувшие в течение тысяч лет изменить хотя бы йоту в установившихся канонах, – жертвы «коллективных представлений» магизма. Они парализовали творческую активность и религиозный гений человека, ибо только в сознании личной ответственности и духовной свободы находит он свое высшее призвание как образ и подобие Творца Вселенной.

Змеинный царь. *Скульптура в Аджанте*

Часть II

Первые цивилизации

Глава пятая

От магов к обожествленным царям.

Египет в IV–III тысячелетии до н. э

Легко основать порядок в обществе, подчинив каждого определенным правилам. Легко воспитать слепца... Насколько труднее освободить человека.

Антуан де Сент-Экзюпери

Если вспомнить, что первые следы существования человека относятся ко времени, отстоящему от нас на 50–40 тысяч лет, то история цивилизации предстанет перед нами в виде взрыва, нарушившего тишину. В самом деле, в сравнении с пятью-шестью тысячелетиями исторических времен – доисторическая ночь длится бесконечно долго¹⁶⁷. Удивительное постоянство удерживается в образе жизни, в быте людей на протяжении веков. Тот или иной способ обработки каменного рубила или форма кувшина определяют огромные хронологические эпохи. За тот же отрезок времени, за который техника прошла путь от мотыги до расщепления атома, в веке каменном почти не происходит перемен: те же приемы охоты, те же узоры на сосудах, те же правила захоронения...

Даже одно из великих открытий – употребление огня – не было достижением предыстории. Этой стихией пользовались уже полуживотные предки человека¹⁶⁸.

Между тем все это не означает, что первобытный человек был низшим существом в сравнении с нами. Кроманьонская раса – одна из первых человеческих рас – по природе ни в чем не уступала современному человеку. Это были стройные, красивые люди с прекрасно развитым черепом. Их искусство (так называемое «ориньякское») показывает, что внутренний мир наших далеких пращуров был богат и сложен, что они отличались изумительной художественной одаренностью. И тем не менее, доисторическая ночь тянулась многие тысячи лет. Человек оставался все это время неотъемлемой частицей рода, племени, в нем не пробуждался творческий дух личности. Поступательного движения почти не ощущалось. Каждое столетие было, вероятно, похоже одно на другое. Сравнивая наскальную ориньякскую живопись, относящуюся примерно к 25-му тысячелетию до н. э., и фрески Сахары 6-го тысячелетия, мы видим все один и тот же мир: угон скота, охота на диких животных, праздники, магические пляски женщин и воинов¹⁶⁹.

Что же тормозило движение культуры?

Вероятно, это одна из загадок, которая никогда не сможет быть разрешена. Однако в первобытных верованиях существует нечто такое, что может пролить некоторый свет на эту проблему. Сохранившиеся донныне очаги «первобытного мира» показывают, что магические представления обладают колоссальной силой и способны держать целые общества в состоянии неподвижности. «Коллективные представления» магизма, связанные с табу, ритуалами и традициями, накладывают свой отпечаток на все проявления жизни австралийца, папуаса, зулуса.

Идеи и верования имеют гораздо большее влияние на жизнь общества, чем это кажется на первый взгляд. И если учесть ту власть, какую имел магизм над душами людей, то поразительная устойчивость первобытного мира становится не такой уж загадочной.

Мир воспринимался «магическим человеком» как законченное материально-духовное целое, как непрерывный круговорот богов и людей, живых существ и стихий, как своеобразная иерархия духов, людей и бессловесных. В своих обрядах человек имитировал жизнь природы, как бы участвуя в ее процессах; через тотемизм он рождался с миром живых тварей. Жизнь его была непрерывным священнодействием, он боялся нарушить хотя бы одно звено в космической мистерии, опасаясь быть выброшенным за пределы истинного бытия.

Вполне естественно поэтому, что страх переступить через сакральную черту ритуала, посягнуть на незыблемость «коллективных представлений» оказывал парализующее действие на духовную культуру. Он ставил человеку жесткие рамки, за пределы которых творческий дух пробивался лишь с огромным трудом.

Вероятно, в этот долгий период человек чувствовал себя ближе к природному миру, чем в последующие века, но это была атавистическая близость. Не как человек предстоял он природному миру, а скорее как часть этого мира.

Но вот около шести тысяч лет назад совершается почти внезапный перелом. Дремлющие силы духа сделали первую попытку освободиться.

С внешней стороны этому перелому, вероятно, содействовали массовые переселения племен. Переселенцы, которые были чаще всего и завоевателями, покидая обжитые земли, оказывались среди новых ландшафтов, сталкивались с неведомыми народами и верованиями. А это всегда вносит свежую струю в сознание людей. То, что они считали испокон веков незыблемым и прочным, оказывалось в новой обстановке призрачным и преходящим. Достаточно указать на переселения и завоевательные походы аморитов, арьев, евреев, ахейцев, европейских варваров, монголов, арабов, положившие начало их культурам¹⁷⁰.

Скорее всего, именно в результате больших племенных миграций и родились первые великие цивилизации. Во мгле доисторической ночи вспыхивают три светоча: это были культурные центры, возникшие на берегах Нила, Евфрата и Инда.

Ранние исторические времена подобны ландшафту, подернутому утренним туманом. Пристально вглядываясь в его пелену, мы начинаем улавливать очертания то одного, то другого предмета; одни выступают из тумана наполовину скрытыми, другие кажутся совсем не такими, каковы они на самом деле... На рубеже V и IV тысячелетий историк бредет почти ощупью. Письменность еще только зарождается. Археология дает материал, далеко не всегда поддающийся расшифровке. Загадки громоздятся на загадки. Откуда пришли первые люди в места древнейших оседлых цивилизаций? Куда исчезли племена человекоподобных неандертальцев и какую роль в их исчезновении сыграл человек? Существовала ли древняя цивилизация на затонувшем материке Атлантиде? Какой геологической реальности соответствуют предания народов о потопе? Где впервые стали употреблять металлы и строить города? Ответы на все эти вопросы и на множество других не выходят за пределы более или менее правдоподобных гипотез, фантазий, догадок.

С III тысячелетия туман постепенно рассеивается. Мы уже можем составить себе довольно ясное представление о жизни в Египте, Двуречье, Индии.

Здесь впервые родился *город* — это скопление жилищ, как бы в страхе жмущихся друг к другу, обычно обнесенных стеной. Город — двуликое и трагическое детище двойственной истории человечества — стоит у ее истоков. «Городская революция» есть рубеж исторического и доисторического миров.

Если в пещере, шалаше, палатке из шкур человек еще жил среди окружавшей его природы, то за стенами города он впервые создал свой собственный мир, пыльный, тесный, некрасивый, но все-таки свой. Город — символ изоляции человека от природы и одновременно символ его творческой активности. Пусть эта активность иногда принимает ложное направление, пусть город и вносит уродство и смрад в природу, но не следует забывать, что город помог человеку познать самого себя. Он способствовал высвобождению личности. Он проклятие исто-

рии, и он же ее благословение. Стены оторвали человека от мира, но дали ему возможность по-новому взглянуть на этот мир. В городе человек был подавлен монотонностью созданного им самим муравейника, но в городе же раскрылось внутреннее богатство его духа. Сократ и апостол Павел, Шекспир и Достоевский – дети города.

В легендах и мифах народов города чаще всего не «вырастают», а «основываются». Их закладные камни нередко хранят волнующие повести о героях и богах, которые их воздвигли. Будь то шумерский Ниппур, или египетский Мемфис, или Рим – все они представлялись людям как какой-то дар, дар Неба или воина-богатыря.

Чем больше сведений о жизни первых цивилизаций приносит лопата археолога, тем очевиднее становится, что рождение города – это действительно «взрыв», «скачок», способный привести в полное недоумение сторонников теории непрерывного и постепенного прогресса. Даже изобретение земледелия не было таким резким разрывом с прошлым, как возникновение городов. Оказывается, что жизнь людей в городах, только что выступивших из доисторической ночи, очень мало отличается от жизни значительного числа людей нашего времени.

Если сравнить современный восточный городок с таким древнеиндийским центром, как Мохенджо-Даро, с его широкими улицами, удобными домами, великолепной системой водостоков, то легко убедиться, что, за исключением некоторых технических изобретений, быт современного человека не так уж далеко ушел от быта человека, жившего за пять-шесть тысячелетий до него. Право же, далеко не все современные города построены по такому превосходному плану, как древние Ур или Мари в Двуречье. В этих городах, расположенных в засушливой местности, дома были снабжены водопроводом и канализацией; заботливо отделялись жилые помещения от служебных и хозяйственных; окна выходили не на пыльную улицу, а в тихий внутренний дворик, озелененный и прохладный. В городах Шумера в III тысячелетии до н. э. были базары, трактиры, школы, мастерские, храмы, часовни. Счетоводы и гончары, ткачи и учителя занимались примерно тем же, чем они занимаются в XX веке. Археологов поражало сходство древних городов чуть ли не в деталях с современными восточными городами.

Когда мы смотрим в музее на предметы обихода, сохранившиеся от первых цивилизаций, на эти изящные статуэтки, ожерелья, керамику, пудреницы, зеркала, гребенки, детские игрушки, посуду, мебель, – мы невольно чувствуем, что люди, которым все это принадлежало, жили интересами, вкусами, привычками, очень похожими на наши, что нам бы нравились египетские кресла, что наши дети могли бы играть древнеавилонскими игрушками и современные женщины по достоинству оценили бы флаконы из Фив или вазы из Феста.

Но при всем этом – налицо бесспорные доказательства того, что «городская революция» не привела еще к «революции духа». Во время основания городов и великих переселений многое, вероятно, было нарушено в традиционных представлениях. Но когда жизнь в городах вошла в устойчивое русло, старые тенденции снова взяли верх. Это особенно наглядно можно проследить на примере Древнего *Egипта*.

Египет – это рубеж между Африкой с ее фетишами и колдунами и Средиземноморским кругом – очагом великих духовных движений. И население Египта также сложилось из обитателей двух континентов. Осваивая долину Нила, египтяне затратили огромные усилия для того, чтобы приспособить эти заболоченные, нездоровые места для обитания. Поразительна неисчерпаемая энергия египтян и их соседей шумеров в борьбе с природой. Они побеждали ее там, где иной раз даже человек наших дней опускает руки.

Одного не смогли победить египтяне: наследия первобытных понятий и верований. Мы не знаем, какой творческий порыв помог им вырваться из тисков природы, начать рыть каналы, осушать болота, орошать поля, искусно пользоваться разливами Нила, чтобы засеять жирный ил, оставляемый рекой. Но древний египтянин был еще слишком прикован к видимому миру, чтобы освободиться от его обоготворения. Все вызывало у него священный трепет: и ибисы, шагающие в прибрежных зарослях, и коршуны, неподвижно парящие в небе, и гиппопотамы,

всплывающие из мутных вод Нила. Боги – покровители египетских кланов – представлялись в своих зримых обликах какой-то стаей зверей, пернатых и рептилий. Быть может, в этом сказывался далекий отзвук тотемизма. Но как бы то ни было, научившись в некоторых отношениях управлять природой, египтянин остался при старой мысли о необходимости магических способов управления ею.

Мы уже говорили, что магия есть первобытный двойник науки. Прогресс внешних знаний до известного предела не отрицал роли заклятий. Лекарства в Египте и Шумере нужно было изготавливать и принимать, лишь произнося заклинания; наблюдения неба имели наполовину астрономический, наполовину астрологический характер. Окруженный миром таинственных существ, которые смотрели на него глазами кошек, сов, баранов, крокодилов, египтянин, следуя неизменному магико-научному методу, искал способы покорить эти существа, использовать сокровенные силы в своих целях.

Составлялись сложные закликательные формулы, изготавливались бесчисленные амулеты в виде глаза, жука, лотоса. Каждый египтянин считал необходимым иметь целый набор талисманов, чтобы оградить себя от врага, от болезни, от укуса змеи. Наиболее древние египетские тексты уже содержат колдовские формулы.

Для того чтобы выйти на путь духовного освобождения, недостаточно было знать свойства целебных растений, основы математики и создать систему орошения. Нужен был духовный переворот, отказ от плодов Грехопадения, отказ от притязаний насильно овладеть дарами земли и Неба. Возврат к утраченному Богу, который постепенно начинался в исторические времена, требовал подвига, преодоления, творческого порыва. Человек должен был снова услышать *зов* и откликнуться на него.

Между тем египетская религия была пропитана ложью и корыстью. Заклинания, как правило, строились на том, что вводили богов и духов в заблуждение. Так, например, рожаящая женщина призывала богов, уверяя, что она – богиня Исида, разрешающаяся младенцем. Если человеку угрожала ядовитая змея, он произносил заговорные слова, в которых уверял змеиный яд, что он не человек, а сам бог Гор, которому подвластны стихии. Таким образом, магия «придавала аморальный характер египетской религии».

Механическая сила обрядов и заклятий, по представлению египтян, одна из универсальных природных сил. Погруженное в землю зерно воскресает вместе с Осирисом, но для его пробуждения нужно совершить соответствующий обряд. Священный церемониал есть не просто дань традиции, а неотъемлемый элемент космического строя; и если он не будет исполнен в точности, то этому строю будет нанесен ущерб и земля откажет человеку в своих дарах. Заклинания – всеильны, цепь причин – неумолима, богам так же нужны жертвоприношения людей, как людям – их милости.

Ветер перемен, связанный с переселениями и дальними походами, постепенно утих. Мир снова стал привычным и устойчивым. Мысль о том, что он «во зле лежит» или что в нем что-то неблагополучно, должна была бы показаться кошунственной и египтянину, и шумеру. Жест и одежда, обычай и талисманы, пища и орудия, ремесла и обработка земли – все это также вечно и неизменно, как повторяющиеся разливы реки, текущей неведомо откуда, как весеннее обновление природы, как стройный ход светил в небе. Все предreshено, все закончено; настоящее, прошедшее, будущее сливаются в одно целое. А единственная задача человека – включиться в этот поток, ибо в этом его долг, спасение и залог счастья на земле.

* * *

Магия в некоторых отношениях была столь же сложной, как и наука. Она требовала обширных познаний от человека, который хотел пользоваться ее могуществом. Поэтому люди,

полностью овладевшие всеми тонкостями чародейства, приобретали над народом огромную власть.

Египетские предания утверждают, что до фараонов страной управляли боги. Быть может, здесь под оболочкой мифа кроется смутное воспоминание о тех временах, когда маги-колдуны играли роль вождей кланов. «По-видимому, – говорит французский египтолог А. Морэ, – некоторые реально существовавшие люди обладали даром внушения и угадывания, который ставил их вне и над человечеством»¹⁷¹. Во всяком случае власть в Египте всегда считалась божественной, так как вела свое происхождение от сверхчеловеческих существ.

Около 3000 г. завершается постепенное объединение египетских областей (*номов*). Объединение, как об этом свидетельствуют предания и памятники, возглавили вожди клана *Гора*. Гор изображался в виде сокола, и его отождествляли с Божественным Солнцем. Солнце обоготворялось всеми египтянами. Сверкающий *Ра* был живым символом Единого, а его общенациональный культ был, возможно, отзвуком древнейшего египетского единобожия.

Поэтому властители клана Гора объявили своего местного бога тождественным с Ра. Над первым изображением египетских царей мы видим священного Сокола-Гора, осеняющего фараона и помогающего ему поражать врагов. Царское имя также включает в свое написание знак божественной птицы. Это не случайно. «Отныне, – говорит А. Морэ, – царь почитается как живое воплощение бога Гора; на земле он являлся самим Соколом-Гором... Вот окончательный прогресс царской власти: предводитель-колдун былых времен превращается мало-помалу в царя-жреца и доходит до звания царя-бога»¹⁷².

История объединения Египта во многих отношениях остается неясной. Традиция связывает это событие с именем первого фараона *Мины*, который в конце IV тысячелетия после победоносных сражений увенчал себя священным талисманом – «двойной короной». Талисман состоял из соединения корон Дельты и Юга, белой и красной, являвшихся волшебными символами власти.

Сокол Гора сохраняет фараона.
Египет, III тысячелетие до н. э.

Предания приписывают Мине религиозные реформы, сооружение плотин и основание города Мамии (Мемфиса), который стал как бы связующим звеном между Дельтой и Югом¹⁷³. Существует предположение, что Мина и его династия были пришельцами, благодаря своей энергии сумевшими утвердить божественную власть фараонов в Египте.

С именем Мины связаны первые обряды, которые впоследствии неизменно совершали все египетские монархи. Эти обряды носили магический характер. Царь, венчаясь двойной короной, совершал торжественный ход вокруг белой стены Мемфиса. Это должно было предохранить Египет от вражеских козней. Царь проводил первую борозду плугом, чтобы пробудить силы земли, бросал в Нил папирус с приказом, чтобы начался разлив. Таким образом, фараон сосредоточил в своих руках власть над всей Вселенной, над стихиями и над людьми. «Сын богов, одаренный сверхъестественной благодатью, вооруженный магическим оружием, увенчанный живыми диадемами, в которых воплощаются богини, с челом, повитым змеей, богиней заклинаний, царь есть первый и могущественный из магов»¹⁷⁴. Это было логическое завершение пути, по которому пошло человечество, увлеченное соблазном «быть как боги». Магизм – это прямое следствие Грехопадения. Извращение религиозного сознания привело к обоготворению человека, к обоготворению колдуна с плетью в руке и с фетишем на голове.

Не только власть фараона была как бы частью космического строя, но и весь социальный уклад Египта с того времени получил высшую санкцию. Нарушить его – значило нарушить закон природы и обречь себя на неминуемую гибель. Сословная иерархия отныне становится незыблемой. Много веков спустя она все еще будет поражать иноземцев. Социальная устойчивость страны фараонов вызывала зависть греков, которые жили в атмосфере непрестанных смут, переворотов и реформ. Египтяне, говорил Страбон, «достойным образом пользуются благодеянием своей страны благодаря разумному разделению ее и заботе о ней. Выбрав царя, они разделили массу народа и назвали одних воинами, других земледельцами, третьих же – жрецами»¹⁷⁵. Греческому писателю кажется, что эта иерархия – результат рационального планирования; на самом же деле это продукт статичности и косности, свойственной магическим культурам. В Египте крылся неисчерпаемый запас творческих сил. Он многого достиг в науке, технике, литературе и искусстве. Но фермент магизма был настолько силен в нем, что если и не сделал его мумией, то сохранил на протяжении трех тысяч лет консервативный уклад в политической, социальной и религиозной жизни.

* * *

Страбон упоминает о жрецах. В его время это была уже централизованная могущественная корпорация. Но появилась она не сразу. Жрецы и ясновидцы первоначально были рассеяны по различным областям и не знали верховного владыки. Несмотря на то что их служение богам часто переплеталось с магией, они очень рано стали тяготеть к более чистому религиозному культу. Религиозная узурпация фараонов не смогла подорвать влияния жрецов. Благодаря своим огромным знаниям и авторитету они занимали прочное положение в стране. Именно они вели математические расчеты и астрономические наблюдения, столь необходимые для строительства и ирригации. Тайна, которой они окружали свои знания, делала их неуязвимыми.

После Мины «возникла, – по словам Брэстеда, – государственная форма религии, где фараон играл первенствующую роль. Теоретически только он один служил богам»¹⁷⁶. Однако фактически за духовенством оставалась ведущая роль в религии.

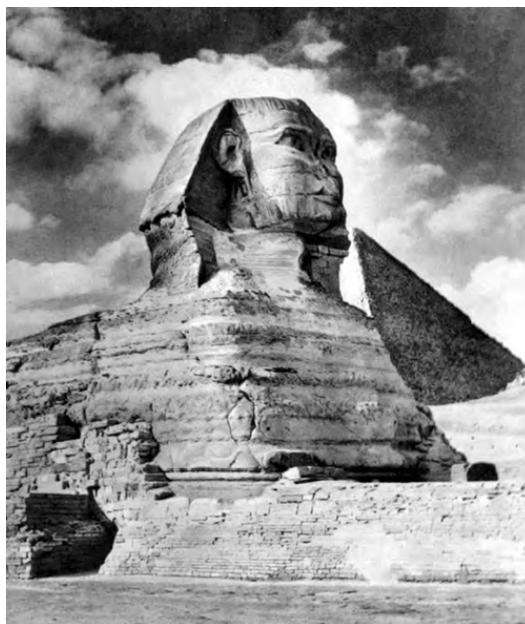
У нас есть доказательство того, что уже в то время египетские священники задумывались над тайнами мира и не удовлетворялись примитивным язычеством масс. Это – мемфисский текст о сотворении мира. В Мемфисе, который стал столицей с III тысячелетия до

н. э., издавна почитался бог творческой силы земли – *Птах*. Его изображали в виде человеческой мумии, чтили под видом быка Аписа. Его считали покровителем ремесленников, людей-творцов, изготавливающих изделия. «Мемфисский трактат», как обычно называют священный текст о Птахе, есть, по словам Б. А. Тураева, «древнейший памятник богословия»¹⁷⁷. В нем мы обнаруживаем как сильные, так и слабые стороны жреческого умозрения.

С одной стороны, трактат учит, что все существующее создано могуществом Божественной мысли, слова. Это очевидное предчувствие идеи Логоса. К единому творцу Птаху восходит все, даже города, храмы, искусства, ремесла. Но в то же время жрецы не отказываются от других богов. Они идут по пути, по которому впоследствии пошли индийские брахманы. Все боги, согласно трактату, есть порождения или воплощения единого Птаха. Таким путем жрецы хотели сохранить и народную веру, и свое монотеистическое учение.

Эта компромиссность – характернейшая черта духовных вождей Египта¹⁷⁸. Правда, она была свойственна и индийской, и греческой элите, но египетские жрецы наиболее последовательно проводили эту линию. Компромисс проявлялся у них и в отношении к царской власти. Начиная с пятой династии (ок. 2700 г.) фараоны избирают своим покровителем бога Ра, который был уже отождествлен с Гором, а теперь отождествлялся с гелиопольским *Атумом*. Создается официальная царская религия, исповедующая догмат о божественном рождении царя. Многочисленные надписи и рельефы свидетельствуют о том, что царь есть «сын Солнца» в прямом и буквальном смысле.

Култ Ра-Атума имел центр в городе Ону, или Гелиополе. Гелиопольские жрецы приняли обожествление царя и пытались теоретически обосновать его. Они пытались, впрочем тщетно, привести в стройную систему обилие мифов, богов и космогонии, которые рождались независимо в разных областях страны.

Сфинкс и пирамиды. Гизэ

По гелиопольскому учению, издревле существовал *Нун* — Хаос, или Небытие, из которого родился владыка Вселенной – Ра. Он, в свою очередь, порождает великую девятку богов¹⁷⁹.

Возникают мифы, согласно которым Гор объявляется сыном *Осириса* и прочие боги оказываются связанными родственными узами. Это механическое смешение богов не могло привести к монотеизму, как не привело к нему утверждение деспотической монархии.

По утверждению Энгельса, единобожие «есть лишь отражение единого восточного деспота»¹⁸⁰. Между тем именно в Египте мы имеем наиболее яркую форму деспотии при развитом политеизме. В то же время приближение к монотеизму в Индии и Греции и установление его в Израиле произошло тогда, когда центральная власть была слаба или вообще отсутствовала.

Духовные руководители Египта, жрецы, не только не смогли очистить его религию от многобожия и магии, но освятили незыблемый социальный строй как сакральное установление.

Полагают, что великий сфинкс в Гизе есть символическое изображение сына Солнца – божественного царя. Если это так, то это один из наиболее выразительных символов кесарского самодержавия, которое несло в себе зачатки всех узурпаций и тираний будущего. Люди сами приняли эту божественную власть. Пусть династии порой свержались, но неприкосновенным оставалось верование в то, что человек, стоящий на вершине социальной пирамиды, обладает ключом от счастья своих подданных.

Другим символом этого царепоклонства являются пирамиды Гизе. Долгое время, следуя Геродоту, в них видели простой памятник нелепого тщеславия и жестокости деспота. На самом же деле все обстояло значительно сложнее. А. Морэ удивительно верно замечает, что такие грандиозные сооружения должны были родиться, подобно готическим соборам, в результате массового воодушевления. Колоссальные трудности, связанные с возведением этих рукотворных гор, не могли быть преодолены только при помощи бичей. Люди должны были верить во что-то, когда создавали пирамиды.

Изучение древнеегипетских текстов открывает тайну этих странных сооружений.

При жизни фараон, по верованию народа, магически охранял границы страны, управлял ветром, водой и огнем. После смерти он становился еще более могущественным. Его необходимо было удерживать близ города, чтобы продолжать пользоваться его покровительством. В темных глубинах исполинского мавзолея продолжалась скрытая таинственная жизнь. Пик «вечного дома», вознесенный над полями, рощами пальм, городом и рекой, был постоянным напоминанием о том, что великий маг бодрствует, что он совершает свое служение на благо египетского народа.

Это приводит нас к вопросу о том, как представляли себе египтяне посмертную судьбу человека.

Глава шестая

Гробницы и жизнь. Египет в III–II тысячелетии до н. э

*Наши предки покоятся там со времен мирозданья.
Из тех, кто рождается на свет во множестве
неисчислимом,
Не осядет в Египте никто,
В Городе Вечности всем поголовно приют
уготован.*

Гелиопольская песнь

Обитатели нильской долины очень рано решили для себя извечную проблему – проблему жизни после смерти. Они были убеждены, что та же магия, которая помогает им получать урожаи, побеждать врагов и делает царя всевластным, является и надежным орудием для сохранения вечной жизни. Довольно долго смерть представлялась египтянину просто как разлука «астрального тела» – *Ka* — с тленной оболочкой. Нужно было только научиться вновь восстанавливать эту связь, причем сделав тленное – нетленным. Для этой цели были разработаны, с одной стороны, методы мумификации трупа, а с другой – магические формулы, которые позволили бы «астральному телу» обитать в мумии. На случай исчезновения набальзамированного тела изготавливали из камня и дерева его двойников.

Гробница для египтянина была, таким образом, не саркофагом, не склепом в нашем смысле слова, а – домом. В ней навечно поселялся умерший, его мумия, статуя и его душа. Художники и скульпторы стремились изобразить покойника в лучшие годы его жизни, в расцвете сил. Его окружали портреты жены, детей, слуг. На стенах тянулись красочные картины пиров, плясок, жертвоприношений; живопись воспроизводила виллы и зернохранилища, камыши и птиц, стада коров и овец. Все это в известные моменты оживало, и покойник попадал в привычную обстановку, наслаждаясь вечным счастьем в своей гробнице-доме.

Рядом с городами вырастали их молчаливые двойники-некрополи, куда постепенно переселялись жители. Умершие цари господствовали над этими некрополями в своих пирамидах. Но, в отличие от простых смертных, они получили привилегию восходить из пирамиды ввысь, в царство богов. Уже не просто *Ka*, «астральное тело», а сама душа – *Ba* — фараона имела право пребывать в сонме высших существ. Попадал туда фараон весьма характерным способом. Защищенный талисманами, произнося формулы, он обманывал стражу божественных миров и проникал в них. Фараон как бы штурмом брал бессмертие, применяя при этом военные хитрости. Правила этой своеобразной войны записывались на стенах пирамид и гробниц. Впоследствии они легли в основу *Книги Мертвых* — огромного сборника заклятий, гимнов и молитв.

Властителем вечной жизни почитался *Усирэ*, или *Осирис*, – бог воскресающей весенней природы. Согласно мифу, он был убит собственным братом, но воскрес силой волшебства. Сын Осириса, Гор, был покровителем живого царя; умерший царь становился воплощением Осириса. Впоследствии каждый умерший человек объявлялся тождественным с Осирисом. Это отождествление первоначально имело целью обмануть богов. Если царь – это действительно Осирис, то его подданные вряд ли могли претендовать на единство с богом. Поэтому приходилось прибегать к уловкам, как в других магических приемах. И лишь много позже отождествление умершего с Осирисом приняло мистический смысл – в плане причастности всех людей к природе Божества.

В эпоху же фараонов – строителей пирамид, т. е. в период Древнего царства, посмертная судьба человека определялась главным образом состоянием гробницы и заупокойным культом. Чем более полно и точно совершались все обряды, тем больше шансов было у умершего процветать в виде «астрального» Ка в вечном доме или вознестись в виде Ба в божественное царство.

Поэтому строительство гробниц было главнейшей заботой тех египтян, которым средства позволяли соорудить себе вечный дом. Фараоны начинали строить гробницы с первых дней правления, а многие вельможи в древнеегипетских документах указывали на сооружение усыпальницы как на важнейшее событие своей биографии.

Когда смотришь на мумии, на эти смуглые высохшие останки, невольно изумляешься этой попытке бросить вызов времени и тлению. А стены египетских гробниц показывают нам, как заботливо готовились люди к вечности, надеясь и там властвовать и трудиться, любоваться цветами и обрабатывать поля.

* * *

Около 2400 г. незыблемая, казалось, власть божественных царей пошатнулась. Началась полоса дворцовых переворотов. По преданию, многие цари не просидели на престоле и дня. Усилились центробежные силы в областях: египетская знать, особенно в южных номах, требовала самостоятельности в управлении. Повсеместные волнения, связанные с ослаблением режима, перешли в полную анархию. Летописи молчат об этих бедственных годах, но следы разрушений, относящихся к эпохе падения Древнего царства, говорят о многом. Они открывают перед нами страшную картину разбушевавшихся толп, которые бесчинствовали в храмах, производя в них полный разгром. Не пощадили они и овеванных страхом и вековой тайной усыпальниц. Ворвавшиеся в «вечные дома» погромщики расхитили драгоценности, повредили барельефы, разбили статуи.

Когда мятежи утихли, Египет уже не представлял собой единой страны. Он распался на отдельные княжества.

Все эти события не могли не произвести глубокого впечатления на современников. Если раньше пирамиды фараонов и усыпальницы знати вызывали зависть, то теперь многие начинали задумываться над целесообразностью священного гробостроительства и ритуалов, совершаемых над трупом. Зрелище ограбленных усыпальниц, оскверненных мумий, поверженных и расколотых статуй-двойников, которые не спасли никакие заклятья, внушало скептическое отношение к традиционным понятиям. Магические воззрения на заупокойный культ дали первые трещины.

Многие представители образованных классов начали склоняться к своеобразному «эпикурейству». Жизнь перестала быть надежной и прочной, все сдвинулось со своих мест. Хотелось ловить каждый день, каждый миг мимолетных радостей.

В эпоху Среднего царства (2052–1778 гг. до н. э.) эти настроения усиливаются. Именно в это время на похоронах стала иногда звучать странная песня, получившая впоследствии название «Песни арфиста». В ней провозглашается бесполезность заботы о так называемом «вечном доме». Ничто не может избежать разрушения. Многие отдавали все силы на сооружение усыпальниц —

А что с их гробницами?
Стены обрушились,
Не сохранилось даже место, где они стояли,
Словно никогда их и не было¹⁸¹.

Что знает человек о своей посмертной судьбе? Ничего.

Никто еще не приходил оттуда,
Чтоб рассказать, что там,
Чтоб поведать, чего им нужно,
И наши сердца успокоить,
Пока мы сами не достигнем места,
Куда они удалились.

Но если мы ровно ничего не знаем о тайне загробного мира, то стоит ли думать о ней, стоит ли тревожить себя бесплодными мыслями, когда перед нами – жизнь со всеми ее радостями?

Следуй желаньям сердца,
Пока ты существуешь.
Надуши свою голову миррой,
Облачись в лучшие ткани.
Умасти себя чудеснейшими благовоньями
Из жертв богов.
Умножай свое богатство.
Не давай обессилеть сердцу,
Следуй своим желаньям и себе на благо,
Свершай дела свои на земле
По веленью своего сердца,
Пока к тебе не придет тот день оплакиванья...
Причитания никого не спасают от могилы.
А потому празднуй прекрасный день
И не изнуряй себя.
Видишь, никто не взял с собой своего достоянья.
Видишь, никто из ушедших не вернулся обратно.

Но этот призыв отказаться от раздумий, отказаться от поисков и вопросов мог найти отклик преимущественно среди людей поверхностных и лишенных нравственного чувства. Между тем в эти годы, как показывает расцвет художественной литературы, египетское общество переживало период серьезных творческих исканий и его глубоко волновали философские и этические проблемы. Многие прежние истины были поколеблены. Скепсис и гедонизм «Песни арфиста» были реакцией на это крушение идеалов. Но она изображала жизнь сплошным праздником, а это было ложью, и вовсе не только потому, что одни люди могли следовать ее советам, а другие не могли, одни были богаты, а другие бедны. Люди, отличавшиеся более тонкой душевной организацией и более развитым нравственным чувством, чем автор «Песни арфиста», признали, что мир и человеческий род «во зле лежит». Это было первое радикальное отрицание традиционного благодушия магической веры в незыблемый мир. Выразителем этого протеста явился безымянный автор «Беседы разочарованного со своею душой».

Поэма раскрывает перед нами внутреннюю борьбу человека, подавленного горем и всеми покинутого. Чувствуется, что его несчастье вовсе не в том, что он беден и не имеет насущного хлеба, а в нравственных страданиях, причиненных низостью и несправедливостью близких людей. Это уже не социальная трагедия, это трагедия Гамлета, трагедия общечеловеческая. Поэта потрясает то, что он видит вокруг себя: бесчестность братьев, алчность, бесплодность жертвы, неблагодарность, измену.

Кому мне открыться сегодня?
Зло наводнило землю.
Нет ему ни конца, ни края¹⁸².

Но тут существо человека как бы раздваивается, дух его, почти повторяя слова «Песни арфиста», уговаривает его не тревожиться ни о чем: «Проводи приятно время, забудь заботы». Но все его увещания напрасны. Человек видит только один выход из этого царства зла – смерть, уход в другой, светлый мир.

Мне смерть представляется ныне
Исцеленьем больного,
Исходом из плена страданья.

Мне смерть представляется ныне
Благовонною миррой,
Сиденьем в тени паруса, полного ветром.

Мне смерть представляется ныне
Лотоса благоуханьем,
Безмятежностью на берегу опьянения.

Мне смерть представляется ныне
Торной дорогой,
Возвращеньем домой из похода.

Мне смерть представляется ныне
Небес проясненьем,
Постижением истины скрытой.

Мне смерть представляется ныне
Домом родным
После долгих лет заточенья.

Это восторженное отношение к мысли об ином мире побеждает томительное раздвоение человека. Его дух уже больше не протестует и готов разделить со своим «братом» любой жребий, какой он изберет.

Это замечательное произведение египетской литературы открывает перед нами всю глубину пессимизма, охватившего многих мыслящих людей Египта. Всемирно-историческое значение его в том, что оно свидетельствует о тупике, в котором оказалось магическое мировоззрение. Человек, признавший жизнь настолько невыносимой, что предпочел ей смерть, тем самым бросил вызов той неподвижной и, казалось бы, совершенной Вселенной, в которой все закономерно и все соответствует воле богов.

Но, с другой стороны, мы видим, что «разочарованный» верит в существование высшей Божественной правды где-то по ту сторону смерти. Он жаждет познать высшую радость, вступив в царство Ра, в область вечного света. Там он будет «живым божеством». Добро, правда (*Maat*) есть нечто высочайшее и достойное поклонения.

Путь к вечным селениям, по мнению египтян, открывают формулы заклятий. Но автор «Беседы разочарованного...» ни слова не говорит о них. А так как в царстве Ра он ищет правды, то очевидно, что только правда может открыть ворота Неба.

* * *

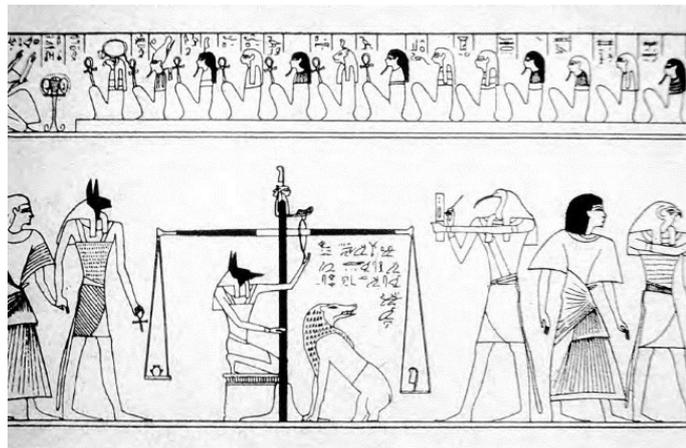
«Беседа разочарованного...» – не единичное явление. Уже в конце Древнего царства в сознание египтян начинает проникать мысль о том, что после смерти душу ждет высший суд, что посмертная судьба человека зависит от его поступков при жизни. Это было величайшим религиозным откровением, которое обрел египетский народ. В этом он опередил всех: и вавилонян, и греков, и евреев.

В эпоху VI династии (ок. 2400 г.) мы впервые встречаемся с текстами, где говорится о суде над душой. Этот суд – событие нравственного порядка.

Только тот достигает блаженства в Стране Заката, кто по совести может сказать о себе: «Я не творил несправедливого относительно людей, я не убивал своих ближних, не заставлял рабов моих голодать, не был виновником бедности нищих... не причинял страдания, не заставлял плакать... не причинял боли никому... не развратничал... Я давал хлеб голодному, воду – жаждущему, одяние – нагому»¹⁸³.

Постепенно заупокойные обряды теряют свою былую пышность, и многочисленные церемонии заменяются молитвами, начертанными на папирусе, который кладут в гроб. На свитках этой Книги Мертвых мы видим и изображения загробного суда, где бог мудрости *Тот* взвешивает деяния человека на весах.

В повести о крестьянине, написанной в эпоху Среднего царства, обиженный земледелец обращается к вельможе с такими словами: «Твоя рука насильничает, а сердце жадно. Кротость проходит мимо тебя... Берегись и думай, что наступает вечность... Разве обманывают весы? Разве Тот бывает милостив к злодеям?»¹⁸⁴.

Суд над душой. Рисунок из «Книги Мертвых»

В другом тексте этого времени мы читаем обращение к самому царю, где говорится о том, что не пышные гробницы, а добрые дела будут оценены высшим судом. «Украшай свой дворец Запада, улучшай свою гробницу в некрополе справедливостью, деянием правды. Сердца людей укрепляются этим. Приемлется богом деяние праведника более, чем телец грешника»¹⁸⁵. Это уже явное предвосхищение библейских пророков!

* * *

Параллельно с этим одухотворением веры в посмертную участь усиливалась монотеистическая струя в египетской религии.

С того времени, как столицей вновь объединенного Египта стали Фивы, фиванский бог Амон приобрел общенациональное значение. Фиванские жрецы пошлы по стопам жрецов гелиопольских и отождествили Амона с богом Солнца. Появляется имя *Амон-Ра*, обозначающее Верховное божество, создателя мира. Это отождествление было необходимо в силу того, что в Египте Верховным богом мог быть только бог столицы, царский бог, а с другой стороны, общим для всех мог быть только бог, принявший черты единого солнечного божества.

Но самое главное, что Бог, названный Амоном-Ра, стал той «иконкой», в чертах которой можно было уже различить подлинный лик Небесного Отца. В фиванских храмах его прославляли в таких словах:

Хвала тебе, хвала тебе, Амон-Ра.
Мы перевозносим твой дух,
Мы почитаем твой образ.
Ты лучезарный, многоликий...
Предвечный,
Сотворивший небо И создавший землю.
Создавший моря и горы,
Творец вселенной —
Ты озарил землю во тьме,
Засияв в Хаосе. —
Люди и боги появились после тебя.
Всесильный, многоимянный, неведомый...
Кроткий, милосердный, любвеобильный...
Внимающий мольбам...¹⁸⁶

Хотя некоторые мифологические отзвуки, такие, как упоминание о Хаосе, и слышатся в этом гимне, тем не менее в целом он показывает нам, как высоко поднялась религиозная мысль фиванского жречества. В его богопознании древний страх заменяется благоговением и любовью: «Сердца не насытятся любовью к тебе». Именно с этого времени (ок. 2000 г.) старые верования надломились, и человечество пошло по новым путям религиозных поисков. Египет стоял во главе этого движения, но не был в состоянии довести его до конца. Две фатальные силы тяготели над ним: традиция и вера в божественного царя. Он не сумел освободиться от магических представлений.

Наряду с этической стороной в Книге Мертвых осталось все, что она впитала из мира волхвований и заклятий. Более того, этот колдовской элемент явился, в конечном счете, господствующим. Жрецы не осмелились поднять руку на верования простого народа. И египетская религия сохранилась навсегда как странное смешение возвышенных прозрений и самого примитивного язычества.

Вера в божественность царя пережила все смуты и восстания, она оказалась долговечной, подобно сфинксу. Поэтому египетская религия была прочно прикована к судьбе державы фараонов. И даже тогда, когда она делала попытки обрести универсальный размах, она оказывалась неотделимой от сына Солнца и от нильской долины.

В дальнейшем мы увидим, какими были попытки преодолеть язычество в Египте и как все они потерпели поражение. А сейчас обратимся на северо-восток: туда, где между Тигром и Евфратом зародилась другая великая цивилизация.

Глава седьмая

Земля Сеннаарская. Государства Двуречья между IV и II тысячелетиями до н. э

*Два близких между собою желания, как два невидимых крыла,
поднимают душу человеческую над остальной природой: желание
бессмертия и желание правды.*

Вл. Соловьев

Библия говорит о «земле Сеннаарской», или, правильнее, «земле Шиннар», как о месте, где сложилась первая цивилизация. То, что в этой местности был, согласно Писанию, построен город Вавилон, показывает, что речь идет о южной части долины Тигра и Евфрата¹⁸⁷.

На протяжении многих веков слово «Шиннар» ровно ничего не говорило людям, читавшим Библию, точно так же как названия сеннаарских городов Ура, Эреха, Аккада. И лишь сто лет назад оказалось, что библейская «земля Шиннар» действительно может быть названа колыбелью современной цивилизации. Из мглы тридцативекового забвения выступили народы, которые обитали на берегах Евфрата в области, называвшейся Шумер. Одним из этих народов были *шумеры*, а другим – *семиты-аккадцы*, пришедшие несколько позднее¹⁸⁸.

Несмотря на то что централизованное государство возникло в Шумере позже, чем в Египте, его культура в целом не уступает египетской в древности. И на Ниле и на Евфрате примерно в одно и то же время (в конце IV тысячелетия) стали строить города, изобрели письменность и оросительную систему. Что же касается влияния на дальнейшую историю человечества, то первенство шумеров, столь странным образом забытых, в настоящее время не подлежит сомнению.

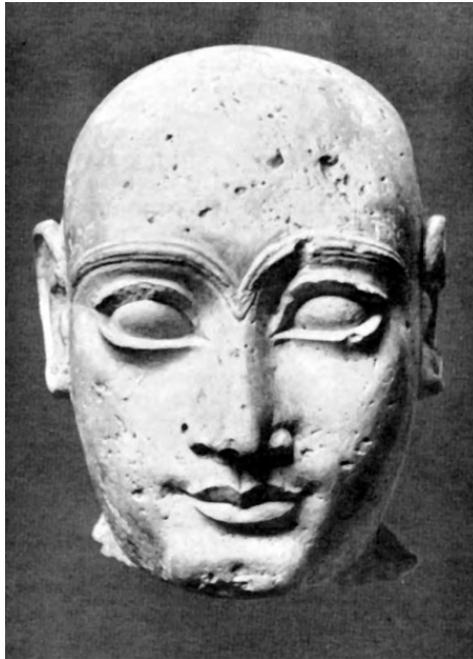
Шумеры и аккадцы через своих преемников вавилонян передали грекам, евреям и другим народам основы своей науки, понятия о Вселенной, свою технику, изобретения, свои поэмы и притчи, свои художественные стили и некоторые религиозные представления.

Современные названия дней недели и деление круга на градусы, греческие легенды и библейская символика – все это восходит к древнему Сеннаару. В частности, шумеры достигли больших успехов в технике, совершив настоящую техническую революцию. «Они, – говорит американский шумеролог С. Крамер, – изобрели гончарный круг, колесо, повозки, плуг-сеялку, парусную лодку, научились возводить арки, сводчатые постройки и купола, изготавливать литье из меди и бронзы, освоили пайку металлов, резьбу по камню, гравировку и инкрустацию»¹⁸⁹. Открытие этой древнейшей культуры настолько поразило ученый мир, что возникла даже теория «панвавилонизма», согласно которой вся мировая культура ведет свое происхождение из Двуречья. Это, конечно, было крайностью, но само по себе появление такой теории указывает на мировое значение культуры Сеннаара.

Кто же были ее создатели?

Если о происхождении египтян много спорят, то происхождение шумеров – полная загадка. Их язык не имеет никаких родственных ветвей среди известных языков древнего и нового мира. Установлено только одно: шумеры не были коренными жителями Сеннаара. Они пришли туда в IV тысячелетии, причем одни указывают на Индию как на их прародину, другие – на Кавказ и Среднюю Азию. Наиболее древними городами шумеров считаются южные, и таким образом можно предположить, что этот загадочный народ пришел со стороны Персидского залива¹⁹⁰.

Семиты-аккадцы были пастухами-кочевниками и заселили северную часть долины на несколько веков позже шумеров. Обе эти народности постепенно смешивались, пока к 2000 г. окончательно не слились в одно целое.

Шумерский правитель

Создание очага цивилизации в Сеннааре было настоящим подвигом. Колонисты встретили здесь условия жизни, почти невыносимые для людей. Если египтянам приходилось затрачивать большие усилия для того, чтобы создать свое хозяйство, то все же оно было для них «даром Нила», как говорил Геродот. В Месопотамии же природа не была склонна дарить ничего. Она объявила человеку беспощадную войну. Обнаженные пустыни сменялись здесь зловонными малярийными болотами. Речные разливы нередко сопровождались разрушительными бурями. Систематические наводнения длились по несколько месяцев. В эпоху утверждения шумеров в долине потоп небывалой силы уничтожил почти все человеческие поселения. Воспоминания об этой страшной катастрофе сохранились на много веков¹⁹¹. Потоп не заставил шумеров отступить. Уцелевшие после бедствия люди вновь принялись за работу. Гигантская сеть каналов собирала теперь воду, осушая топи и орошая пашни. Свирепые волны Евфрата и Тигра много раз сводили на нет труд человека, но шумеры каждый раз восстанавливали размытые берега каналов и расчищали от ила их русла.

То запустение, которое постигло этот край, едва только там прекратилась неустанная борьба человека с природой, – наглядное свидетельство трудолюбия, энергии и настойчивости шумеров.

Египет хорошо защищали пустыни и море. Сеннаар, напротив, был открыт для нападения степных кочевников и воинственных горцев. Поэтому «городская революция» в Месопотамии носила особенно интенсивный характер. Города пришельцев сразу после своего возникновения превращались в военные крепости.

Каждый город с окружающей его маленькой областью был фактически независимым. Среди этих городов наибольшее значение имели Ниппур, Ур, Киш, Урук (Эрех), Лагаш, Умма и Ларса. Время от времени царь одного из них получал некоторую видимость гегемонии, но, как правило, это продолжалось недолго.

Единство страны опиралось преимущественно на единство веры. Древний *Нинпур* — город жрецов и обитель богов — был символом этого единства. Каждый город имел и собственные местных богов, которые считались его настоящими хозяевами. Боги жили в храмах или на вершине *зиккурата* — ступенчатой башни.

Шумеры считали, что после потопа им была «с неба послана царская власть», тем не менее в их городах долгое время не возникали такие крайние формы царепоклонства, какие процветали в Египте.

Отличие от Египта в этом отношении легко заметить даже в искусстве. Так, рельеф одного из ранних фараонов — Нармера — изображает его фигуру гигантской в сравнении с остальными людьми, между тем как на современной ему шумерской «Стеле коршунов» властитель Эанатум не превышает ростом своих воинов. Великаном представлен на барельефе только бог Нингирсу — патрон города Лагаша.

Более того, у шумеров выработалась своеобразная патриархальная демократия. Одна очень древняя поэма повествует о том, как правитель, решая важный государственный вопрос, обсуждает его не только с советом старейшин, но и с общенародным «собранием граждан города», причем воля этого последнего оказывается решающей¹⁹².

В больших городах вроде Киша и Уммы правили *пугали* — цари, а в других власть принадлежала *энси* — своеобразным первосвященникам, соединявшим в своих руках духовные и светские полномочия. Энси иногда объявляли себя царями и даже вели войны с соседями. Сохранилось несколько изображений таких междоусобных битв. На них мы видим боевые колесницы шумеров, запряженные ослами (лошадей еще не знали), сомкнутые ряды бронированной пехоты, коршунов, летящих над полем брани, триумфы победителей. Но вообще шумеры не были воинственным народом подобно ассирийцам и римлянам. Портретные статуи знатных людей Сеннаара отличаются добродушным и приветливым выражением лица. В позах и жестах нет той суровости и надменности, которая свойственна царским портретам Ассирии и Египта.

* * *

Несколько утрируя, можно сказать, что в сравнении с Египтом шумеры выработали более «научный» взгляд на природу. Трезвые, практичные люди, прекрасные хозяева и умные наблюдатели, они не могли принять небосклон за тело гигантской коровы или богини, как египтяне. Для них Вселенная была совокупностью земли и неба. Земля представлялась круглой и плоской, а небо — куполом огромных размеров, столь же вещественным, как и земля. О высоте этого купола можно судить по одной шумерской легенде, согласно которой человек, поднявшийся к его вершине, уже не видел внизу земли. Вселенная называлась *ан-ки*, т. е. «небо-земля» — сочетание слов, которое впоследствии употребил и автор библейской Священной Истории для обозначения мироздания.

Согласно шумерским представлениям, мир управлялся непреложными законами *Ме*, которые охватывали все сферы бытия. Разумеется, идея эта не была выражена в отвлеченной форме, но она ощутимо присутствовала всюду, где шумеры высказывали свои мысли о мире. Законы *Ме* определяли принципы ремесел и искусств, поведение человека, его жизнь и смерть, управление обществом, бытие божественных существ и, наконец, таинственную «Высшую власть», стоящую над Вселенной¹⁹³. Это было развитие философии магизма с его верой в статичность мира. Правда, из некоторых текстов можно заключить, что, по мнению шумеров, некогда вместо «ан-ки», Вселенной, был только *Намму* — бесконечный Океан. Это представление было свойственно и Египту, и Греции, и Индии. Материнское лоно водной стихии как бы

воплощало в себе потенциальную мощь природы, материи и являлось, таким образом, одним из вариантов образа Богини-Матери.

* * *

Отцом богов почитался в Шумере *Ан* — властитель неба. Возможно, некогда он был Высшим божеством предков шумеров. Но в исторический период *Ан* отступил на задний план. Ему не приписывали никаких определенных функций, он был далек и непостижим, культ его не был популярен.

Зато его дети сумели завладеть всем мирозданием. Водами владел хитроумный *Энки* — покровитель культуры; создателем людей и покровителем шумеров был *Энлиль*; ему же подчинялись воздушные пространства. Богом солнца был *Уту*, луны – *Нанна*, Венеры – *Инанна*. Кроме этих важнейших богов существовали сотни других. Боги представлялись в человеческом образе, но в то же время семь важнейших отождествлялись с планетами.

Небо над Месопотамией почти круглый год чистое. Из поколения в поколение наблюдали шумеры звездные миры. Они научились отличать планеты и созвездия, разработали основы астрономии. Математическая точность небесных циклов и фаз, неизменный ход светил – все это приводило к упорению идеи о нерушимости вечных законов.

Ради своего благополучия человеку нужно было как можно тщательнее изучать эти законы. Звезды указывали не только время половодья, но и влияли на судьбы людей. Необходимо было не только выработать календарь земледельческих работ, знать семена и травы, помогающие от болезней, но и оградиться от злых духов, насылающих засушливый ветер или лихорадку. В этом отношении между Сennaаром и Египтом было полное сходство.

Многочисленные таблички, найденные в жилищах древних шумеров, содержат как медицинские рецепты, так и магические формулы против демонов. Если человек заболел, это значит, что он подвергся нападению: «злой Утутку приблизился к горлу человека, злой Галу приблизился к его груди, злой Этиму приблизился к его животу, злой Алу приблизился к его руке»¹⁹⁴. Всех их необходимо изгнать согласно рецептам. Это была наука! Пусть ошибочная, но типологически – вполне наука. Если современный человек знает об инфекции и методах ее подавления, то он лишь ближе к фактам, а по существу он действует по той же схеме, что и древний человек, знакомый с наукой в ее магической форме. Правда, рядом с заклинаниями существовали и лекарства, но для шумера не было разрыва между этими двумя планами, и целебное снадобье было для него таким же средством изгнания бесов болезни, как и ворожба.

* * *

Как понимал житель Сennaара положение и роль человека во Вселенной?

На первом месте стояли боги. Это они упорядочили мир и владеют им; они обитали некогда в блаженной стране Дильмун, где не было ни опасностей, ни болезней, ни старости. Боги вступали в браки, рожали детей, творили растения и животных для своего удовольствия. И человек был создан для того, чтобы своими жертвоприношениями служить им. Он – низшее существо, бесправный раб, участь которого определена навсегда. Правда, Энлиль, как радельный хозяин, вначале заботился о том, чтобы существование людей-рабов было безбедным. Об этом говорит древний миф:

В стародавние времена
Не было ни страха, ни ужаса,
И человек не имел врагов¹⁹⁵.

Но в конце концов боги позавидовали тому, что Энлиль пользуется единолично услугами людей и сам ревниво их оберегает. Из-за их происков положение человека изменилось к худшему: появились болезни, вражда – одним словом, все, что делает жизнь «юдолью плача». Но таково было решение богов, и это тоже стало *Ме* — «божественным законом», который изменить невозможно.

Посмертная участь человека, по шумерским представлениям, была безрадостна. Дух умершего спускался в темную область *Кура*, скрытую глубоко под землей. Хотя там и существовало нечто вроде загробного суда, но в целом обитание в преисподней было унылым и мрачным.

Таким образом, человек ощущал себя ничтожной мошкой, эфемерным существом, которое ненадолго приходит в мир и потом навсегда исчезает в темной пасти Кура. Возникало глубокое противоречие между духовным обликом народа, одаренного, трудолюбивого, творческого, и его понятием о назначении человека. И чем больше развивалось личностно-творческое начало, тем сильнее ощущалось это трагическое противоречие.

Ни шумеро-аккадцы, ни вавилоняне так и не смогли разрешить его. Однако попытки преодолеть трагизм и безысходность возникали не раз. Время от времени появлялась мысль о том, что боги – существа, по сути дела, добрые и что они хотят видеть таким и человека. Согласно одному тексту, они спускаются в мир,

Чтобы утешить сироту, чтобы не было больше вдов,
Чтобы подготовить место, где будут уничтожены
сильные...
Чтобы отдать сильных в руки слабым...¹⁹⁶

Таким образом, богоподобие, заложенное в человеке, оказывалось сильнее мифологических богов.

В одной шумерской поэме есть сюжет, близкий к библейской истории об Иове. На человека обрушились болезни и бедствия. Он уничтожен, оклеветан, обманут. Он обращается с горячей мольбой к Богу:

Бог мой, я хотел бы стать пред Тобою,
Я хотел бы сказать Тебе: слово мое – стон...
Бог мой, над землею сияет яркий день, а для меня
день черен,
Слезы, печаль, тоска, отчаяние поселились во мне...
Бог мой, мой Отец, зачавший меня!
Дай мне поднять голову...
Доколе ты будешь оставлять меня без провожатого?¹⁹⁷

В отличие от Иова герой шумерской поэмы не требует от Бога справедливости. Он просто плачет и сетует. Но в его жалобах мы видим пробуждение искреннего религиозного чувства, сердечной теплоты молитвы. Плач страдальца – это не заклинания мага, надеющегося победить враждебные силы и завладеть добрыми. Это голос души, обращенной к Богу, Богу, который милосерд.

* * *

Сознание того, что Бог есть защитник добродетели и правды, проявляется не только в личной религиозности, но начинает оказывать влияние и на жизнь общественную. Около 2350 г. в Шумере появился социальный реформатор, который сделал попытку применить божественный закон на практике. Этим реформатором был царь Лагаша *Урукагина*. То, что известно о его деятельности, показывает, что в его время «божественный закон» уже рассматривали как нечто, связанное с правдой и справедливостью.

Урукагина пришел к власти в годы, когда старая патриархальная демократия в городах Шумера находилась под угрозой.

В результате постоянных войн укреплялась деспотическая власть правителей. Военное время требовало жертв, повышения налогов, дисциплины. Но когда наступал мир, власть имущие не желали смягчать суровые военные порядки. В Лагаше *энси*, т. е. жрецы, наложили свою руку на всю хозяйственную жизнь. Крестьяне несли изнурительные повинности на землях, объявленных собственностью владыки. А таких земель становилось все больше. Не избежали самоуправства и храмовые именья. Скот, принадлежавший жреческой корпорации, был фактически присвоен энси. Налоги накладывались в большом размере на все, что возможно: их взымали и за колодцы, и за похороны, и за работу в пивоварне или конторе. Не было почти сословия, которое бы не разорялось государственными поборами. Специальные правительственные агенты неустанно надзирали за пастухами, рыболовами, земледельцами, матросами, ремесленниками и жрецами, чтобы вовремя обеспечить поставки. Военачальники и вельможи, которым покровительствовали энси, чувствовали себя безнаказанно и захватывали земли бедняков. Все чаще вместо натурального взноса стали требовать плату деньгами. Такое положение вызывало недовольство во всех слоях общества.

Мы не знаем, как совершился переворот, кто поддержал Урукагину, когда он захватывал бразды правления. Никаких династических прав он не имел и сам подчеркивал, что власть получена им из рук Нингирсу, «витязя бога Эн ли ля»¹⁹⁸. Есть указания на то, что переворот был бескровным, и старый энси вместе с женой не только остались на свободе, но жили окруженные почетом.

Имя нового энси – Урукагина – означает «истинные уста города». Быть может, в нем содержался намек на реформаторские замыслы правителя.

Вскоре после своего утверждения в Лагаше Урукагина начал проводить широкие преобразования. Одни налоги он снизил, другие – отменил, отозвал дворцовых сборщиков податей, освободил от поборов храмы и духовенство, сильно ограничил власть монарха на землю и труд людей, восстановил порядок в судах, увеличил плату крестьянам, работавшим на храмовых угодьях. По его словам, он издал законы, которыми избавлял граждан Лагаша от долговой кабалы, насилия, воровства, убийства, грабежа и разорения. «Чтобы сирота и вдова мужу, силу имеющему, не предавались – с богом Нингирсу Урукагина слово это установил»¹⁹⁹. В надписях Урукагины есть выражение, из которого можно заключить, что он первый утвердил такой порядок в Лагаше.

Установление *амаги* — свободы, или права, – было для Урукагины актом религиозным. Согласно надписи, в этом он следовал «божественному закону», который исходил от бога Нингирсу.

События в Лагаше не могли не беспокоить царя соседнего города Уммы – Лугальзаггиси уже давно стремился установить свою гегемонию в Шумере. Предвидя враждебные действия, Урукагина поспешно стал укреплять свою метрополию. Он возвел в центре Лагаша мощную крепость Бирсу и, как говорит историк, «создал себе условия подобно Гильгамешу, строи-

телю стены Урука, подобно Фемистоклу, строителю стен Афин, подобно Неемии, строителю стен Иерусалима, для ведения самостоятельной политики, не считаясь со своими соседями»²⁰⁰. Если до сих пор он носил традиционный титул «энси», т. е. жреца-правителя, то теперь Урукагина принимает титул «лугалья», т. е. царя.

На второй год правления Урукагины войска Лугаль-заггиси выступили против Лагаша. Царь Уммы решил уничтожить опасный очаг новшеств и заодно присоединить Лагаш к своей державе. Тем не менее сразу разбить Урукагину не удалось. Из одного плохо сохранившегося текста можно заключить, что воины Лугальзаггиси дважды совершали набег на Лагаш и дважды вынуждены были вернуться ни с чем²⁰¹.

Военные действия продолжались несколько лет. На седьмой год правления Урукагины более сильный противник взял верх. Его войско опустошило область Лагаша, ограбило храмы, перебило множество народу.

Неизвестный писец этого времени, оплакивая судьбу Лагаша, утверждал, что завоеватели совершили большой грех против бога Нингирсу. «Могущество, пришедшее к ним, будет у них отнято, – предрекал он. – Царь Гирсу Урукагина не грешен в этом»²⁰². Последние слова вызывают догадку, что шумерский «царь-освободитель» не погиб во время разгрома, а сумел удержаться в своей цитадели Гирсу. О дальнейшей судьбе его ничего не известно.

* * *

Не успел еще Лугальзаггиси закрепить плоды своей победы, как оказался сам перед лицом грозного противника. Прошло очень немного времени с того дня, когда Лагаш был подвергнут разгрому, и предсказание шумерского писца свершилось. Лугальзаггиси был наголову разбит и казнен *Саргоном* — царем Аккада, области, где преобладало семитское население.

Семитский царь (Саргон Аккадский?). III тысячелетие до н. э.

Аккадцы, соотечественники Саргона, уже давно усвоили основы шумерской культуры, пользовались их клинописью, строили храмы по их образцам, ввели в свой пантеон шумерских богов. Семиты дольше других народов сохраняли древнее единобожие. Аккадцы имено-

вали Бога – Господин, *Бэл*. Но постепенно к ним проникли шумерские культы, только имена богов были семитизированы. Ана стали называть Ану, Энки – Эа, Энлила – Элилем, Инанну – Иштар, Утута – Шамашом, Нанну – Сином и т. д.

Личность Саргона произвела большое впечатление на современников. Подобно древним царям Гильгамешу и Этане он стал героем народных легенд.

Саргон был энергичным властителем и неутомимым воином. Выходец из простой горской семьи, узурпатор, пробившийся к трону силой, он сумел сломить сопротивление шумеров и объединил в одном государстве все население южной Месопотамии. Саргон впервые заменил ополчение регулярным войском, с которым он дошел до Малой Азии и сирийского побережья. Он величал себя «царем четырех стран света»²⁰³.

Аккадский властитель выступал как ревностный почитатель богов, однако был совершенно независим от жреческих кругов. Он умел, когда хотел, быть покровителем искусства и торговли, отстраивал старые города, но если сталкивался с неповиновением – был беспощаден. В отличие от египетских фараонов, которые вели свое происхождение прямо от богов, Саргон не скрывал того, что был незаконнорожденным подкидышем и принадлежал к дикому горскому племени, всего он достиг своими собственными силами под покровительством богов.

Угодливые царедворцы воздавали самозванцу неслыханные почести. Некоторые из них называли своих детей Саргонили, что значит «Саргон – мой бог». Встать на египетский путь Саргону было нетрудно. Но это сделали его потомки. Существует мнение, что благодаря расширившимся связям с иноземцами монархи саргоновской династии усвоили египетское царепоклонство. Доказать это невозможно. Известно только, что при внуке Саргона *Нарамсине* (ок. 2250 г.) земля Сеннаарская впервые получила «божественного царя». Перед именем Нарамсина во всех надписях ставится знак божества. Монарх теперь не только «царь Аккада» и «царь четырех стран света», но он и «могучий бог». На барельефах Нарамсин является уже, подобно фараону, великаном с головой, увенчанной рогами – символом божества²⁰⁴.

Неизвестно, как было встречено это обожествление деспота. Вероятно, простому народу оно могло импонировать, так как зримый бог – это нечто куда более понятное, чем бог, обитающий в высях неба. Но предания свидетельствуют о том, что духовенство священного города Ниппура резко противилось обожествлению Нарамсина. Столкновение царя со жрецами привело к жестокой расправе и разрушению храма Энлила в Ниппуре.

Вскоре после смерти Нарамсина (ок. 2150 г.) страна была завоевана варварами, спустившимися с гор. Население Сеннаара к тому времени было очень смешанным. Шумерский язык сохранился лишь в богослужении, а в быту люди говорили на аккадском наречии. Шумеры – народ, заложивший основы мировой цивилизации, – уходили с исторической сцены. Уходили незаметно, бескровно, растворяясь в многоплеменном населении Месопотамии. Около 2050 г. их древний город Ур в последний раз переживает расцвет и даже приобретает господствующее положение. Но будущее окончательно переходит к новым семитским племенам. Маленькое селение Вавилон ждет уже своего часа.

Аккадский период и «шумерский ренессанс» – эпоха гегемонии Ура – были значительной вехой в истории человеческого духа. Выдвижение узурпаторов, варварские нашествия, далекие военные и торговые экспедиции – все это способствовало пробуждению личности, обостряло самосознание, разрушало «коллективные представления». Человек чувствовал себя уже не просто членом рода, общины, храмового города, а активной индивидуальностью. Искусство получает новые стимулы. Мастеров уже интересует не просто тип, обобщенный образ человека, а конкретная личность, индивидуальный портрет. В это время созданы такие шедевры, как царский портрет из Аккада (вероятно, Саргона) и портреты вельмож из города Мари.

Обострение самосознания усугубляло ощущение трагичности судьбы человека. Произведения литературы этого времени, которые вводят нас в духовный мир шумеро-аккадцев, отмечены печатью безнадежности, в них господствует чувство тщеты людских усилий.

У египтян была надежда на бессмертие. В Сеннааре ее не было. Правда, существовали какие-то смутные представления о том, что участь людей за гробом зависит от их земных дел, но эти представления были слишком неопределенными, чтобы влиять на жизнь. На пути человека стояли непреложные законы Вселенной, и ему оставалось только склониться перед ними.

Поэма об Адапе рассказывает о герое-полубоге, который был благодетелем людей. В борьбе со стихиями Адапа всегда выходил победителем и однажды даже переломал крылья южному ветру за то, что тот опрокинул его лодку. Разгневанный поступком Адапы, небесный бог Ану вызвал его на суд. Отец героя, мудрый бог Эа, советует Адапе заручиться поддержкой богов-привратников и явиться на суд в черной траурной одежде в знак своего раскаяния. Адапа должен быть осторожен и не прикасаться к пище и питью, которые предложит ему Отец богов, ибо это отравы – «пища смерти и питье смерти».

Адапа в точности выполнил наставления отца. Но Эа при всем своем хитроумии оказался недалеким. Отец богов не только простил Адапу, явившегося с повинной, но и решил даровать ему бессмертие. Он предложил герою «пищу жизни и воду жизни», однако Адапа, памятуя наставление Эа, отказался от них. Тогда Отец богов сказал: «Возьмите его и спустите на землю!» Так из-за нелепой случайности, по недоразумению лишился Адапа бессмертия²⁰⁵.

В другой легенде, сложенной в городе Кише, повествуется о великом царе Этане, который захотел добыть магическую траву омоложения. Травы эта росла в самой высокой точке Вселенной. С помощью Шамаша – бога Солнца – Этана нашел гигантского орла, который согласился поднять царя в высочайшие области мира.

Поэма дает картину стремительного полета и ощущение все увеличивающейся высоты. Вот земля уже кажется холмом, а океан – рекой, вот она уже стала величиной с лунный диск, а море – с корзину, и, наконец, после многих часов полета земля почти исчезла из виду и океан стал неразличим... Ужас объял Этана, и он взмолился, чтобы орел вернул его на землю. Но в этот миг силы оставляют огромную птицу... Конец поэмы не сохранился. Очевидно, Этана постигла судьба Икара²⁰⁶.

Только в греческой драме, у Софокла и Эврипида, мы видим подобный апофеоз рока, так ясно проведенную мысль о бесплодности борьбы человека с Неведомым.

* * *

Поэмы об Адапе и Этане – это еще прелюдия. Высшей точки мысль о невозможности побороть мировые законы достигла в сказаниях о царе Гильгамеше. В Аккадскую эпоху неведомый поэт положил легенды о нем в основу большого эпического произведения «Об увидевшем все».

Герой поэмы – легендарный царь Урука Гильгамеш – могучий и отважный витязь. Он не знает соперников, он презирает богов и людей. Он – сверхчеловек, «на две трети бог».

Гильгамеш намеренно одарен автором небывалым могуществом, чтобы тем острее можно было почувствовать его бессилие перед общечеловеческой участью.

Гордый и дерзкий мятежник, тиран и угнетатель, царь Урука стал в тягость небу и земле. Жители города стонут под его деспотическим правлением. (Это тоже характерная черта эпоса: мотивы протеста против тирании не исчезают в литературе Двуречья со времени Урукагины.)

В один прекрасный день молитвы людей и жалобы богов услышаны. Верховный бог Ану посылает на землю соперника Гильгамешу, чтобы сломить его гордость. Это

Энкиду – дикий, обросший шерстью великан, который живет со зверями в пустыне и вместе с газелями ходит на водопой: он охраняет животных от охотников, разрушает ловушки, а шумных многолюдных городов чуждается. В его лице как бы сама природа должна показать свое превосходство Гильгамешу.

Но бесстрашного царя не пугает первобытный исполин. Он подсылает к Энкиду блудницу, которая пленяет дикаря и приводит его в город. Здесь два титана сталкиваются лицом к лицу. Они бросаются друг на друга, но скоро понимают, что их силы равны. Гильгамеш и Энкиду заключают союз дружбы.

Эта встреча и дружба сделали Гильгамеша другим человеком. Вместо жестокого тирана мы видим теперь человека, одушевленного мыслью облегчить жизнь людям. Он хочет «все, что есть злого, изгнать из мира»²⁰⁷.

Узнав, что доступ в кедровые леса невозможен из-за живущего там чудовища Хумбабы, Гильгамеш предлагает другу уничтожить его, чтобы жители родного города могли беспрепятственно добывать редкую древесину.

Но Энкиду пугает это предприятие. С некоторых пор его мучит необъяснимая тревога. Ему снятся зловещие сны и гнетет предчувствие близкой гибели. Ничего доброго не предвещают и гадания. Вместе со старейшинами Урука Энкиду отговаривает Гильгамеша от похода, рассказывает ему о чудовищной силе Хумбабы, о его громоподобном реве и пламенном дыхании. Но Гильгамеш не желает думать о смерти. Ведь человек все равно обречен, так не лучше ли позаботиться о том, чтобы после тебя осталась добрая память?

Кто, мой друг, вознесся на небо?
Только боги с Солнцем пребудут вечно,
А человек – сочтены его годы.
Что б он ни делал, – все ветер!..
Если паду я – оставлю имя:
«Гильгамеш принял бой со свирепым Хумбабой!»²⁰⁸

Кажется, герой совсем не смущен тем, что всех людей ждет гибель, а напротив, в этом находит себе ободрение для подвига. Его утешает, что он может «оставить имя», но, очевидно, смерть рисуется ему как что-то далекое и его не касающееся.

Гильгамеш. Ассирийский рельеф

Друзья отправляются в путь и достигают границ таинственного кедрового леса, где бродит Хумбаба по проложенным им тропинкам. Бог солнца Шамаш – их союзник; он помогает им сразить грозного противника. И в дальнейшем успех сопутствует богатырям. Они бросают вызов богам и уничтожают исполинского быка, посланного на них небожителями.

Гильгамеш оскорбил богиню Иштар, и это не прошло ему даром. Она отомстила ему. В самый разгар торжества и побед над богатырями разражается несчастье. Сбылись тревожные предчувствия Энкиду: тяжелый недуг сокрушает непобедимого. И через двенадцать дней он уже лежит перед своим товарищем неподвижный, бездыханный, сраженный неумолимой смертью...

Гильгамеш почти обезумел от горя. Куда девались его былая заносчивость и презрительное отношение к думам о смерти? Он рыдает, рвет свои роскошные кудри, в отчаянии срывает с себя одежды. Он неотступно сидит у тела, пока на нем не проступают черты тления. Тогда наконец он убеждается, что все кончено.

Долго и безутешно оплакивает Гильгамеш друга. Он велит сделать золотую статую умершего и предает его земле с царской пышностью. Но все это не приносит ему успокоения. Внезапно ему на ум с ужасающей ясностью приходит мысль о том, что и его ожидает такая же участь, как Энкиду. Тоска и страх смерти охватывают все его существо, и он убегает один блуждать по пустыне.

Наконец он чувствует, что не в силах больше томиться, и решается на свой последний и самый великий подвиг: найти секрет бессмертия. Ему известно, что далеко на востоке живет его праотец Утнапишти – единственный человек, который получил вечную жизнь. К нему-то и решает отправиться царь Урука.

Путь в страну Утнапишти труден и опасен: смельчака ожидают разнообразные препятствия, свирепые хищники и чудовища стерегут заповедные дороги. Но ничто не может остановить человека, за которым по пятам гонится призрак смерти. Он пробирается через пустынные и мрачные области, истерзанный и изнемогающий выходит к берегу океана. Там его встречает морская нимфа Сидури, которая пытается отговорить Гильгамеша от бесплодных поисков:

Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги, когда создавали человека,
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали.

Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятиями радуй подругу —
Только в этом дело человека!²⁰⁹

Эти слова удивительно напоминают египетскую «Песнь арфиста», в них – символ веры бездумного гедонизма, который привлекал многих людей в прошлом и настоящем. Но для Гильгамеша увещанья Сидури – пустой звук. Он даже не удостоивает ее ответом и лишь настойчиво требует указать путь к Утнапишти.

И вот герой переправляется через океан, по которому не проходил никто из смертных. После двухнедельного странствия он встречается наконец со старцем и открывает ему свое сердце: мысль об умершем друге не дает ему покоя:

Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков?

Он рассказывает о всех преградах, которые преодолел, лишь бы добраться до человека, стяжавшего бессмертие.

Утнапишти уверяет Гильгамеша, что его жажда вечной жизни досталась ему от богов, сродником которых он является. Но так как он – не бог, то ему нужно примириться с неизбежным. Он утешает Гильгамеша почти теми же словами, какими сам герой ободрял когда-то своего друга. Он говорит о всеобщности разрушения и распада:

Разве навеки мы строим дома?
Разве навеки ставим печати?
Разве навеки делятся братья?
Разве навеки ненависть в людях?
Разве навеки река несет полные воды?
Стрекозой навсегда ль обернется личинка?..
Пленный и мертвый друг с другом схожи —
Не смерти ли образ они являют?..²¹⁰

Этот мрачный панегирик смерти еще больше погружает Гильгамеша в уныние. Он спрашивает Утнапишти, каким путем он, единственный из людей, достиг бессмертия. Старец рассказывает ему о том, как он спасся во время великого потопа и как боги даровали ему вечную жизнь. Таким образом, его судьба – случайное исключение.

В конце беседы Утнапишти предлагает Гильгамешу подвергнуться испытанию. Он должен победить сон в течение шести дней и семи ночей, и тогда, быть может, он сможет победить в себе силу смерти. Но Гильгамешу это испытание не под силу: сраженный сном, он засыпает как мертвый.

Разбитый и разочарованный, собирается богатырь в обратный путь. Но Утнапишти сожалел над ним и поведал о подводном растении, которое хотя и не дает бессмертия, но делает человека всегда молодым. Не медля ни минуты,

Гильгамеш бросился в водоем и через него попал в океан, на дне которого росла трава юности.

Торжеству его не было конца, когда он поднялся с растением в руках. Он мечтал о том, что даст вкусить от травы юности всему своему народу. Но увы, и здесь он потерпел поражение: коварная змея, учуяв запах травы, проглотила ее, когда Гильгамеш беззаботно купался...

Так кончились попытки человека обрести бессмертие. Приближаясь к стенам родного Урука, Гильгамеш пытается утешить себя тем, что его трудами воздвигнуты могучие городские стены из обожженного кирпича, что его дела будут говорить о нем потомству.

* * *

Но уже переписчики поэмы хорошо понимали, что это жалкое утешение. Они могли легко убедиться в том, что крепкие стены ненадолго переживают своих строителей. Поэтому один из писцов добавил к эпосу часть другой древней песни о Гильгамеше. В этой песне рассказывается о том, что Энкиду пал жертвой неосторожности. Посланный в преисподнюю по поручению Гильгамеша, он не выполнил его наставлений и остался в царстве мертвых навсегда. Богатырь вымаливает у бога Эа позволения увидеть хотя бы тень Энкиду, чтобы узнать правду о тайне смерти, познать сокровенный Закон Земли.

Появившийся из бездны, «как ветер», дух Энкиду долго не хочет открывать Гильгамешу суровый закон Земли²¹¹.

– Скажи мне, друг мой, скажи мне, друг мой,
Закон Земли, что ты видел, скажи мне!

– Не скажу я, друг мой, не скажу я, друг мой,
Если бы Закон Земли, что я видел, сказал я —
Сидеть бы тебе и плакать!

– Пусть я буду сидеть и плакать, – отвечает Гильгамеш. Он во что бы то ни стало хочет проникнуть в тайну.

И тень начинает печальную повесть о жизни призраков в царстве преисподней.

Тело мое, которого ты касался,
веселил свое сердце,
Червь его пожирает, полно оно праха.

Безотраднo существование умерших. Особенно тяжело тем, кто не был оплакан, кто не погребен согласно обычаю. Жертвы живых – это пища мертвых. Поэтому нужно совершать все обряды, чтобы хоть как-нибудь облегчить загробную участь близких.

Мысль о тщете всех человеческих дел никогда не оставляла философов и поэтов Сенаары. Она нашла яркое воплощение в «Беседе господина и раба», написанной примерно столетие спустя после поэмы о Гильгамеше²¹².

В этом диалоге царит дух релятивизма, доходящего до желчной циничности. Нет ничего прочного и ценного. Все двойственно и обманчиво. Господин мечтает о царских милостях, о женской ласке, о пирах, об охоте; его настроения переменчивы: то он хочет поднять восстание, то желает гордым молчанием ответить на обвинения врага, то подумывает о необходимости жертв и служения на благо людей. Раб послушно поддакивает и расписывает все радости, которые ждут его. Но стоит господину хоть немного поколебаться, как он говорит противоположное тому, что говорил минуту назад. Оказывается, все мечты господина ничего не стоят: царское благоволение непостоянно, женская любовь – ловушка, безумие – надеяться на успех восстания, и глупо рассчитывать на благодарность людей. Нет особого смысла и в благочестии: ведь человек не в состоянии заставить бога служить себе «подобно собаке». И добро, и зло – мимолетны. «Поднимись на холмы разрушенных городов, – говорит раб, – пройди по развалинам древности и посмотри на черепа людей, живших раньше и после: кто из них был владыкой зла и кто из них был владыкой добра?»

– Что же теперь хорошо? – печально спрашивает господин.

– Сломать мою шею и твою и кинуть в реку —
это хорошо, – отвечает раб.

Таков был итог великой древней культуры, которая, несмотря на все свои технические завоевания, не могла примириться ни с жизнью, ни со смертью и пришла к глубокому неисцелимому пессимизму.

И тем более ярко на этом сумрачном фоне выделяются первые просветы в мир Божественного Откровения. Еще в шумерской повести о страдальце мы видели пробуждающуюся жажду Бога, живую молитву, не похожую на магию заклятий.

Эти молитвы все чаще и чаще появляются в аккадский период. Как бы ни именовался Бог, к которому простирал руки человек: Энлиль, Шамаш или Син, – это был Бог истинный.

«Милосердный, милостивый Отец, в руках которого жизнь всей земли, – начертано на одной табличке из Ура, – Владыка, Божество Твое как далекое небо, как широкое море... Твое слово вызывает к бытию правду и справедливость, а люди начинают говорить истину».

В другом гимне, обращенном к Солнцу, мы читаем: «Несчастный громогласно взывает к Тебе, слабый, угнетенный, нищий молятся Тебе... идущий по степным дорогам, равно как и блуждающий мертвец, и скитающийся дух покойника... Все они молятся Тебе, и Ты не отвергаешь молящихся»²¹³.

Через эту личную религиозность находил человек выход из царства демонов и законов, колдунов и царей, разрушения и смерти, бессмыслицы и отчаяния. Но в целом Месопотамия, подобно Египту, оказалась не в состоянии преодолеть бремя старого язычества. Проблески единобожия так и остались здесь только проблесками.

Часть III

Восток и запад во II тысячелетии до Р. Х

Глава восьмая

Пастушеские народы. Арьи в Индии. Ок. 2000–1700 гг. до н. э

Язычник, с осязаемым жаром молящийся своему идолу, воистину молится Богу.
С. Кьеркегор

На заре II тысячелетия до н. э. весь цивилизованный мир пришел в смятение. Орды пастушеских народов появились на границах государств старой культуры. Казалось, какие-то загадочные силы вдохнули в миллионы людей непреодолимую страсть к передвижениям и завоеваниям. Народы и племена, в течение веков не покидавшие насиженных мест, поднялись и огромными лавинами, тесня друг друга, потянулись через степи и пустыни, реки и горные хребты. Почти всюду происходило нечто подобное великому переселению народов Европы или наступлению арабов, подвигнутых проповедью Магомета.

Из Аравийских пустынь хлынули кочевники-амориты, наводнившие Двуречье; в Малой Азии появляются хетты; ахейцы вторгаются с севера на Балканский полуостров; у порога Индии показываются скотоводческие племена арьев.

Амориты уже не первый раз приходили на берега Евфрата. Они уже много веков пасли стада в области Аккада; аморитом был, вероятно, Саргон, создатель первой семитской державы. Теперь, когда земля Сеннаарская вновь распалась на враждебные царства, новая волна аморитов переходит ее рубежи.

Воинственные и энергичные пришельцы как бы влили новые силы в угасавшую цивилизацию. Они не только возродили старые культурные центры Мари и Ур, но и основали новый мировой центр – *Вавилон*, по имени которого стали называться отныне и страна, и население Сеннаара. Завоеватели усвоили письменность, религию, искусство местного населения. Их архитекторы возводили дворцы, храмы и зиккураты. Самый грандиозный из них, сооруженный в Вавилоне, назывался Этеменанки, т. е. «основание неба и земли». Одним из великих аморитских правителей был *Хаммурапи* (ок. 1728–1686 гг.), который пошел по стопам Саргона и создал Вавилонскую империю; она обнимала Шумер, Аккад и Ассирию. Его войска стали угрозой горцам и жителям побережья, его купцы прокладывали новые караванные пути. При Хаммурапи был издан свод законов, который наряду с шумерским кодексом Урнамму является древнейшим из известных правовых документов²¹⁴.

В религиозной сфере произошли лишь внешние перемены. Место Энлиля – старого покровителя шумеров – занял *Мардук* — бог Вавилона, объявленный царем богов. Но в сущности вавилонская религия, как мы увидим ниже, осталась вполне тождественной религии Шумера.

Не все амориты осели и влились в цивилизованные общества. Некоторые из семитских кланов продолжали вести полуоседлый образ жизни в сирийской степи, другие, оказавшись в Палестине, угрожали Египту. Близился день, когда нога завоевателя вступит на землю фараонов.

* * *

Эта эпидемия нашествий не могла пройти бесследно для человечества. Она глубоко потрясла старые цивилизации и старый строй мышления. Дотоле замкнутые в узком мире привычных представлений, часто существовавшие в изоляции, народы внезапно оказались поставленными друг перед другом; столкнулись разные культуры, разные душевные склады, разные обычаи, традиции, верования. Чем больше различались встретившиеся народы, тем сильнее было потрясение от этого столкновения. Если амориты нашли в Двуречье уже множество соплеменников-семитов и легко приняли местную религию, смешавшись с коренными жителями, то совершенно иную картину мы находим в Индии. Здесь завоеватели – *арьи* — были настолько чужды туземным индийцам, что первоначально не только не смешивались с ними, но и надолго сохранили за ними название *дасью* — враги.

Письменность древних индийцев до сих пор еще не расшифрована, но раскопки свидетельствуют о том, что цивилизация, возникшая на севере Индостана, по своим внешним достижениям не уступала цивилизациям Шумера и Египта того времени. По найденным изображениям мы можем догадаться, что обитатели Хараппы и Мохенджо-Даро в своей жизни и поступках руководствовались примерно теми же понятиями и верованиями, которые были свойственны прочим людям Древнего Востока. Зверообразные боги, фигурки Богини-Матери – все эти предметы, извлеченные археологами из земли, красноречиво свидетельствуют о характере мирозерцания доарийской Индии. Очевидно, власть магии и языческих обрядов признавалась здесь не меньше, чем в Фивах или Уруке. В древнеиндийских городах были созданы специальные бассейны для ритуальных омовений²¹⁵.

Совершенно в иной мир попадаем мы, когда обращаемся к пришельцам-арьям. Они не жили в больших городах, не строили дворцов и храмов, не носили изысканных одежд. У них не было ни идолов, ни жрецов. Дым костров и лай собак, походные хижинки и мычание стад – таков был обычный фон их простого, почти первобытного уклада жизни.

Слово *арья* означает «благородный», хотя возможно, что в глубокой древности оно имело иной смысл. Так, некоторые производят его от слова *ар* — пахать. Быть может, на своей первоначальной родине арьи действительно были земледельцами, но, во всяком случае к 2000 г., перед вторжением в Индостан, они уже не одно столетие вели привольную жизнь скотоводов²¹⁶.

Часть их осела в Иране, и именно от них эта страна получила свое имя, а другие продолжали проводить свои дни под открытым небом, следуя верхом на лошадях за стадами длиннорогих коров. Корова была для них всем; на их языке война звучала как «добыча коров», господин – как «владелец коров». Арьи окружали этих медлительных, спокойных животных с короткими, умными глазами трогательной любовью, граничившей с благоговением.

Арьи были разноплеменным народом и по внешнему облику меньше всего походили на мифических «арийцев», которых измыслили в XIX и XX веках. Среди них было много пришельцев с севера, светловолосых людей высокого роста. Однако преобладал у них облик, близкий к семитскому. Их родичи, заселявшие Грецию, Италию, Персию, Индию, отличались ярко выраженными чертами той расы, которую принято называть индо-средиземноморской.

Темные волнистые волосы, густые бороды, крупные черты лица с выдающимися носами – все это были признаки, свойственные как эллинам и индийцам, так и евреям и ассирийцам²¹⁷.

Впрочем, по характеру арьи несколько отличались от своих семитских собратьев, на духовном облике которых всегда лежала печать суровой пустыни – их родины. Среди безводных равнин семит чувствовал себя наедине с неведомым Божеством, ощущал себя как жизнь, противопоставленную смерти; человек был в пустыне разумом, стоящим выше мертвой природы.

Совсем иное мироощущение выработалось у арьев среди цветущих долин их благодатной земли. Так, у них необычайно обострилась чуткость к красоте природы. Бог был у арьев не *над* миром, как у семитов, а *среди* мира, внутри его, как всепроникающая и животворящая сила. Они имели тягу к мечтательности, сладостным грезам, созерцанию и научились погружаться в фантастические миры, созданные воображением. Склонные к опьяняющим экстазам, живо ощущая свое мистическое сопричастие с мирозданием, потомки арьев выработали одну из самых интересных философий, какие только знал Древний мир.

В свое время знаменитый филолог и историк Макс Мюллер даже утверждал, что европейская культура, воздвигнутая на трояком фундаменте: римском, греческом и еврейском, – может немало обогатиться и усовершенствоваться, почерпнув из дотоле ей неизвестного индийского родника.

Развитие мирозерцания арьев проходило по сложному и запутанному пути, и в лоне их культуры на протяжении веков шла непрерывная борьба языческого магизма с единобожием. Подобно многим первобытным народам, предки арьев первоначально сохраняли древнюю веру в единого Творца Вселенной. Они называли его *Дьяушпитар* — Светозарный Отец²¹⁸.

В ведическую эпоху религия Небесного Отца уже была побеждена политеизмом, и от нее дошли лишь отзвуки. Вероятно, расцвет ее относится к тем доисторическим временам, когда предки арьев и родственных им племен представляли собой нечто единое. Зевс – *патер* греков, Юпитер – римлян, Тиу – германцев – все они, вероятно, не что иное, как трансформированные образы древнейшего общеарийского Бога Неба. Это была чистая, непосредственная вера, еще не засоренная плевелами обрядоведения. Молитвы Дьяушпитару возносились поистине с библейской простотой прямо под открытым небом; жертва ему была лишь естественным выражением благоговения; образ его был долгое время лишен каких-либо антропоморфных черт, и лишь в эпоху, когда арьи покинули свою первоначальную родину, по древнеарийской религии был нанесен первый удар.

* * *

Около 2000 г., во время всеобщего передвижения народов, арьи спустились с Иранского плоскогорья и двинулись на юг в поисках новых земель для своих стад. Они знали, что за темными хребтами и ослепительными пиками Гималаев находится чудесная страна, похожая на волшебный сад. Для того чтобы достигнуть ее границ, нужно было преодолеть трудный путь через ущелья и горные перевалы. Продвигаясь к заветной цели со своими стадами, повозками и лошадьми, арьи оказались в сердце высочайших в мире гималайских твердынь, в царстве вечных снегов, обвалов и туч.

Гималаи

Есть художник, который в XX веке сумел взглянуть на эти горы глазами древнего духовидца, способного угадывать в природе скрытую мистическую жизнь. Глядя на полотна Рериха, мы в какой-то степени можем представить себе, какое впечатление произвел горный мир на арьев, пересекавших его во время своего переселения в Индию. Эти неподвижные облака в лазури, похожие на заснеженные вершины, эти воздушные пики, похожие на облака, эта прозрачная атмосфера, которая чудесно раздвигает горизонт, и, наконец, чувство оторванности от всего земного создают в горах ощущение, что находишься где-то у границы в другие, неведомые смертным миры.

Много молитв слышали и поныне слышат Гималаи – удивительные горы, издревле населенные пустынножителями и искателями Бога, и одной из них была молитва арьев, прозвучавшая четыре тысячи лет тому назад, перед их вступлением в новую землю.

Нам почти ничего не известно о том, как совершилось это вступление. Правда, раскопки свидетельствуют, что древнеиндийские города слышали военные клики и стоны умирающих, но мы не знаем, связано ли это с нашествием арьев. Одно лишь можно утверждать с достоверностью: арьи укрепились в Кашмире, потом продвинулись на юг, в Пенджаб, и наконец, после многолетней жестокой борьбы, стали полновластными хозяевами Северной Индии, поработив коренных жителей, частично же истребив их или оттеснив на юг.

Но если мы не имеем никаких памятников, если от древних арьев до нас не дошло ни одного изображения или надписи, то можем ли мы говорить что-либо об их культуре, мирозерцании, об эволюции их идей, об их духовной жизни вообще?

К счастью, несмотря на молчание археологии, мы не потеряли следов культуры арьев. О ней свидетельствует древний сборник гимнов, называемый *Rig-Veda*.

Арьи были народом музыкальным и любили пение. В каждом роде или племени певцы и сказители пользовались большой любовью и популярностью. Эти народные поэты – *риши* — слагали религиозные гимны, былины, поучения. Правда, ничего достоверного мы не знаем об этих мудрецах древности. Представления о них более поздних поколений были спутанными и неправдоподобными, часто их смешивали с богами, мифическими героями и духами. Быть

может, имена некоторых риши, дошедшие до нас в Риг-Веде, действительно носили когда-то исторические лица, но это, пожалуй, самое большое, что можно о них сказать.

Риши не были простыми поэтами. Они сознавали себя пророками и ясновидцами, сердцам которых открывается высшее знание (*веда* — ведение, знание). По словам Радхакришнана, риши «видит духовным оком или интуитивным зрением. У риши глаза не подернуты туманом страстей, и он может видеть истину, скрытую от чувств. Он только передает истину, которую видел, а не создал... Душа поэта слышит истину, она открывается ему в том вдохновенном состоянии, когда дух возвышается над ограниченным и поверхностным логическим познанием». Впрочем, можно сомневаться, что все создатели гимнов владели этим великим даром прозрения. Очевидно, в их среде было немало посредственностей и подражателей. Однако некоторые из них действительно поднимались до таких высот, до которых доходили лишь величайшие религиозные гении человечества.

Через несколько веков после завоевания арьями Индостана гимны были записаны и собраны в книгу «Самхиту». К тому времени многие знали их наизусть, и они уже получили авторитет священного писания.

Гимны Риг-Веды разнородны и даже противоречивы. Неожиданные духовные взлеты, чарующей красоты образы, пламенные порывы к Богу и правде чередуются здесь с варварским антропоморфизмом, примитивным чародейством, грубой чувственностью и ярко выраженным многобожием. Но совершенно непостижимым на первый взгляд кажется причудливое переплетение единобожия и язычества в одних и тех же гимнах. В Риг-Веде упоминается более трех тысяч богов, и многим из них приписываются свойства Верховного Начала. Каждый из богов поочередно как бы становится Богом.

Это странное смешение двух религиозных восприятий объясняется тем, что ведические гимны были записаны в эпоху разложения и упадка единобожия. Их можно сравнить с прекрасным храмом, превращенным рукой осквернителя в жилой дом. То тут, то там мы наталкиваемся на следы былого великолепия, на изящные капители, на остатки лепки, на уцелевшие колонны. Все это лишь части храма, самого его уже нет. Точно также в Риг-Веде мы обнаруживаем остатки первоначальной веры в единого Бога, элементы которой вплетены в здание политеизма.

Торжеству язычества в арийской религии, очевидно, немало способствовало переселение в Индостан.

* * *

Когда арьи, миновав пустынные области Гималаев, вступили на индийскую землю, она сразу же должна была поразить их своими необыкновенными ландшафтами, своей буйной растительностью, пестротой красок, непривычными звуками и ароматами. После безмолвия гор эта тропическая страна могла показаться причудливым вымыслом. Индия и в самом деле отмечена какой-то особенной печатью. Ее деревья с воздушными корнями и бамбуковые джунгли могут сравниться только с лесными чащами Африки и Амазонки. Здесь обитают самые ядовитые змеи, самые красивые птицы, самые величественные из сухопутных животных — слоны. Индия и прилежащие к ней области — редчайший уголок земного шара, где сохранились белые носороги, тигры, человекообразные обезьяны. Отгороженная Гималаями от всего мира, она готовила несравненные сюрпризы всем осмелившимся пересечь ее горную границу.

Как мы говорили, арийские пришельцы были очень чутки к красотам природы, и открытие новой страны должно было оказать огромное влияние на их мирозерцание. Поэтому понятно, почему в ведических гимнах звучат неподдельное восхищение и восторг перед многоликим мирозданием, и, читая эти гимны, мы можем легко представить себе всю гамму переживаний, которые охватили душу пришельцев при вступлении в Кашмир и Пенджаб.

Однако природа на определенном этапе духовной истории человечества являлась не только источником богопознания, но и источником великих соблазнов. С ослаблением чувства Бога она все более и более персонифицировалась, приобретала черты *Богини*, Божественной Матери всего сущего. Именно она, эта Богиня-Мать, была, как мы видели, первым сюжетом для зарождавшегося изобразительного искусства. Ее изваяния обнаружены и в древнейших центрах доарийской цивилизации Индии²¹⁹.

Арьи, так же как и другие народы, стали видеть рядом с Божеством обоженную природу, вечную женственность, пассивную мировую прародительницу, мать, кормящую землю. Они называли ее *Адити*, т. е. свободная, или безначальная, вечная. Она стала мыслиться как всеобщий корень бытия, как некая Праматерь и, наконец, постепенно заслонила образ Дьяушпитара. «Адити, – говорится в Риг-Веде, – это небо, Адити – это промежуточная область, Адити – это отец, и мать, и сын, Адити – все боги и пять племен, Адити – это все, что когда-либо будет рождено»²²⁰.

Итак, Божественная Мать рождает мир, рождает человечество, рождает богов. Культ ее есть путь от единобожия к многобожию. Вместо незримого Светозарного Отца в Риг-Веде фигурируют уже «сыны вечности», дети Адити, боги (*адитья*) и духи (*дэвы*).

Но монотеистический инстинкт еще не утрачен арьями. В колоссальной, многоликой, текучей массе духовных существ, которые то сливаются воедино, то дробятся на тысячи прекрасных и уродливых ликов, они продолжают некоторое время смутно чтить единое Высшее Начало. «Единое называется мудрецами по-разному»²²¹.

Обоготворив душу твари, Адити, арьи обоготворяют теперь ее детей, проявляющих себя во всем многообразии стихийной жизни мира: в белоснежных облаках, в ослепительном солнце, в тихом плеске священных вод, в таинственном сумраке джунглей. Но превыше всего чтили они небо.

Небо! Что может выразительней поведать нам о бесконечности, о величии, о вечном покое? Что может служить лучшим символом Бога, чем бездонный океан небосвода? Он – всеобъемлющий, он – манящий, он раскинулся и царит безмятежно. Его красота не похожа на красоту земли. В нем пустота, но в ней заключено все. Небо чисто, в нем нельзя укрыться. Его голубая бездна безгранична, безмерна, она вызывает невольный трепет благоговения. Ночное небо завораживает своей таинственностью, своей чреватостью великими ужасами и невыносимыми исполинскими видениями. Масштабы неба – сверхчеловеческие, божественные масштабы. Именно там, за этим блистающим небосводом, по которому проносятся, подобно живым существам, облака, с которого светит солнце, на котором мерцают мириады звезд, именно за этой грандиозной космической завесой кажется сокрытым самое великое, самое святое, сокрыта тайна мира. И арий возносит мольбу этому Богу. Он забывает, что Небо, Варуна – лишь «адитья», сын молчаливой бесконечности, он обращается к небесному Варуне с такими словами, которые его предки возносили Светозарному Отцу, Дьяушпитару²²².

Могущественный Владыка Всевышний
Зрит издалика на наши деяния,
Словно они совершаются близко.

Неудержима творческая мощь Варуны. Он простирает над миром беспредельный покров небес. Он прокладывает путь солнцу, направляет течение рек.

Он послал прохладные ветры через леса,
Вложил резвость в коня, молоко в коров,
Мудрость в сердца...

В небесное царство Варуны устремляется «нерожденная часть» человека, его душа. Там она будет предаваться вечному ликованию, прославляя своего Владыку в сладостном блаженстве. В ранних гимнах проблема смерти не носит трагического характера. Люди еще не утратили живого чувства бессмертия, не шевелилось сомнение в их сердцах. Они уверены, знают, что после погребения тела (у арьев еще не появился обычай сжигать трупы) все угодные Варуне блюстители его закона перейдут в горние сверкающие миры²²³.

В гимнах Варуна выступает уже не как «адитья», а как сам вечный Творец и Вседержитель. Он управляет космосом согласно непреложному всеобщему закону, который ведийские риши называют *Рита*. Этот закон, в чем-то аналогичный шумерскому *Ме*, – основа естественного порядка вещей. Согласно ему совершается все в мироздании. «Законом земля стоит твердо, небеса и солнце держатся, и сыны вечности»²²⁴. Даже боги подчинены этой всеобщей универсальной закономерности. Рита осуществляет во Вселенной принцип единства:

Един Огонь, многоразлично возжигаемый,
Едино Солнце всепроникающее,
Едина Заря всеосвещающая,
И едино то, что стало всем этим²²⁵.

Но Рита, по представлению риши, правит не только строем физического космоса, но включает в себя и универсальную этическую закономерность. Под словом «Рита» риши понимали вечную объективную реальность нравственного миропорядка. Вселенский строй, согласно их учению, сплетается из двух закономерностей: материальной и духовно-нравственной.

Невозможно не удивляться, когда встречаешь такие глубокие мысли у народа, сделавшего только первые шаги по пути к цивилизации. Какие только гипотезы не измышлялись для объяснения этого факта! Скорее всего, однако, перед нами не мировоззрение, достигнутое в процессе долгих и мучительных исканий, а чудом сохранившееся наследие далекого первобытного прошлого. В Риг-Веде большинство самых возвышенных идей восходит к доисторическим временам, к тем временам, когда в человечестве еще жила первоначальная вера в Единого. Молясь Варуне, арийский риши эмоционально воспринимал его как истинного Бога, но рационально он осмысливал Варуну лишь как адитью – сына Вечности, подчиненного Рите.

А откуда взялся сам закон Рита? Слово «Рита» означает «соответствие». Соответствие чему? И здесь мыслители Риг-Веды уже колеблются с ответом.

Чья высшая воля создала закон?

Напрасно всматривается риши в туманную глубину. Его народ и он сам уже слишком далеко отошли от Источника высшего знания. Светозарный Отец, Дьяушпитар, стал для них бледной тенью, абстрактным понятием, растворился, исчез, заслоненный исполинским телом Матери-природы и полчищами рожденных ею богов...

Но хотя Бог все больше и больше ускользает от сознания человека ведической религии, это не означает угасания в нем живого религиозного чувства; он начинает переносить на богов свойства Вседержителя. Вступая в противоречие с самим собой, он объявляет Варуну носителем Риты и создателем мира.

Египетские жрецы отождествляли богов с Единым. У индийских риши мы видим нечто сходное с религиозными поисками Месопотамии. Риши, говорит Макс Мюллер, «обращается к Индре, или Агни, или Варуне как к единственному богу, на время совершенно забывая о других богах... Именно эту фазу, вполне развитую в гимнах Вед, я и желал окончательно отметить, дав ей отдельное название, и назвал ее генотеизмом»²²⁶.

Ведические гимны содержат указание на углубившееся сознание греховности человека, который чувствует, что он сам является причиной удаления от Бога, что его пороки и поступки воздвигают стену между ним и Богом. Поэтому таким горячим и искренним чувством проникнуты псалмы Риг-Веды, которые можно сравнить лишь с лучшими произведениями мировой религиозной поэзии²²⁷.

Хотя часто, о Варуна,
Нарушаем мы закон твой, Боже,
Как дети человеческие день за днем,
Не отдавай нас в жертву смерти,
В жертву ударам и дикому гневу...
Когда умилюстивим мы Его,
Далеко взирающего подателя благ Варуну,
Он, знающий пути птиц в чистом воздухе
И кораблей в море,
Знающий двенадцать месяцев с их плодами...
Да благословит он ежедневную жизнь нашу
И умножает число дней наших...
Если мы согрешили против человека,
Который любит нас,
Причинили зло другу или товарищу,
Нанесли зло соседу, живущему с нами,
Или даже незнакомому путнику,
О Господи, отпусти нам эти прегрешения.

С чувством трогательного доверия обращается риши к Богу и сокрушенно кается в страсти к вину, к азартным играм, кается в склонности к насилию и распущенности. Он просит Варуну освободить его от тяжести грехов и простить за слабование и малодушие. В гимнах Варуна нередко называется другом и звучат горькие сетования на то, что эта дружба с Небесами нарушается проступками и грехами.

Как много, казалось бы, обещают эти порывы! Радостное предчувствие охватывает нас. Не здесь ли мы можем начать странствие по той дороге, которая поведет нас через тернии к звездам? Но торжествовать еще рано. Вот впереди маячат странные тени. Дорогу преграждают, кивая и гримасничая, причудливые фигуры духов. Как зачарованный смотрит на них человек... В глазах у него темнеет. Он не находит в себе энергии, чтобы решительно оттолкнуть эти влекущие, завораживающие лики: они окружают его... Он в сетях... Он сбился с пути.

Глава девятая

Люди, стихии и боги. Индия, 1700–1500 гг. до н. э

Многих завоевателей видела Индия. На протяжении веков народы Востока и Запада, арии и эллины, арабы и англичане, вступали как победители на ее землю. И не только порабощение и разруху приносили они с собой. Индия многому научилась от своих чужеземных властителей. Европа дала ей принципы демократической государственности, достижения западной культуры и науки; при мусульманских правителях в Индии расцвело утонченное индо-мавританское зодчество. Греческое влияние создало нежный индо-эллинский стиль в скульптуре; арии положили начало своеобразному философскому мышлению Индии.

Но окончательно возобладать над могучими почвенными истоками индийского духа, индийской культуры не смог ни один победитель. Рано или поздно она или вытесняла его, или поглощала, как заросли лиан поглощают руины. Этой судьбы не избежали и арии. Их молодая культура, несмотря на свою самобытность, оказалась не в силах состязаться с культурой, процветавшей в долине Инда уже многие столетия. Первоначально арии успешно продвигались на юг, сметая со своего пути *дасью*, но уничтожить их они не могли, хотя бы из-за численного перевеса туземцев. Постепенно оседая в завоеванной стране, они неизбежно стали смешиваться с дравидами и другими индийскими племенами, перенимая их обычаи, воззрения, привычки.

* * *

Хотя мы имеем очень мало достоверных сведений об Индии середины II тысячелетия до н. э., но на основе гимнов Риг-Веды мы можем в какой-то степени составить общее представление об эволюции культуры арьев.

Напрасно старались они сохранить свой старинный жизненный уклад и остаться вольными пастухами; тщетно чуждались они цивилизации, не желали строить городов, предпочитая селиться в деревнях, прилегающих к обширным пастбищам, где бродили их длинноногие буйволы. Жизнь постепенно брала свое.

Села разрастались; их обитатели в тревожной обстановке племенных распрей и упорной борьбы с туземцами вынуждены были возводить укрепления с земляными валами. Возникали *пурь* — большие поселки полугородского типа. Порабощение местных племен, которых стали использовать на всевозможных работах, привело к быстрому развитию хозяйства. Благодаря набегам и угнетению туземцев военные вожди скапливали большие богатства. Появилась необходимость в торговле. Есть указания на то, что в это время купцы из Индии проникали вплоть до Вавилона по пути, проложенному некогда караванами древних индийцев.

Хотя письменность у индоарьев пока еще не появилась, культура их при сближении с окружающими племенами и народами неуклонно развивалась и усложнялась. Если судить по некоторым намекам в Риг-Веде, времена, когда арии удовлетворялись простыми алтарями под открытым небом, ушли в прошлое. На завоеванной земле выросли первые колоннады индоарийских храмов, и народ склонился перед первыми изваяниями божеств²²⁸.

* * *

Сказочно пестрая природа тропиков одевала религию в сказочно пестрые тропические покровы. Куда ни обращал свой взор человек, всюду его поражали бесконечно разнообразные проявления Мировой силы. Все вещало ему о новых богах, о бесчисленном сонме духов. Он

был подавлен, зачарован, он терялся, с трудом разбираясь в своих впечатлениях. Поэтому так запутан и неясен индийский пантеон, где один и тот же бог двоится, троится, носит разные имена, исполняет разные функции. Боги индоарьев, боги их предков, боги туземцев, новые боги сливаются в единую подвижную массу. Можно смело сказать, что такого религиозного хаоса, какой мы наблюдаем в эпоху Риг-Веды, не знала история. Другой важнейшей чертой ведийской религии было своеобразное «ясновидение космоса», близкое к египетскому. За всеми проявлениями бытия арий видел живую духовную силу и готов был преклониться перед ней. Он воссылал свои хвалы Митре и Сурье, – богу солнца, когда тот, проносясь на золотых конях по пространству неба, посылал свои стрелы сквозь белоснежную ткань облаков. Человек восхищался этим шествием пламенного небожителя, которому каждый раз его невеста, богиня зари *Ушас*, шла навстречу:

Словно юная красавица, которую наряжает мать,
Или богато убранная танцовщица,
Или пестро разодетая жена перед супругом,
Или женщина во всем блеске ее красоты,
Выступающая из купальни,
Улыбающаяся и уверенная в непреодолимой силе
Своих прелестей,
Она обнажает грудь перед взорами людей²²⁹.

Великая сила любви, царящая среди живых существ, в глазах древних людей простирала свою власть на все мироздание. Им казалось, что всюду: и в облаках, окутывающих землю, и в лучах, скользящих по вершинам гор, и в корнях, уходящих в почву, – они подслушивают страстный шепот и различают нежные объятия. Небо и земля, боги и люди, растения и животные – все воспринималось ими как пронизанное притяжением любви и ее чарами, как вселенская игра влюбленных.

Издrevле арии с восторженным благоговением относились к *сому* — опьяняющему напитку, который научились делать еще их далекие предки. Действие этого напитка приписывалось особому божеству Соме, который был одновременно и богом луны, загадочного светила ночи, вызывающего в душе непонятное волнение. Пьянящий сок сомы отдавал человека во власть сказочных мечтаний, он как будто бы становился ясновидящим, весь мир преображался для него, каждое слово приобретало особый вещий смысл, душа испытывала чувства, недоступные для нее в обычном состоянии, когда спят ее тайные силы. Принимая же сому, она окрылялась, вступала на порог заколдованного замка, в котором все живет, все дышит тайнами и откровениями. В вихре исступления разверзались бездны света и безобразные ужасы тьмы. На короткое время, воспламененный волшебным напитком, человек возносился в неведомые сферы. Сомы, как ритмичная музыка, как ритуальный танец, приносил неизреченное блаженство экстаза²³⁰. Поэтому арий молился Соме:

Там, где вечный свет в мире, где находится Солнце,
В том бессмертном, нетленном мире
Помести меня, о Сомы,
Где сын Вывасват правит как царь,
Где находится тайна небес, где находятся могучие воды,
Там сделай меня бессмертным.
Где жизнь свободна на третьем небе небес,
Где миры сверкают, там дай мне бессмертие.
Где есть хотения и желания,

Где чаша светящегося Сомы,
Где пища и радость, там дай мне бессмертие.
Где есть счастье и наслаждение,
Где процветают радости и удовольствия,
Где желания нашего желанья достигнуты,
Там дай мне бессмертие...

Этот вакхический гимн, этот крик восторга перед открывшимися душе радостями бытия есть как бы отзвук тех исчезнувших дней, когда не была нарушена гармония между человеком и миром. Жажда вернуть это состояние обнаруживается и в первобытном шаманизме, и в сладострастных культах Сирии, и в религии Диониса. Эти попытки, как правило, были обречены на неудачу, ибо не хотели ничего знать о том, что по сравнению с изначальным своим состоянием человек уже далеко ушел от возможности быть участником праздника мировой гармонии.

Култ Сомы был одним из древнейших у арьев. Они с презрением, как о нечестивцах, отзывались о людях, не выделяющих священного напитка. Опьянение любви, экстагическое безумие Сомы, колоссальный мир, несущийся неведомо куда под необозримым голубым простором, озаренным пламенем Суры, космическое сладострастное томление и чувство бесконечного восхищения перед этой божественной картиной кипящей жизни – все это составляет душу Риг-Веды. Божества начинают воплощаться в яркие, чувственные образы.

* * *

Если археологи и не находят арийских идолов, то гимны позволяют нам легко представить себе их облик. Арьи очеловечили небожителей, наделили их всеми человеческими страстями, изображая хитрыми, похотливыми, эгоистичными. Они охотно слушают лесть; их представляют наподобие Олимпийцев могучими великанами с человеческим телом, одетыми в роскошные одежды. Происходит провал от возвышенного символизма в примитивный натурализм. Старое представление о богах вытесняется новым²³¹.

Проходили годы, десятилетия, а над Индостаном не смолкали военные кличи. Дравиды и другие туземные народности не складывали оружия, а главное – среди самих индоарьев шла нескончаемая борьба. Каждый из небольших арийских народцев (а их было довольно много) стремился к гегемонии в стране и для достижения этой цели не брезговал ничем. Племенные вожди – *раджи* – привлекали на свою сторону дасью, чтобы вместе с ними обрушиться на соплеменников. В знаменитой «битве десяти царей», которая привела к возвышению племени бхаратов, один раджа призвал бога Индру истребить врагов, все равно, кто они – арии или дасью²³².

Летающий Индра. *Роспись в Адженте*

Бог-громовержец *Индра* появился в арийском пантеоне как раз в эту эпоху войн и междоусобиц. На его примере можно наглядно проследить деградацию арийской религии²³³.

Индра пришел вместе с разящим громом, в хороводе стремительных туч, могучий, гордый, перекатывающийся в облаках исполин. Он явился как национальный бог арьев, стремительный враг их противников. В руках его змеятся молнии, на голове золотой шлем, в ушах золотые серьги; он непобедим, он одним залпом проглатывает безмерное количество сомы, он доходит в своей жадности до того, что готов проглотить вино вместе с бочонком. Индра ниспосылает благодетельный дождь. С помощью служебных духов он низвергает демона засухи Вритру. Индра ведет племена арьев в новые богатые земли. Индра – веселый и неистовый небожитель, которого легко подкупить дарами и приношениями. Как мало похож он на возвышенного Варуну!

* * *

В Риг-Веде больше всего гимнов посвящено Индре, так как сборник редактировался в эпоху наивысшего расцвета его культа. Громовержец оказался в силах не только возвеличить преданных ему раджей и победить их врагов, но и оттеснить адитий – богов-соперников – и низложить с трона царя Варуну. В одном гимне приводится следующий замечательный диалог между Варуной и Индрой²³⁴. «Я царь, мне все подвластно, – говорит Варуна. – Все боги подчинены мне, всеобщему творцу жизни, и следуют велениям Варуны. Я царствую в высочайшей святине людей, я царь Варуна. О Индра, я Варуна, и два широких, глубоких благословенных мира мои. Мудрый творец, я создатель всех существ. Благодаря мне сохраняются земля и небо. Я заставляю вздуться текущие воды. Я водрузил небеса на их священное место. Я святой сын вечности, развертываю троичную вселенную».

Но эта речь несколько не смущает Индру: он хвастливо заявляет о своих преимуществах. «Ко мне зывают имеющие коней люди, – говорит он, – когда им приходится тяжело в битве. Я тот могущественный бог, который своей непревзойденной силой возбуждает сражение и взме-

тает пыль... Все это сделал я, и мощь всех богов не в состоянии меня, непобедимого, обуздать. Когда я возбужден возлияниями и молитвами, тогда содрогаются два безграничных мира». И, подтверждая слова Индры, поэт свидетельствует, что он воистину могучий мироправитель.

В другом месте риши прямо исповедует:

«Ныне говорю я Лучезарному Отцу: “Прощай, я ухожу от Того, кому не приносят жертвы, к тому, кому люди приносят жертвы. Я выбираю Индру, я отрекаюсь от Отца, хотя жил с ним в дружбе много лет... Сила переходит к другому. Я вижу, как она приходит”».

Это ни с чем не сравнимые, единственные в своем роде документы в истории религии. Здесь мы как бы присутствуем при том моменте, когда совершается переход от единобожия к многобожию, от почитания незримого Властителя Вселенной и источника добра к культу грубого и человекоподобного громовержца, на стороне которого сила и симпатии большинства людей. Индра более популярен, он понятнее, доступнее примитивному воображению, он обещает быть покровителем военных вождей арьев; раджи молятся ему, призывают его в битвах как своего военачальника.

Нам совершенно неизвестно, как относились арьи к религии коренного населения. Есть только намеки на то, что первоначально они сурово осуждали фаллический культ, процветавший в долине Инда²³⁵. Тем не менее, около 1500 г. они сами его восприняли вместе с целым рядом других черт древнеиндийского язычества.

* * *

Легко представить себе, по какому пути после всего этого пошла ведическая религия. Вместо простой, возвышенной молитвы, возносимой из глубины души под неподвижной синевой небес, появляется сложная система ритуалов и заклинаний. Все большее распространение получает мысль о том, что боги нуждаются в церемониях и жертвоприношениях и что путем культовой магии их можно *принудить* служить себе²³⁶. Нравственно-мистическое отношение человека к Божеству извращается. Для индоарьев начинается *магический* этап истории их мировоззрения. Закон Рита переосмысливается в магическом плане. Ритуалы начинают рассматриваться как неотъемлемая составная часть мирового порядка. Отсюда рост авторитета жрецов, тех людей, которые занимаются исполнением обрядов. В этих обрядах налицо все черты первобытного колдовства: и попытка имитацией желаемого события превратить его в действительное, и вытеснение из молитвы морального элемента. Все упование возлагается на *знание* причинно-магической связи между вещами; строго соблюдая всю сложную церемониальную систему, можно управлять стихиями и богами, как своими слугами. Огненная жертва может вызвать молнию и гром, а возлияние молока – дождь.

Эта иллюзорная власть над миром неизбежно приводит к полному порабощению человека. Магические представления сковывают его сознание и постепенно угашают в нем подлинно религиозную мысль. К счастью, индоарийская культура не задохнулась под гнетом магизма, а стала незаметно пробивать себе дорогу. В ведический период эта дорога разделилась на два направления. С одной стороны, неудовлетворенное религиозное чувство обратилось к космической мистике бытия, огня, жизни.

С другой стороны, выход из тупика начали искать через философское мышление.

В чем же конкретно проявились эти два пути? Ведические поэты никогда не утрачивали ощущения внутреннего единства жизни. Они воплотили это чувство в величественном мифе об исполине Пуруше, мировом всечеловеке²³⁷. Это тысячеглавое и тысяченогое существо было принесено богам в жертву. Пуруша был связан и заклан, и из его необъятного тела возникло все многообразие Вселенной: животные и духи, боги и звезды, гимны и песнопения. Пуруша – это все, что стало и станет.

Когда миф говорит о сотворении человечества, то проводит между людьми определенные различия. Не из одной части колосса возник людской род:

Брахманом стали его уста, руки кшатрием,
Его бедра стали вайшьей, из ног возник шудра.

Это первое упоминание о сословно-религиозном делении в Индии, о так называемых *варнах*, или кастах.

На чем основывалось подобное деление, уже более трех тысяч лет тяготеющее над Индией? Историки не пришли к единому мнению в попытках ответить на этот вопрос. Излишне доказывать, что дело тут не в социальной расслоенности^{TM}. Десятки других древних обществ обладали гораздо более резко выраженным сословным разделением, чем Индия около 1500 г., и тем не менее никогда не существовало такой пропасти между сословиями, какая существовала и в известной мере существует донныне между индийскими *варнами*. Некоторые историки склонны связывать возникновение варн со стремлением арьев соблюсти чистоту крови. Однако очевидно, что варны являются не столько барьером между арьями и неарьями, сколько в первую очередь дробят самих арьев на строго изолированные группы²³⁸. Скорее всего, мы должны искать корни кастовой системы в магических представлениях, воцарившихся у индийских арьев. Мы знаем, как ревниво

охраняется в первобытных религиях тайна высших посвящений, какие препятствия должен преодолеть человек, чтобы достичь посвящения. Возможно, принявшие посвящение считались у арьев высшим классом людей, а так как магизм не признавал динамики в развитии, эти ступени должны были оставаться неизменными, как часть единого мирового организма. Эта мысль достаточно ясно выражена в мифе о Пуруше.

Но, оставляя в стороне социальный аспект мифа, важно отметить, что Пуруша является великолепным символом органической целостности мироздания. Все, от богов до последней пылинки, соподчиняется в нем, как органы в живом теле.

Другая важная черта мифа – это огромная роль, которая отводится в нем жертвоприношению. Весь космогонический процесс рассматривается как некая предмирная жертва, как рассечение единой живой праматерии. Благодаря мифу о Пуруше ритуал возводится на высоту непреложного всеобщего принципа. Посредником при всех жертвенных обрядах является бог огня *Агни*. Этот новый обитатель индийского Олимпа незаметно начинает отвоевывать у Индры первенство. Годы войн и захватов с течением времени уходят в прошлое; жидительное тепло, загадочное и животворящее, привлекает больше внимания, чем простодушный любитель сомы Индра, похваляющийся своей силой. В культуре Агни сосредоточивается тот чувственно-созерцательный *пантеизм*, который всегда составлял отличительную черту индийского мироощущения. Природа, таинственная жизненная сила, скрытая в ней, сопричастие ликованию стихий становятся для индийца источником духовного наслаждения и мистических радостей. Но эта натуралистическая мистика не способна освободить человека от власти магизма. Природа, подчиненная неумолимым законам, не может быть светочем духовной свободы. Если для отдельных людей в ней открываются тайны мира и звучит голос Вечности, то большинству тех, кто живет культом природы, не остается ничего иного, как отдать себя во власть косного, вечного и безнадежного круговорота вещей.

В этот период возникает своеобразное индийское богословие, которое идет по пути синкретизма, близкого к египетскому. От смутного, неосознанного «генотеизма» приходят к убеждению, что каждый бог достоин почитания в силу своей тождественности с остальными. «Это, – говорит Макс Мюллер, – не то, что обычно понимают под политеизмом. Однако неправильно было бы назвать это и монотеизмом. Если уж необходимо найти какое-то имя, то следовало бы

назвать его *катенотеизмом*. Это есть сознание того, что многие божества – лишь различные имена одного и того же Бога»²³⁹.

Такого рода «катенотеизм» может показаться шагом к единобожию, но в действительности он оправдывал политеизм, освящая все его формы.

Зачатки философской мысли в Индии были связаны с духовным кризисом, аналогичным подобному же кризису в Египте и Двуречье. Мы узнаем о нем опять-таки из Риг-Веды, из более поздних гимнов сборника. Там звучат уже молитвы, которые свойственны обычно изоциренным, утонченным цивилизациям. Живое чувство общения с космосом и духовными силами, его одушевляющими, заменяется рассудочной рефлексией, скепсисом, усталыми, холодными умствованиями²⁴⁰.

Если прежде душа человека не испытывала никаких сомнений, а со всей страстностью отдавалась любым богам и любым силам, готовая каждого из них возвести на небесный престол, то теперь путь к этому непосредственному общению с природой и духовным миром оказался для многих закрытым. Людей стали охватывать мучительные раздумья: в чем смысл мироздания? Откуда оно возникло? Грубые мифы перестали удовлетворять; окруженные сонмом богов, их почитатели тщетно ищут среди них Высшего и Единого. Какому Богу нужно поклоняться? – спрашивают себя риши. – Индре? Но кто видел его? Существует ли он? Высшего поклонения заслуживает лишь Творец (*Вишвакарман*) и Вседержитель (*Праджанати*), Тот, Кто был источником всего. «Кто двинул по небу эти светила, Кто вдохнул силу в животных и разум в человека. Но есть ли среди людей кто-либо видевший Его? Где жизнь, кровь, Я Вселенной? Разве спрашивает что-либо тот, кто знает?»²⁴¹ Человек бредет в темноте, и от него скрыт конечный смысл его бытия, от него скрыто начало мира. Он может лишь строить смутные догадки и ставить вопросы, бесконечные вопросы. И разрешимы ли они?

Поэт обращается к истокам Вселенной:

В том изначальном не существовали
Ни что-нибудь, ни темное ничто.
Лазури светлой не было, ни кровли
Широко распростершихся небес.

Что покрывало все? И где приют был?
Была ли там бездонность? Глубь воды?

Там не было ни смерти, ни бессмертья.
Меж днем и ночью не было черты.
Единое одно, само собою,
Дышало без дыхания везде.
Все было Тьмой, все покрывал сначала
Глубокий мрак, был Океан без света,
Единая пустынность без границ.

Зародыш, сокровенностью объятый,
Из внутреннего пламени возник.
Любовь тогда первее всех восстала
В сознании из силы семенной.

В свои сердца глубоко заглянувшим,
Открылось мудрым, что в Небытии

Есть Бытия родство. И протянули
Они косую длинную межу.

Там был ли низ? Там был ли верх? Там были
Даятели семян, там были Силы.
Внизу самодержавность Бытия,
Вверху протяжность мощная пространства.

Кто знает тайну? Кто ее поведал?
Откуда мир, откуда он явился?
Тех далее и богам не досягнуть,
Они пришли позднее. Кто же знает?

Откуда, как возник весь этот мир?
Откуда же Вселенная явилась,
Мир создан был или он был не создан?

Об этом знает только Он, Всезрящий,
Все видящий с небесной высоты,

Иль, может быть, и Он того не знает?²⁴²

В этом знаменитом гимне нашло выражение то чувство недоумения, которое охватывало индийских провидцев, когда они пытались найти утерянную нить, пытались проникнуть в молчаливую обитель Высшей тайны. И мы видим, что эта попытка, в сущности, не идет дальше смутных мечтаний и догадок, дальше неопределенных образов и расплывчатых понятий.

На первых порах арий был слишком увлечен цепью потрясающих картин, развернувшихся перед ним: священными Гималаями, сверкающими шапками на их вершинах, джунглями Арьяварты, величавым Индом. Он слишком страстно молился природе, слишком остро воспринимал ее одухотворенность, слишком долго отдавался ей, чтобы под конец не наступило охлаждение, перешедшее в своеобразную отчужденность. Это было преддверие спиритуализма брахманов и буддистского мироотрицания. Место Божества у ведических философов все чаще занимает теперь неопределенное Единое (*Экам*), некая расплывчатая сущность, что-то холодное и безличное. От этого Экама не веет мощью и красотой, как от бога отцов светозарного Дьяушпитара; в нем нет и живого тепла, которое можно ощутить даже в образе громовержца Индры. Это нечто бесстрастное, нечто как бы мертвенное, несмотря на то что это Исток Вселенной. Это «Оно», это холод и молчание, молчание без конца...

Индийская мысль, как это часто бывает, из одной крайности неизбежно впадала в другую. От экстазов бытия, от упоения жизнью и природой, от эротической мистики и космических прозрений она устремляется в неведомые глубины Сверхбытия, где умолкают все земные звуки и где царит Абсолют. Там, в предвечном мраке, сокрыты потенции всего, там, в глубине неизглаголанного, – бесформенный лик *Единого*, у которого нет названия. Труден путь человеческого духа в эти ледяные царства безмолвия. Великая отвага, несокрушимая воля, жажда истины устремляли его туда.

Но прежде чем вступить на этот небывалый, сверхчеловеческий путь, пророки Индии прошли через горнило разъедающего скептицизма и уныния. Постепенно утратив веру предков, перестав обращаться с молитвой к Богу, они были соблазнены духами стихий, чувственной мистикой космоса, но в конце концов разочаровались в ней, они стояли на распутье, вглядываясь во тьму.

«Какому богу вознесу я мольбу?» – спрашивает риши. Откуда и для чего появился мир? Никто этого не знает. Быть может, человек лишь игрушка неведомых сил, и ему суждено вовеки тщетно разгадывать мировую загадку, сидя у беспредельного океана истины. . .

Великая всемирно-историческая заслуга древнеиндийских мыслителей в том, что они преодолели этот кризис и дерзнули, не останавливаясь на полдороге, вступить в темный храм Вечного и Безусловного, в храм Абсолюта.

Но не на этом пути суждено было обрести человечеству утраченное единение земли и Неба. Не от языческого космоизма, не от мистиков, поднявшихся до вершины сверхбытия, шло спасение. Не здесь, в Индии, а там, на западе, на стыке трех материков, незаметно подготавливалось величайшее Откровение в истории человечества.

Глава десятая

Начало Ветхого Завета. Авраам. Двуречье – Ханаан, ок. 1850–1800 гг. до н. э

*Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, а не философов и ученых.
Паскаль*

Голос Духа порой бывает самым тихим голосом, и самые незаметные события нередко оказываются его величайшими деяниями. То, что человеку представляется значительным и грандиозным, легко может оказаться ничтожным. Никакое внешнее величие не может по достоинству отразить величие Божественное. Поэтому столь свойственно Духу скрываться под рубищем и облекаться в смиренные одежды. Так, проповедь Евангелия в глазах многих людей представлялась вздором, не заслуживающим внимания. Еще более незаметным и лишенным внешних признаков значительности было начало Священной Истории, Завета, диалога между Богом и человеком.

В то самое время, когда орды арьев с боями продвигались по индийской земле, а на Евфрате амориты положили начало Вавилону, толпа пастухов в пестрых одеждах, подгоняя овец и коз, двигалась по дорогам Сирии. Пастухи шли из Месопотамии, направляясь через пустынные области на запад, в землю Ханаанскую. Этих людей возглавлял вождь (или *шейх*) Авраам. Их было немногим больше трехсот человек, и уход их едва ли привлек особое внимание²⁴³. В те тревожные годы многие семьи покидали насиженные места и отправлялись на поиски новых земель.

Между тем это внешне неприметное событие открывало новую главу в истории всемирного богоискания. В лице Авраама и его людей появляются новые герои нашей повести, которые едва ли сами догадываются о том, какое будущее ожидает их народ. Впрочем, и народом-то их пока назвать нельзя. Они были выходцами из Харрана в Северной Месопотамии, где обитало племя араму, или *арамеев*²⁴⁴. По этому племени и область Харрана получила название Паддан-Арам, т. е. «Поле арамеев». Много веков спустя арамеи образуют могущественное царство в Сирии со столицей в Дамаске, но люди Авраама, покинув Арам, утратили и свою принадлежность к арамеям. Они вошли в категорию *хабири*, или *атеру*. Так назывались бродячие семьи, которые, скитаясь по восточным странам, добывали пропитание скотоводством, разбоем, службой в наемных войсках. О хабири упоминают документы Египта, Палестины, Месопотамии²⁴⁵.

В одном древнем тексте Авраам назван *ха-ибри*. Возможно, наименование «евреи» (*ибри*), которое стали прилагать к Авраамову племени, связано с наименованием «хабири»²⁴⁶. Впоследствии евреи разделились на несколько народностей, среди которых были моавитяне, амонитяне, измаильтяне, идумеи²⁴⁷. Но *народом Завета* суждено было стать группе еврейских колен, объединившихся в XVIII веке до н. э. под именем сынов Израиля (евр. *бенé-исраэль*), или израильтян.

* * *

Евреи появляются на исторической арене сравнительно поздно. К 1850 г., т. е. к тому времени, когда Авраам вывел свой клан из Месопотамии, Египет уже пережил несколько эпох подъема и упадка; шумеры растворились среди семитов, а на смену царству Аккад-

скому выдвигалось Вавилонское; уже заявили о себе ассирийцы, а в Финикии и Ханаане были созданы первые города-государства.

Ни в искусстве, ни в науке, ни во внешнеполитической мощи израильтяне не могли соперничать со своими соседями. Между тем по прошествии многих веков Вавилон и Египет станут достоянием археологов и историков, а приключения маленького пастушеского народа будут жить в бессмертной Книге Откровения.

Для историка израильский народ должен представляться чем-то загадочным. Пришелец из далекого исчезнувшего мира, переживший расцвет и гибель многих народов и стран, видевший империи Ассаргадона и Кира, Александра и Цезаря, он остается живым, и в нем не иссякают творческие импульсы.

Он всегда был народом-странником. Жизнь в Палестине, в сущности, короткий эпизод в его сорокавековой истории. До завоевания Обетованной земли евреи веками живут в Месопотамии, Египте, Сирии. С VIII века до н. э. начинается цепь изгнаний и пленений. Евреи обитают в Ассирии, Вавилонии, в Персии, в эллинистических государствах. Перед войной 70 г., которая закончилась гибелью Иерусалима и рассеянием, в Палестине было более двух миллионов иудеев, в то время как в остальных странах Римской империи их насчитывалось более четырех миллионов.

Проникаясь культурой народов, среди которых им суждено было жить, израильтяне тем не менее не теряли своего собственного духовного облика и веры в свое призвание. Именно такой народ: с одной стороны, универсальный, всечеловеческий, а с другой стороны, способный сохранить свой собственный внутренний стержень, – мог стать носителем мировой религии. Израильская культура была тем горнилом, в котором сплавлялись воедино духовные ценности дохристианского человечества. Лучшее, что было в Вавилоне и Египте, Иране и Греции, нашло свое завершение в ветхозаветной религии.

Это религиозное призвание было даром великим и мучительным. Вся духовная история народа-скитальца стояла под знаком борьбы и под знаком «исхода»: исхода Авраама из Харрана, исхода из египетского рабства, из Вавилонского плена, из пут обрядовой религии. Величайшим «исходом» был исход Израиля в христианство, который совершила лишь часть народа²⁴⁸.

Эта двойственность Израиля, родившего Мессию и отвергшего Мессию, не случайна. Это печать его избранничества и «осевого» положения в истории²⁴⁹. Народ Христа есть особый народ, *иные том смысле, что он выше или лучше других народов*, но в том, что через свою религиозную миссию он явился как бы *представителем всего человечества* в его встрече с Богом. И именно как представитель *всего* человечества он несет в себе весь комплекс противоречивых начал: универсализм пророков и национальную узость законников, апостольское благовестие и марксистский материализм. В душе Израиля столкнулись аскетизм Спинозы и стяжательство финансистов. Достаточно вспомнить проповедь пророков, чтобы понять всю драматичность и напряженность этой борьбы. Именно пророки, больше всех верившие в священную миссию Израиля, были наиболее беспощадны к любым проявлениям темного полюса в народе Божиим²⁵⁰.

Кульминационной точки схватки этих двух полярных начал в Израиле достигла в создании двух образов Мессии-Избавителя. Один был могущественным земным царем, другой – Агнцем Божиим, принимавшим на себя грехи мира. Здесь прошел водораздел между принявшими Христа и отвергшими. Но эта трагическая двойственность была связана с самой природой еврейского религиозного духа как духа мессианского. Ни Греция, ни Индия не могли стать лоном для Нового Завета. Величайший греческий мыслитель Платон видел спасение только в переходе в иной мир, в смерти, это же обещали эллинистические мистерии. К этому близок и индийский религиозный дух, для которого зримый мир – нечто иллюзорное и бессмысленное и

который искал освобождения в мистической отрешенности. Между тем в Израиле пламенная вера в спасение и избавление была неразрывно связана с признанием реальности и ценности мира, творения, жизни. Не растворение в экстазе, не уход в мистическое молчание, а живой человек, предстоящий перед Богом Живым, – такова религия Ветхого Завета. В ней человек – не бессловесный раб и не бесплотный духовидец, а существо мятежное, противоречивое, обладающее напряженной волей и ярко выраженным личностным началом. И эту свою полноту личности, свою страстную душу человек приносит к подножию Бога.

«Веруя в сущего Бога, – говорит Вл. Соловьев, – Израиль привлек к себе богоявления и откровения; веруя так же и в себя, Израиль мог вступить в *личное* отношение с Яхве, стать с Ним лицом к лицу; заключить с Ним договор, служить Ему не как пассивное орудие, а как деятельный союзник; наконец, в силу той же деятельной веры стремясь к конечной реализации своего духовного начала, через очищение материальной природы, Израиль подготовил среди себя чистую и святую обитель для воплощения Бога-Слова. Вот почему еврейство есть избранный народ Божий, вот почему Христос родился в Иудее»²⁵¹.

Но мы бы погрешили против исторической правды, если бы вообразили, что уже тогда, когда Авраам покинул Месопотамию, он и его люди были носителями богопочитания этого высокого типа. Нет, с Авраама и других патриархов еврейского народа лишь начиналась история Ветхого Завета, история религии, приведшая к порогу Евангелия. Она раскрывалась из малого зерна, и путь ее был сложным, извилистым и полным соблазнов.

* * *

Предания об Аврааме и патриархах были записаны едва ли раньше X века до н. э.²⁵². На этом основании историки нередко ставили под сомнение их историческую ценность. Они утверждали, что эти предания – отголосок мифов о древнееврейских богах²⁵³.

Между тем археологические открытия нашего века доказали, что рассказы о патриархах есть запись устного предания, восходящего к началу II тысячелетия, т. е. ко временам еще домоисеевым. Ведущий современный археолог Уильям Олбрайт, отвергнув старые гипотезы относительно мифичности патриархов, пришел к выводу, что сказания о них в основе своей достоверны. Скрупулезное сравнение библейского рассказа с данными раскопок показало, по его словам, что «Авраам, Исаак и Иаков уже не кажутся больше изолированными фигурами, отражающими скорее позднюю израильскую историю; теперь они предстали перед нами как дети своей эпохи, которые носили те же имена, ходили по тем же местам, посещали те же города (особенно Харран и Нахор) и имели те же обычаи, что их современники. Иными словами, рассказы о патриархах имеют историческую основу»²⁵⁴.

Следовательно, уже в самые ранние времена израильтяне обладали тем, что называют «исторической памятью», и свои верования связывали с Откровением, которое получили Авраам, Исаак и Иаков. Хотя религия патриархов была лишь бедным прообразом веры Моисея и Исаяи, но тем не менее именно они, по выражению американского ученого библеиста Джона Брайта, стоят «у истоков израильской истории и веры»²⁵⁵.

Как правило, в преданиях и легендах народов мы видим стремление к идеализации и возвеличению героев прошлого. Обычно это какие-то исполины, наделенные сверхчеловеческими чертами и совершающие неслыханные подвиги. Ничего подобного мы не находим в Книге Бытия, сохранившей древние сказания о патриархах. Священное Писание изображает их живыми, реальными людьми с обычными человеческими слабостями. Перед нами не полубоги, а типичные полуномады Востока, то робкие и осторожные, то безрассудно храбрые, в одних случаях не лишённые лукавства, а в других искренние и правдивые.

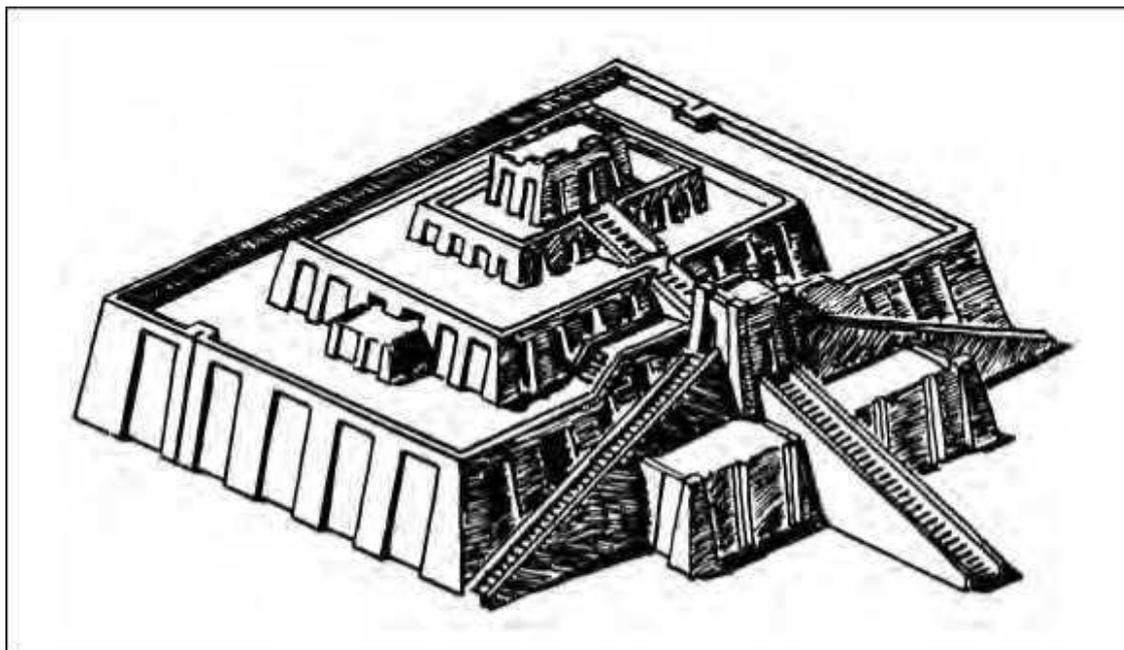
Наиболее рельефно выделяется среди них фигура Авраама. Повествование о нем начинается с Божественного призыва покинуть дом и близких. «И сказал Господь Аврааму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и иди в землю, которую Я укажу тебе»²⁵⁶. Таким образом, «исход» патриарха имел религиозную причину.

Библия указывает на Ур Халдейский как на родину Авраама. Благодаря раскопкам Леонарда Вулли теперь можно составить представление об этом городе в Южной Месопотамии, многолюдном, богатом центре ремесел и торговли²⁵⁷. В нем было множество храмов и святилищ, а над лабиринтом улиц царила ступенчатая башня-зиккурат. Ур был очагом культа лунного бога Нанны, или Сина. Поклонение луне распространено у многих пастушеских народов; все арамеи, родичи Авраама, были, очевидно, приверженцами этого культа²⁵⁸. Из Ура Авраам со своим племенем переселился на север, в Харран. Здесь тоже господствовала религия Сина. Она продержалась в Харране в течение многих веков.

Мы не знаем, как произошло религиозное обособление Авраама, не знаем, когда он отверг лунный культ. Получил ли он понятие о едином Боге от кого-то из людей, или его вера была исключительно плодом личного озарения – так или иначе, первым свидетельством перемены, происшедшей с ним, был его «исход» из Харрана.

* * *

Авраам называет своего Бога *эль-элион*, или *элохим*²⁵⁹. Эти слова древнейшего обще-семитского происхождения. Подобно тому как у шумеров или арьев существовало первоначально понятие о Высшем Божестве (Ан, Дьяушпитар), точно так же и у семитов в их предыстории, очевидно, было поклонение единому Богу под именем *Эль*. Боги язычников, подобно людям, носили собственные имена, которые чаще всего были связаны с областью мироздания, подвластной этому божеству. Иное мы видим в древнейшей религии семитов. *Эль* – не собственное имя, а слово, означающее Бога вообще²⁶⁰. Это важнейшее филологическое свидетельство о характере исконной семитской религии. Некогда *Эль* был высшим и единственным. Иногда к слову Бог добавляли эпитеты: *элион* или *шаддай* (**Бог** Высочайший и Бог Всемогущий), но чаще всего, чтобы отличить своего Бога от других богов, слово *эль* произносили как *элохим*²⁶¹.

Башня-зиккурат в Уре Халдейском. *Реконструкция*

Эта древняя вера, вероятно, исповедовалась аравийскими кочевниками, которые с незапамятных времен блуждали по просторам пустынь. Оторванные от цивилизации, эти люди не видели ничего, кроме звездного неба, палящего солнца и неподвижных каменистых холмов. Бескрайние равнины, дикие безводные местности, где исчезали манящие лики соблазнов, где в тишине звучал лишь *один* Голос, были той панорамой, на фоне которой совершалась великая религиозно-историческая мистерия. Из пустынь пришли предки Израиля, в пустыне раздавался голос Моисея, Илии и Иоанна Крестителя, в пустыне готовился к мессианскому подвигу Сын Человеческий.

По мере того как семитские племена переселялись в Сирию и Двуречье, они, как и арии, теряли свою религиозную самобытность. И только древнее имя Божие свидетельствовало об угасшей вере пустыни.

Быть может, обращение Авраама было своеобразным возрождением этой древней веры. В каждом новом событии духовной истории новизна, как правило, связывает себя с уже существовавшей прежде традицией. Идет ли речь о пророке Амосе, Магомете, св. Франциске или Лютере – везде ясно ощущается эта связь религиозных потоков. В своем сопротивлении лунному культу Авраам, вероятно, ссылался на заветы древнейшей религии праотцев²⁶².

Живя в Уре и Харране, он должен был убедиться, насколько сильно языческое влияние на умы его соотечественников. В ту эпоху шумеро-аккадская, или вавилонская, культура стала распространяться по всему Востоку. Клинопись приобрела международное значение; боги Двуречья чтились во многих землях. Эламцы и ассирийцы, финикийцы и арамеи, уарты и хурриты так или иначе оказались втянутыми в культурную орбиту Вавилона²⁶³.

Хотя Авраам и покинул Месопотамию, но на евреях, как и на многих других народах древности, осталась печать, наложенная Вавилоном.

Их понятия о законности, о семье, об обществе, их представления о строении Вселенной и событиях древней истории сохранили неизгладимые черты вавилонского влияния. Евреи много лет жили в окружении хананеев, сирийцев, египтян, персов, но следы этого соприкосновения ощущаются у них неизмеримо слабее. Наследие древней земли, где сыны пустыни впервые превратились в оседлый народ, было пронесено через столетия.

Ученых, открывавших памятники древневавилонского права, науки и литературы, пора-жал тот факт, что жизнь еврейских патриархов, как она описана в Библии, протекала по уста-вам судебного Хаммурапи или табличек из Нузи. Весь их быт насквозь проникнут понятиями и обычаями, принесенными из долины Тигра и Евфрата. Особенно важно подчеркнуть, что к тому времени, когда библейский рассказ был записан, эти обычаи уже давно исчезли и были преданы забвению²⁶⁴.

Не избежала вавилонского влияния и вера Авраамова племени. Но в этой сфере с ним произошло изумительное превращение. Вера маленького кочевого клана оказалась способной противостоять религии цивилизованного Вавилона и с честью выйти из неравного единобор-ства. Достаточно сравнить сказание о космогонии в Библии и в вавилонской литературе, чтобы наглядно убедиться в том, что месопотамское влияние не пошло здесь дальше отдельных внеш-них черт.

Вавилонская космогония родилась из шумерской. Она была записана в поэме «Энума элиш»²⁶⁵. Согласно этой поэме, в начале всего царил Хаос, единая водная бездна, в кото-рой свивались три космических чудовища: Апсу, Тиамат и их сын Мумму. Они произвольно порождали и уничтожали чудовищ и демонов. От них же произошла плеяда богов, которые восстали против Хаоса. Прародители не сумели предотвратить мятеж. Бог Эа уничтожил Апсу и сковал Мумму, а солнечный бог Мардук вышел в бой против дракона Тиамат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.